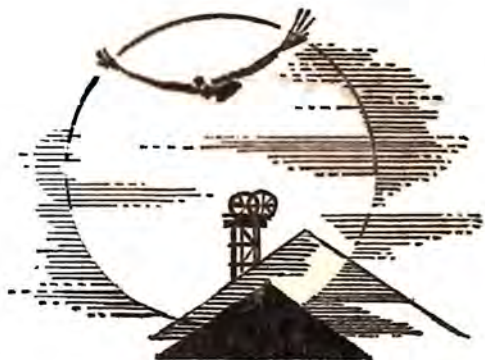

С.Шаймергенов

СТЕПНОЙ СОКОЛ

С.Шаймерденов

СТЕПНОЙ СОКОЛ

(ПОВЕСТЬ О БИТАБАРЕ)

Перевод с казахского *Ольги Саракташ*

Москва
ПРОФИЗДАТ-1979

7032

78

Ш17

278055

Шаймерденов С.

Ш 17 Степной сокол (Повесть о Битабаре). Пер. с казах. — М.: Профиздат, 1979, — 176 с.

55 к.

Повесть казахского писателя — это достоверный, взволнованный рассказ о трудной судьбе казака-кочевника, а затем шахтера-стахановца Битабара Елбаева. В этом романтически приподнятом произведении звучат темы дружбы, рабочей солидарности, любви к своей Родине.

За повесть автор удостоен премии на Всесоюзном конкурсе ВЦСПС и СП СССР на лучшее произведение художественной прозы о современном советском рабочем классе.

Ш 70302—955
081(02)—79 109—79

C2
78

© «Жазушы». 1973.

Создано-Введен

Б И

ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. М. ГОЛДОВСКОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Снежно-белые лебеди летели высоко над степью, вытянув длинные гибкие шеи, равномерно махая сильными крыльями. Время от времени они слегка ломали строй, тревожно перекликаясь, и тогда до пастуха Битабара доносился протяжный затихающий гортанный звук, будто далеко-далеко пели трубы.

Пастух сидел на камне на вершине холма, и ему видна была вся степь, уныло озаренная неярким осенним солнцем. Только что прошел короткий проливной дождь. Он омыл, как будто прилизал, пожухлые травы, мелкими лужицами заблестел по кобыльим тропам.

С севера дул скользящий пронзительный ветер. Пробегая по низинам, он шевелил травы, и те отзывались легким шелестом. Однообразное неприятное пространство тянулось до самого горизонта. Не было тут ни зеленых рощ, ни веселых перелесков, ни кустарников, только ковыль да полынь, да кое-где низкорослая колючка мертвенно желтела в лучах тоскливого осеннего солнца.

Беспокойные перекасти-поле начинали отрываться от корней. На рассвете они шевелились, перекатывались с боку на бок, точно не хотели покидать родные места, а потом, подхваченные ветром, уходили в неведомое странствие, бесприютными скитальцами неслись по степовую.

В потемневшей, притихшей степи замерла жизнь. Захоронились, уснули в норах мыши, ушли в трудное кочевье стада сайгаков. Над степью, распластав крылья, безмолвно парил орел-стервятник, выискивая добычу. Зорко и пристально осматривал он со своей недостижимой высоты каждый кустик, каждую ложбинку на однообразной бурой земле. Но уже холодом дышала безмолвная степь. Безжизненна была недавно богатая сочными жирными травами земля.

Каждый год осенью сердце степняка наполнялось грустью. Он не доискивался, отчего появлялось такое чувство.

Ежедневно, с первых минут рассвета до последнего закатного часа, наблюдал он одну и ту же картину: природа увядала, степь становилась как бы чужой.

Басовито залаял черный волкодав. Битабар поднялся и зорко оглядел стадо. Коровы, бычки и телки, окрепшие за лето, спокойно пощипывали увядшие пучки трав. Ничто не угрожало животным, лишь орел, плавно кружась в вышине, нарушал спокойствие. Битабар задумался. Уж не первый раз, едва солнце раскинет по степи нити лучей, гонит Битабар стадо скота к пойме реки Сарысу, к зеленой проталине. На пологих берегах этой мелководной речки еще не совсем увяла трава. Животные, чуя приближение ненастных дней, жадно припадали толстыми губами к земле, не оставляя после себя ни единой былинки. Изредка они поднимали свои наивные морды с большими влажными глазами и прислушивались к солнечному полдню, как будто хотели унести с собой в тесные зимние загоны память о бескрайней летней степи, наполненной сытными запахами.

«Даже скот чувствует зиму и по-своему готовится к ней», — подумал Битабар. Волкодав, обежав рысцой вокруг стада, улегся в противоположном конце так, чтобы и животные и хозяин находились в поле его собачьего зрения.

Грустно вздохнув, Битабар лег меж камней. Есть о чем подумать и погрузить пастуху. И не стар он еще, но и не молод. Всякое было в его жизни. Многое он мог бы рассказать, да некому здесь рассказывать. Разве только самому себе.

На сырой земле долго не полежишь. Битабар почувствовал, что он замерз, быстро поднялся. Расправил широкую грудь. Повел плечами и, чтобы согреться, пошел выдирать из земли крупные камни. Выдернув один, он перекачивал его, чувствуя, как наливаются теплотою мышцы, потом брался за следующий.

Эту забаву придумал он еще в те годы, когда молодым безусым джигитом впервые начал заглядываться на девушек. Где же, как не здесь, в этом своеобразном соревновании с дружками, мог показать он черноглазой смуглянке размах своих могучих плеч, силу мускулистых рук? Уже тогда молодой Битабар мог поднять камень, который с трудом бы сдвинули с места двое-трое его сверстников.

Приподняв один из камней, Битабар замер: в лунке под ним копошилось множество длинных, лоснящихся полосатых змей. Обессиленные от холода, они с трудом поднимали головы и медленно покачивали ими, как будто бы хотели спросить: «В чем мы провинились перед тобой? За что ты разоряешь наше гнездо?»

Битабар осторожно опустил камень на прежнее место.

Вдруг степное безмолвие нарушил непривычный гул. По противоположному берегу реки быстро мчалась машина. Битабар удивленно застыл, не в силах оторвать от нее взгляда. Не сказать, чтобы он первый раз видел

машину, но в своей степи ему в самом деле ни разу не приходилось ее видеть. Машина между тем уверенно переехала вброд мелководную речушку, от нее в обе стороны серебряными щитами разошлись водяные брызги.

«Оказывается, эта тварь тоже умеет плавать», — подумал пастух, ожидая, когда машина появится из прибрежной ложбины. Но машина почему-то не появлялась. Битабар долго и терпеливо ждал, но из ложбины слышалось лишь приглушенное рокотание.

Оно то становилось громким, то тихим, словно писк комара над головой в момент, когда начинаешь засыпать.

Не сдержав любопытства, Битабар сам направился к ложбине. Машина стояла, увязнув колесами в речном иле.

Рядом с ней стояли два человека.

Один из них, мужчина в широкополой шляпе, находился чуть поодаль, кутаясь от пронизывающего ветра в плащ. Другой, с круглым лицом и глазами степняка, взволнованно хлопотал около машины.

Некоторое время Битабар наблюдал за ними. Затем приблизился и спросил:

— Э-э! Что же это вы без дела стоите в безмолвной степи?

Человек в шляпе поднял голову и сказал иронически на ломаном казахском языке:

— Он даже не знает, почему мы стоим, а?

— Откуда мне знать, — смутился Битабар, — я не умею отгадывать!

— А если даже не умеешь, то разве не видишь?

— Что с того, что он видит? Видит, но не знает, — вмешался в разговор круглолицый.

— Казахи только прикидываются простаками, а самим палец в рот не клади, — возразил мужчина в широкополой шляпе.

Битабар посмотрел на него и подумал: «Он упрям, как Мусатай, сын Алима». Круглолицый, помолчав, обратился к пастуху:

— Говорят ведь, в незнакомом месте и большая яма кажется маленькой. Вот мы и не заметили, как въехали в грязь.

То, что железная машина, подобно деревянной телеге, может застрять в грязи, несказанно удивило Битабара. Он несколько раз обошел вокруг машины, изумленно покачивая головой, и произнес:

— Эта тварь, оказывается, боится грязи. Что теперь будешь делать? А?

— Не знаю, — ответил круглолицый. — Или придется тянуть веревками, или поднимать.

— Надо поднимать? — оживился Битабар.

— Да, можно и поднять.

— В таком случае, сколько же весит эта железная тварь?

Круглолицый, прищурив глаза, ответил после раздумья:

— Пожалуй, почти две тонны.

— Э-э, что такое тонна? Ты скажи, будет ли она с большого верблюда?

— Она будет в два с половиной верблюда.

— Значит, одна сторона твоей твари весит... — и он замолчал, что-то подсчитывая в уме.

Но тут послышался раздраженный голос человека в шляпе.

— Что за разговоры! Бездельник! Машина стоит в грязи, а они беседуют, видите ли!

От этого крика шофер вздрогнул и сказал шепотом:

— Ойбой, отойди-ка, земляк, в сторону. Когда на-шандик¹ сильно сердится, бывает плохо...

Битабар усмехнулся:

¹ Искаженное «начальник».

— Твой нашандик упрям. Что ты скажешь, если я подниму машину, а? Утру нос твоему нашандику, а?

— Скажу одно, земляк: где я ни буду, всюду стану прославлять твою силу.

— Тогда, — оживился Битабар, — если у тебя есть лопата, нарежь дерн.

Парень, сообразив в чем дело, быстро принялся за работу. Любой степняк знает, как нарезается дерн для подстилки, при подъеме тяжестей. Она, подстилка, должна быть и не слишком толста и достаточно упруга.

Вскоре нужные пласты были готовы. Пастух, положив на спину пару подстилок, нырнул под машину. Некоторое время Битабар не двигался, упершись руками и ногами в землю. Потом, воскликнув: «Ну, духи предков, поддержите меня!» — напряг мышцы...

Пред изумленными взглядами шофера-казаха и его начальника предстала непередаваемая картина: кузов машины медленно поднимался в воздух, колеса постепенно высвобождались из глины и вскоре тоже повисли в воздухе...

— Ну, земляк, спасибо! — задохнувшись от радости, воскликнул круглолицый. — Век тебя не забуду!

Он торопливо открыл дверцу перед человеком в шляпе, и вот уже Битабар услышал, как зафырчал мотор.

Пока взмокнувший от неистового напряжения пастух отирал пот со лба, «нашандик» быстро уселся в кабину и, не закрывая дверцы, спросил:

— Кто ты будешь, богатырь?

Битабар, метнув взгляд в машину, быстро определил, что этот «нашандик» не такой сердитый, как показалось вначале. В облике его есть даже что-то приветливое. Но, памятуя о том крике, после которого его земляк-шофер изменился в лице, сухо ответил:

— Я — казах.

— Знаю, что ты казах. Я спрашиваю об имени.

— Что я, должник твоего отца, чтобы докладывать тебе? Поезжай своей дорогой.

Битабар повернулся к нему спиной и с достоинством зашагал прочь. Вскоре он услышал шум мотора. Машина пошла дальше. Битабар остановился и долго смотрел ей вслед. Потом он вспомнил слова шофера, того смешного круглолицего парня: «Когда нашандик сильно по сердится, плохо бывает».

Эй! Пехорошо я говорил, — простодушно стал корить себя пастух. — Чем бы я защищался, будь у него ружье?

Когда над степью опустились сизые сумерки и ветер стал ледяным, пастух собрал свое стадо и направился домой. По дороге он размышлял о событиях сегодняшнего дня. Сердце его пело. Что ж! Пусть ушли годы, не ушла еще сила. Битабар вспомнил тот далекий день, когда он впервые поднял верблюда. Давно это было. В ту пору, где бы он ни был, дивный свет черных глаз Жанкумис не давал ему покоя. Стройная, тонкая, с лицом утренней розы, она снилась ему даже по ночам. И случилось, наконец, что Битабар завоевал ее расположение. Они встречались потихоньку от всех долгими осенними вечерами. Она не разрешала ему дотрагиваться даже до ее тонких пальчиков. А он безмолвно, одними горящими в лунном свете глазами, объяснялся ей в любви. Давно, однако ж, все это было! Но пастух все помнил, все.

2

...В тот вечер он так же с запозданием возвращался в аул. Что то необычное пасторожило его еще до того, как он увидел серые юрты родного селения. Он заспешил. У юрт ребятники кричали:

Приехал Билуан Шолак!

— В нашем ауле гостит богатырь!
— Балуан остановился в доме бая Алима!
— Балуан Шолак покажет интересные игры и споет песни!

Битабар много раз слышал рассказы о музыканте и богатыре. У молодого джигита было такое чувство, словно его одарили чем-то хорошим. Он наскоро выпил чашку айрана и бегом помчался к дому бая.

Бая Алима в ауле иногда называли Рыжим. Рослый, плосколицый, с оспинами на лице, он когда-то имел рыжие волосы и рыжие усы. Сейчас и волосы, и усы, и длинная, красиво постриженная борода были белыми, как соль, точь-в-точь как и у других аксакалов. Только глаза не походили на раскосые глаза казахов. И цветом они были другие. Зеленые, словно трава в весенние месяцы.

Бай Алим хоть и считался богатым, но был по-человечески добр со всеми. Он любил жить в дружбе с народом, праздники проводил вместе с аульчанами и, если в аул наезжали гости любого звания и чина, встречал и угощал от лица всего аула.

И на этот раз Алим-бай оказался верен себе. Близ аула на зеленом лугу он поставил большую праздничную юрту из белой кошмы. Сюда-то и пригласил бай знаменитого гостя Балуан Шолака. Вскоре все луговые цветы вокруг юрты были вытоптаны молодежью. Юрта, хоть и была большой, не вмещала всех желающих. Поэтому вокруг юрты толпились те, кому не хватило места внутри ее. Парни подглядывали сквозь щели или теснились у дверей.

Увидев притихших сородичей около белой юрты, Битабар замедлил шаги. Вскоре он услышал звук домбры. Кто-то мастерски наигрывал на ней незнакомую, но приятную мелодию. Потом к этой мелодии присоединился мужской голос. Он выводил слова песни, которую Битабару еще не приходилось слышать. Более всего

молодого пастуха поразил голос певца: он был мягок, как бархат, нежен, словно вечернее дуновение майского ветра.

О, Галия, Галия, Галия!..
Ты для меня и солнце, и луна, Галияжан.
Твоя улыбка — свет в моих глазах.
И если тяжок будет жизни путь,
Тебя поддержит страсть моя, Галияжан.
Пусть тучи причуг светлый лик луны.
Но коль со мной не перестанешь так шутить,
Ты плендешь меня, красавица моя.
Как можно шалости любимой позабыть?..

У Битабара защемило сердце. Песня о прекрасной Галие, казалось, была спета им самим, казалось, была его вздохом, его стоном. Не о его ли любимой поется здесь? Не он ли полон тоски и печали по прекрасным глазам, равных которым нет во всей степи? Нет, Балуан Шолак сочинил эту песню не только для своей Галии. Это песня всех влюбленных.

Редко Битабару удавалось перемолвиться словом со своей любимой. Да и то в таких случаях он не находил слов, тех самых сокровенных, которые могли бы рассказать Жанкумис о его любви, о его тоске. Все, что он при встрече с милой чувствовал, но не мог выразить словами, было в этой песне.

— Заходи, заходи Битабар! — окружили его парни, подталкивая ко входу в праздничную юрту.

— А что вы сами стоите?

— Мы ждем тебя. Сначала войдешь ты, поприветствуешь Балуана. А потом мы...

Переступив порог белой юрты, Битабар обрадовался, что никто не обратил на него внимания. Сейчас он поприветствует Балуан Шолака и сядет где-нибудь так, чтобы можно было не сводить глаз с почетного гостя. Он должен разглядеть его, понять его силу.

Вдруг Битабар остановился как вкопанный. Он увидел Балуан Шолака, но не это поразило молодого пас-

туха. На правом колене богатыря сидела Жанкумис. Она сидела легко, как ястреб на подставке. На левом колене примостилась другая девушка в шапке с перьями филина.

Балуан обнял обеих девушек, как птенчиков, прижал к своей широкой груди и наигрывал на домбре.

Битабара обдало жаром, словно в груди загорелся целый ворох сухих ветвей. Может быть, то был жар ревности? Битабар насупился и начал пятиться к выходу.

Балуан, увидев рослого степняка, умолк. Остальные тоже повернулись к двери, где стоял Битабар.

— А, проходи, проходи! — слышались голоса.

Но Битабар не двигался, ноги его словно одеревенели.

— Эй, нелюдимый, ты почему не здороваешься? — громко сказал Мусатай, сын бая Алима.

Битабар, взяв себя в руки, быстро подошел к Балуану и протянул крепкую мозолистую ладонь.

— Ассалаумагалеюкум! — почтительно произнес он, стараясь не выдать своего волнения.

Находившиеся в юрте ородищи затихли, а обе девушки, сидевшие на коленях богатыря, украдкой засмеялись, прикрывая кончиками пальцев розовые губы.

— Угалеюком... — ответил Балуан Шолак, неторопливо беря руку молодого джигита.

В то же мгновение Битабар почувствовал сильную боль в руке, пальцы хрустнули так, будто на них наступил одnogорбый верблюд. Битабар чуть было не закричал, но сдержался. В глазах джигита вспыхнули молнии. Не отпуская руки гостя, он, в свою очередь, сжал ее так, что прославленный богатырь вздрогнул и остро, словно в самую душу, впился глазами в лицо молодого казаха.

— Я-то думал, что ты из слабых, каких много, — сказал он, высвобождая свою могучую ладонь из руки

Битабара. — А ты, оказывается, сокол. Что ж, проходи, садись рядом.

Битабар будто только и дожидался таких слов. Непрежним движением он снял с колена гостя Жанкумис и сел между ними.

Из глубины юрты слышались выкрики: «Молодец, Битабар!..», «Не посрамил чести аула!..» Над самым ухом пронеслось жаркое дыхание и шепот Жанкумис: «Я перепугалась, думала, что ты тоже закричишь».

Теперь-то Битабар догадался о причине, по которой его сверстники не решались зайти и приветствовать знаменитого силача. Да, силища в руках Балуан Шолака была превеликая. Знаменитый борец по-своему отвечал, приветствуя парней, которые вошли вслед за Битабаром. Сначала он подавал вошедшему руку, потом задавал вопросы:

— Скажи свое имя.

Парень, задыхаясь от смущения, называл себя.

— Нет, ты говори ясно, чтобы все слышали.

Тот громко повторял свое имя.

— Вот теперь слышно. Ну, рассказывай, как ты воровал курт, как лазил в кебеже и объедался каймаком?

Молодой джигит, заливаясь краскою, вспоминал все проделки своего детства, жестоко раскисившись в душе, но вслух говорил:

— Шоке, я не совершал таких краж.

И тогда Балуан, продолжая держать руку парня, сжимал ее так, что несчастному приходилось либо кричать, либо подробно рассказывать о том, как он воровал каймак и курт. Люди, конечно, смеялись, а девушки, на которых уже парни заглядывались, улыбались, прикрывая ладошками лица, как будто бы говоря: «Тоже мне джигит!»

Битабар, благополучно прошедший испытание, чувствовал себя счастливым, тем более что Жанкумис, сидевшая рядом, стала к нему очень благосклонна. Она то

весело, как бы по-дружески, глядела на Битабара, то вдруг незаметно для других прижималась к нему так, что у Битабара захватывало дыхание.

Что ж, все стало на свои места. Балуан признал при всем народе Жанкумис лучшей девушкой, иначе бы не удостоил ее такой чести. Что же касается Битабара, то он давно знал, что лучшей девушки, чем Жанкумис, не сыскать во всей степи. Нет, в сердце Битабара уже не было и следа ревности, даже наоборот, внимание Балуана усилило любовь.

Битабар сидел тихо и скромно, как подобает вести себя перед учителем почтительному ученику. Немного смущало его лишь то, что внимание окружающих теперь перекинулось и на него. Он как бы купался в лучах славы могучего и знаменитого борца. Шолак как бы нарочно обращался только к Битабару, называя его соколом.

И о чем бы ни велась речь, Балуан легко давал понять окружающим, что сказанное им предназначается Битабару.

Тот сидел рядом с Балуаном и незаметно, искоса, краем глаза разглядывал знаменитого борца. Слава и сила все превращают в достоинство, каждая черточка и деталь получают значение и становятся привлекательными. Балуан Шолак был по-своему красив, от его могучей стати веяло спокойствием и мощью. Округлое, слегка скуластое, смуглое до красноты лицо его, продубленное ветрами и солнцем, было усеяно многочисленными оспинками, которые придавали ему мягкость и доброту. Небольшая остроконечная густая бородка, тщательно подбритая и подстриженная, темным клином украшала подбородок и подчеркивала мягкие линии крупного волевого рта. Густые широкие брови высоко лежали над слегка раскосыми глазами, отчего казалось, что Шолак всегда улыбочиво и приветливо смотрит на окружающих.

Битабар невольно обратил внимание на могучую шею борца. Она была крепкой, словно кованой из одного куска меди, толстой и мускулистой, и от этого голова Шолака казалась непропорциональной туловищу. Но что только казалось на первый взгляд. Все в борце было тщательно подобрано и пригнано, природа постаралась слепить его из прочного материала. Как говорят старики, аллах, не взвешивая, отвалил Шолаку различные виды мастерства полной мерой. Он был не только знаменит своей силой, но обладал еще и приятным голосом, имел дар поэта-импровизатора, отменно играл на различных инструментах, а музыка и дар слова бесценны в глазах народа.

Битабар сидел рядом с прославленным борцом, невольно ловил на себе оценивающие взгляды земляков и в них, этих взглядах, видел и гордость и уверенность людей своего аула. Он как бы читал невысказанные мысли, что и наш, мол, не хуже знаменитого Балуана, и еще, мол, неизвестно, чья возьмет, когда они схлестнутся в поединке, сойдутся в борьбе. Наш-то еще молод, у него, молодого сокола, все впереди — и слава и почет... И, подогреваемый обнадеживающими взглядами, Битабар сидел молча, сдерживая тяжелое дыхание, а в голове его вертелась мысль, которая сначала пугала, а потом все более и более овладевала им: «Как говорят, если падать, так уж с рослого одnogорбого верблюда... Не померяться ли нам силой, не выйти ли в круг для борьбы?»

И Балуан Шолак, словно он разгадал мысли своего молодого соседа, прекратил наигрывать на домбре, поднял голову, загадочно улыбнулся и сказал:

— А теперь я покажу вам одну богатырскую игру!

Шолак передал домбру одному из парней, восхищенно смотревшему на него с чуть приоткрытым ртом, и порывисто встал. Поводя плечами, словно разминаясь, вышел на середину юрты.

— Правила моей игры очень просты. Если кто хочет показать, что у него в руках имеется сила, пусть выходит. Нет, нет, бороться мы не будем! — успокоил хозяев юрты Шолак. — Здесь, конечно, мало места для настоящей борьбы. Мы просто будем меряться силой.

— А как меряться? — слышался вопрос из глубины юрты.

— А это очень просто. Я буду руки свои держать за спиной, — разъяснял борец. — Каждый, у кого в руках есть силенка, подойдет ко мне и может попробовать сжать мне шею. Со всей силой, какая у него есть.

— Апырай! — слышалось удивленное восклицание. — Так можно и задушить.

— Разве можно хватать за горло почетного гостя? — с недовольством спросил кто-то.

— Я разрешаю. Жми до тех пор, пока есть сила в пальцах, не жалей меня! — улыбался Балуан Шолак. — Ну, а если Балуан умрет, здесь никто не будет нести ответа ни перед властями, ни перед аллахом.

— Ой-йей! — вскрикнули со страху девушки.

— Ну, а если не удастся сжать так, чтобы дух испустил, тогда что? — спрашивавший не называл по имени борца, говорил о нем в третьем лице, как о постороннем человеке.

— Что тогда? — переспросил Шолак и засмеялся, обнажая крепкие крупные зубы. — Тогда считайте, что такой джигит слабак, а победа на моей стороне. Верно я говорю?

— Мудрые слова, Балуан!

— Ну, кто желает померяться силой? — Шолак неторопливо оглядел притихших парней, улыбнулся еще раз и, удобно усевшись на ковер посреди юрты, задал колкий вопрос: — Есть в этом роду джигиты с крепкими руками?

Парни шушукались, подталкивали друг друга локтями, плечами, однако выходить на ковер никто не ре-

шался. Понимали, что «богатырская игра» не такая уж простая, как кажется. Шея у Балуана мощная, это было видно с первого взгляда, а сейчас все с пристрастием разглядывали ее, словно видели впервые. Толстая, крепкая, сплетенная из мышц, как из твердых корней саксаула. Ее не то чтобы стиснуть, даже обхватить-то пальцами навряд ли кому удастся. Для такой богатырской шеи нужны и богатырские ладони.

В юрте воцарилось полное молчание.

Как что же, выходит, в этом ауле нет джигитов с сильными руками? — повторил свой вопрос борец, и в его голосе открыто зазвучали насмешливые нотки.

Снова послышалось шушуканье, и потом из разных концов юрты раздалась возгласы:

— Пусть выходит Битабар!

— У него руки, как клещи, схватит — не отпустит!

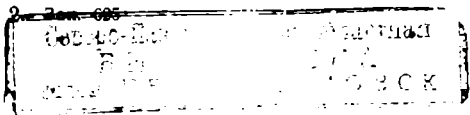
— Покажи свою силу, Битабар!

Битабар сидел молча. Он почему-то не принимал «богатырскую игру» Шолака, считая ее несерьезной, детской забавой. Битабар знал силу своих пальцев после одной случайной встречи с матерым волком. Ему удалось тогда схватить волка за шею. Хищник лязгнул зубами, разорвал рукав и клыком, как ножом, полоснул по коже. Но Битабар, не разжимая пальцев, успел вскочить на ноги и поднять извивающегося зверя. Волк сдавленно взвыл, бешено завертелся, заметался, раздирая когтями одежду джигита. Но Битабар яростно сжимал пальцы, пока не хрустнули шейные позвонки хищника и не обмякло обессиленное его бездыханное тело... Аульчане долго потом восхищались молодым силачом, дивясь его смелости и силе.

И вот сейчас, видимо, вспомнив тот случай, аульские джигиты подзадоривали Битабара:

— Выходи, не посрами наш аул!

И Битабар встал. Не мог же он отсиживаться и ждаться насмешек. Тем более, что в юрте были девушки,

278055

одна из которых навсегда вошла в его сердце. Пастух, засучив рукава, шагнул к середине юрты, где сидел Балуан Шолак.

— Можно со всей силы? — спросил Битабар, словно не слышал до этого пояснений борца.

— Можешь, сколько есть силы, жать.

Балуан Шолак сразу как-то подобрался, словно беркут, заметивший добычу, напрягнул свою мощную шею, с его лица слетела добродушная приветливость, а в раскосых длинных глазах замелькали холодные искры.

Битабар, широко растопырив пальцы, приблизил ладони к шее борца. Приложил их и с удивлением заметил, что его крепкие крупные ладони и вытянутые пальцы не могут обхватить всей шеи, пальцы его даже не сходятся. «До чего же она у него толстенная!» — подумал пастух и начал постепенно, вкладывая все больше и больше силы, стискивать шейные мускулы Балуана. Но борец сидел как ни в чем не бывало!

— Не жалей, батыр! — слегка хрипящим голосом проговорил Шолак, и жилы на его покрасневшей шее надулись, стали похожими на плотно скрученный аркан.

Битабар все же думал о жалости, хотя со всех сторон неслись подзадоривающие возгласы. Он с тайной надеждой ожидал сладкого мгновения, когда борец взмолится и запросит пощады. Разве для Битабара не было бы счастьем услышать из уст прославленного борца слова мольбы: «Ойбой! Умираю... Оставь меня!»

Но Балуан Шолак, пружиня мышцы, молчал, сдерживая натиск тяжелых рук пастуха. Тогда Битабар напряг последние силы и начал приподнимать борца. В юрте сразу сделалось так тихо, словно здесь никого не было. Десятки пар глаз скрестились на пальцах Битабара.

Однако в этот напряженный момент Балуан Шолак, словно беркут, рывком глотнувший баранью кость,

нагнул голову, мотнул ею, и руки Битабара с треском отлетели в стороны. На широкой плотной шее борца остались лишь чуть приметные следы.

— Апырай! — послышались восторженные возгласы.

Битабар отступил на шаг, давая понять, что проиграл, что потерпел поражение, и, удивленно покачивая головой, сел на свое место. Отдышался.

— Да, у борца богатырская мощь спрятана в шее!

Потом Балуан Шолак стал показывать свою силу. Трое джигитов навалились и не могли разжать его кулак. Десять парней, краснея и потея от напряжения, не могли согнуть его вытянутую ногу. Битабар смотрел на эту шумную возню, и у него почему-то укреплялась вера в то, что здесь главную нагрузку несет не столько чрезмерная сила борца, сколько его большое мастерство. Он догадывался, что все это лишь эффектные трюки, своеобразные приемы, отработанные длительной тренировкой. Он не раз слышал от бывалых людей, от стариков, много повидавших в жизни, что знаменитые борцы уделяют много времени тренировкам, подготавливая свое тело к серьезным испытаниям. Одни балуются с тяжелыми камнями, другие поднимают и носят каждый день на руках жеребенка, пока тот не вырастет, третьи, чтобы руки были сильнее, упражняются с крупным быком — стремятся свалить его на землю, схватив за рога... Может быть, и Балуан Шолак тренировал свои руки, ноги, шею. Потому и его «богатырская игра» идет не на равных условиях. Он знает свои приемы, секреты силы, а окружающие его джигиты лишь напрасно потеют. А вот честная борьба — совсем иное дело. Она ведется по правилам, и тут оба борца выступают на равных условиях.

— Балуан Шолак, вы великий богатырь! — с уважением произнес Битабар. Вы показали нам истинную силу. Все это очень удивительно. Но что может быть лучше, чем настоящая борьба?

Это был вызов. В юрте снова стало тихо. Все смотрели на Балуан Шолака, ждали его ответа. Присмет вызов или просто высмеет молодого пастуха? Всем, конечно, очень хотелось посмотреть на поединок, увидеть прославленного борца в кругу... Но тут поднялся рыжеусый Мусатай — сын Алим-бая, дальний родственник Битабара. Так как его отец, Алим-бай, оказал Балуан Шолаку особый почет, поставив ему отдельную юрту, то его сын, видимо, считал знаменитого силача только своим гостем.

— Куда же ты суешься, Битабар? Хочешь быть раздавленным в лапах льва? — В голосе Мусатая сквозила язвительная насмешка. — Сидел бы да помалкивал!

Битабар на какое-то мгновение оторопел. Он не ожидал таких обидных слов, которые были похожи на удары камней. Темные, смуглые щеки пастуха покрылись пунцовыми пятнами. Битабар вспыхнул. Но ответить не успел. Опережая его, заговорил Балуан Шолак.

— Да, степной сокол, ты сказал хорошие слова. — Борец говорил тихо, как бы обращаясь лишь к Битабару. — Нет ничего лучше, чем настоящая борьба!

Балуан Шолак сделал паузу, а потом продолжал:

— Думаю, в вашем ауле найдется ровная площадка для борьбы. Нам пора размять свои спины в крепкой схватке. И если победителем окажется этот степной сокол, то старый лев лишь будет рад благословить его на большие победы. Ну, а если удача будет сопутствовать старому льву, то он свалит степного сокола не с целью раздавить его. Потому что сердце старого льва знает, что это далеко не та горная вершина, которой он стремится достичь, и не тот почетный престол, которого он добивается. Аллах слышит мои слова и знает, что я говорю правду. Ибо если мое сердце только подумает так, то это значит, что и вправду меня подкараулила старость... Жизнь есть жизнь, она никогда не останавливается на одном месте и бежит к берегам старости,

приветствуя появление юности. А ты, Мусатай, зря обидные слова сказал своему родственнику, который бедно одет, но зато богат силой. — Балуан Шолак посмотрел на сына бая, и тот сжался под его осуждающим взглядом. — Когда в борьбе сходятся мужчины, то сильный воспитывает слабого, говоря ему — будь таким, как я!

3

Битабар долго не мог уснуть, хотя ночь давно наступила и окутала густой тьмой аул и всю степь. Где-то в стороне заблелая спросонья овца, фыркнула недовольно лошадь, лениво твякнула собака, и снова повисла душная летняя тишина. И птицы, и животные, и люди угомонились, притихли до утра, погруженные в свои сны. Только одному Битабару ночь казалась без конца и края, непомерно долгой, она тянулась и тянулась, но сон почему-то обходил молодого пастуха. Битабар лежал на своей постели в тесной юрте с закрытыми глазами, сердце гулко бухало, и он снова и снова мысленно переживал еще не наступивший завтрашний день, мысленно проводил борцовский поединок с несравненным Балуан Шолаком... Разные напряженные моменты, острые переплеты борьбы, превращаясь в видения, кружились перед ним то радужным сиянием торжества, то хмурым осенним ненастьем.

Ему стало душно и жарко, словно он только что окончил борьбу, по всему телу выступил пот. Битабар открыл глаза. Прямо над его головой в щелки тундука, прикрывающего круглое отверстие для выхода дыма от очага, виднелся кусок неба, и оттуда, с далекой синей высоты, приветливо мигали две звездочки. Битабар знал их, эти глазастые звездочки, похожие на двух сестер. Они всегда заглядывали глубокой ночью в щель тундука юрты и своим лучистым миганием как бы под-

бадривали пастуха, поддерживали его мечты о будущей жизни и славе... Вот и сейчас они смотрят одобрительно, будто посылают добрые напутственные слова.

Битабар в ответ улыбнулся и снова закрыл глаза. Молодому силачу стало легко и хорошо, словно завтра наступит праздник его жизни. Наконец сон, незаметно подкравшись, укутал его мягкой и теплой верблюжьей шерстью...

Но и во сне он продолжал видеть Балуан Шолака. Вот в солнечный день он вступает в какую-то дивную чашу, а на пути встает какая-то преграда, огромная каменная глыба, ее не перешагнуть, не обойти. Битабар нагибается, чтобы поднять ее, отбросить, но, всмотревшись, видит, что это шея Балуан Шолака. Пастух напружинил тело, приподнял и отшвырнул глыбу, но сразу же вокруг него заулыбались какие-то красные лица с многочисленными отметинами от оспы... Засветились с неба слегка раскосые глаза с нависшими веками... Дергались в смехе из-под травы остроконечные подстриженные бородки...

— Апырай! — пробормотал во сне Битабар, перевернулся на другой бок, открыл глаза. В юрте стоял предрассветный серый полумрак. Из-под приподнятого полога двери вливался свежий, прохладный воздух. Рядом, у изголовья, усевшись на корточки, примостилась мать. Она давно заметила, что сын мечется во сне, и подошла к нему.

— Битажан, сынок... Что случилось? Ты все время ворочаешься и никак не можешь уснуть.

— Нет, я спал...

— Сердце мое изболелось за тебя, сынок...

— Когда-нибудь такое должно состояться... Пусть лучше завтра, чем неизвестно когда.

— Ойбой, Битажан! Свет моих глаз, цветок души моей! — мать давно поняла состояние сына, и ей всячески хотелось отговорить его, предостеречь, отвести от

него беду. — Не борись с ним, сынок!.. Не надо. Сломает он твои молодые кости, погибнешь...

— Почему ты так думаешь? Разве я никогда не участвовал в борьбе? Разве кому-нибудь из всех ближайших аулов удавалось вытереть моей спиной траву?

— Балуан Шолак сильный человек, слава о нем идет по всей степи от края до края. — Мать горестно вздохнула. — Говорят, что он аруакты адам... А ты знаешь, кто такие аруакты адам? Это такие люди, им жизни помогают, у них нечеловечески страшная таинственная сила, сынок... Не связывайся с ним, не выходи на борьбу! Пожалей меня, старую...

Битабар встал, накинул на плечи стеганный халат, давно выцветший от солнца и ветра, и вышел из юрты.

День только занимался. Поблекшие звезды тускло светили с посветлевшего неба. В низинах стлался белым пухом туман, он плыл покрывалом над озером, что лежало невдалеке, и камышовые стебли странно торчали из белизны, словно копья невидимого глазу войска. Во всю ширину небо на востоке полыхало огненно-алым тюльпаном, и далекий, слегка бугристый край степи четко вырисовывался темной полосой, из-за которой вот-вот выглянет жаркое солнце. Битабар любил эти торжественные минуты ожидания, когда, кажется, все живое: и цветы, и птицы, и звери — заморожено таинством рождения нового дня.

В ауле просыпались люди. Пастухи выгоняли из загонів скот и по влажной вытопанной копытами тропе гнали на луга, где подымалась навстречу солнцу густая трава, покрытая серебряными капельками прохладной утренней росы. Протяжно мычали коровы, блеяли овцы, ржали лошади. Послышались голоса женщин. Где-то голосисто заплакал грудной младенец... То там, то здесь возле юрт в очагах вспыхнули оранжевые языки пламени, облизывавшие закопченные бока казанов. Приятно запахло дымком, немудреным варевом...

Солнце, выглянув из-за края степи, брызнуло веселыми лучами. Степь преобразилась, ожила. Запели птицы, застрекотали кузнечики, даже подслеповатые пугливые суслики вылезли из своих нор и застыли на задних лапках, словно маленькие человечки, уставясь своими выпуклыми глазами на огненное чудо...

На душе у Битабара стало легко и радостно, все страхи и опасения отступили вместе с темнотой, расплылись и растаяли утренним туманом. Битабар верил в свои силы, верил в себя. Он был молод и полон несбывшихся надежд. Он ощущал невиданный прилив бодрости и легкости, словно у него за плечами выросли за одну ночь крылья, и он улыбался наступающему дню.

Потом Битабар посмотрел на родной аул, отыскал на возвышении белую нарядную юрту. Балуан Шолак еще спит. Полог двери и тундук — все закрыто. А возле юрты беззвучно расхаживает сам аксакал Алим-бай; размахивая своей длинной белой палкой, он жестами и мимикой дает понять чабанам и дояркам, чтобы не шумели, проходили тихо, не будили знатного гостя..

Битабар снова улыбнулся, расправил плечи и зашагал в степь, туда, где над землей всходило огромным огнедышащим шаром летнее солнце.

4

Невдалеке от белой юрты на просторной зеленой площадке разостлали узорчатые кошмы, яркие ковры. Здесь собралось много народу. Весть о том, что прибыл знаменитый борец, облетела все ближайшие аулы, и степняки спешили позвать руку прославленному человеку, послушать его речи, а главное, посмотреть, как он будет справляться с Битабаром.

Балуан Шолак сидел на почетном месте, поджав ноги, перебирал струны домбры и, видимо, рассказывал

окружающим что-то интересное, ибо они с вниманием и почтением ловили каждое его слово.

Битабар невольно замедлил шаги, приближаясь к лужайке, где уже все было готово для схватки борцов. Степняки, соблюдая неписаный закон старшинства, расселись на площадке, образовав широкий круг. Богатые разместились на коврах и кошмах, бедняки прямо на земле. За спинами взрослых расположились подростки. Невдалеке паслись стреноженные кони, а в ауле, возле юрты аксакала Алим-бая, в огромных казанах уже варили праздничный обед для гостей.

— Битабар, стой!

Он оглянулся и увидел приближающегося к нему Мусатая. Сын бая хмуро смотрел на бедного родича и, взяв его за рукав, грубовато произнес:

— Оставь свое дурачество, слышишь? Ничего хорошего для тебя из этой затеи не выйдет... Мой отец тоже недоволен тобой. Одумайся, Битабар!

Пастух оглядел рыхлого и жирного сына бая, словно видел его впервые, и подумал: «Тебя скорее всего беспокоит судьба знаменитого гостя, а не мои кости. Если знатный борец потеряет в этом ауле свою славу, то его родичи такое могут и не простить. Вот чего ты опасаться, хитрая рыжая лиса Мусатай!» А вслух сказал:

— Что ж, если я и погибну, то погибну в борьбе! Во всем воля аллаха! — и зашагал к лужайке.

Битабар невольно заметил, что он сразу попал в центр внимания, что его уже ощупывают любопытными взглядами, словно породистого скакуна перед скачкой. Кровь хлынула к щекам, ему стало жарко. Он шел к площадке, с трудом передвигая ноги.

Балуан Шолак издали приветствовал Битабара и совершенно не так, как вчера, при первой встрече с ним, смотрел на парня. Пастуха охватила робость.

— А, это ты, молодой степной сокол? Иди, иди сюда поближе.

В голосе борца не было вчерашнего насмешливого тона, Битабар сразу уловил новые нотки — в них сквозило уважение.

Битабар шагнул к Балуан Шолаку, почтительно поклонился и, как младший старшему, уважительно протянул обе руки. Сердце парня прыгало в груди, как пойманная птица, а в коленях появилась противная мелкая дрожь.

Балуан Шолак, отложив в сторону домбру, привычным рывком сбросил чекмень из мягкой верблюжьей шерсти, который был наброшен на голые плечи. Этим жестом он давал понять, что сидит здесь уже давно готовый к борьбе.

Битабар невольно скользнул оценивающим взглядом по широким, слегка покатым плечам, по крепко сбитому, сильному телу. Несмотря на свой возраст, Шолак выглядел довольно молодо и, главное, внушительно. Под смуглой кожей перекачивались плотные мышцы, словно витые из грубой шерсти толстые веревки.

Балуан Шолак смотрел прямо в глаза Битабару, остро и ценко, словно стремился через глаза заглянуть внутрь, в самое сердце и выведать самое сокровенное. В этом испытующем взгляде не было ни запальчивой уверенности, ни холодной надменности убежденного в своей непобедимости профессионального борца. Это был скорее взгляд опытного и мужественного бойца, готового на все, чтобы постоять за себя, однако не желавшего рисковать понапрасну и подвергать опасности свой высокий престиж и в то же время стремившегося как-то оказать достойный прием молодости в лице Битабара. Он, Шолак, словно отец, смотрел строго и прямо, со скрытой добротой, как бы говоря: «Раз пришел, что ж, выходи на круг!»

Они смотрели друг другу в глаза какие-то секунды, и Битабар внутренним чутьем понял, что бороться с этим богатырем, прославленным, но уже находящимся

на той грани возраста, за которой начинается старость, ему ни в коей мере не следует. Борьба есть борьба, и один человек обязательно свалит другого... Во рту Битабар почувствовал неприятную сухость, язык стал вроде бы деревянным. Слегка наклонив голову, он произнес с чуть заметной дрожью в голосе:

— Шоке, вчера я, видимо, наговорил лишнего... Нет, нет, я не оправдываюсь и не боюсь выходить на круг!.. Я просто считаю для себя невозможным протягивать свою руку к вашему воротнику... Воротник старшего, тем более ваш, Шоке, для меня, молодого борца, священен. — Битабар сделал паузу, глотнул воздуха и продолжал: — Если вы, Шоке, согласитесь, то я очень хотел бы получить ваше благословение... Я люблю борьбу и не мыслю себя, своей жизни без нее!

— Э! Вот это слова разумные! — поспешно выпалил Мусатай.

Но Балуан Шолак пропустил мимо ушей его восклицание, даже не взглянув в сторону байского сына, и тот сразу притих, прикусив язык. Борец все так же смотрел на пастуха, но Битабар в какие-то доли секунды уловил, как в суровом взгляде промелькнули искорки теплоты, и с облегчением внутренне передохнул, словно у него с плеч свалилась тяжелая ноша. Он понял, что сказал нужные и правильные слова.

— Что же ты тогда можешь? — Шолак смотрел в упор, как учитель на ученика. — Покажи людям свое умение!

Битабар на какое-то мгновение смутился. Что сказать? Как показать свою силу? Но тут раздались выкрики аульчан, знавших хорошо силу и ловкость Битабара.

— Он камни величиной с гору перекачивает!

— Он поднимает верблюда!

Балуан Шолак поднял руку, призывая к спокойствию, и повелел:

— Давайте сюда верблюда!

Шустрые аульские парни бросились к стаду. Через несколько минут на площадку ввели молодого упитанного двугорбого верблюда. Шерсть его слегка лоснилась на солнце. Верблюд важно вышагивал, высоко подняв голову.

— Вот, Шолак-ага, хороший верблюд.

Балуан Шолак кивнул головой. Потом повернулся к Битабару:

— Этого сможешь?

— Да, Шоке...

— Поднимай!

Битабар потуже затянул пояс, потом заткнул за него края своего чекменя и, нагнув голову, влез под верблюда. Наступила тишина. Степняки, хорошо зная тяжесть рослого верблюда, тем более живого, который может брыкаться и кусаться, притихли на своих местах.

— Ий-я, аруак! — выдохнул Битабар. — Помогите, духи предков!

Крупные тяжелые ступни верблюда оторвались от земли, и вот уже видна их темно-бурая, покрытая наростами кожа. Все четыре ноги животного беспомощно повисли в воздухе, и оно растерянно перебирало ими. В следующую секунду верблюд глухо и протяжно взревел во всю мощь своей глотки. Тело его напряглось, он начал дергаться, стремясь высвободиться из цепких рук пастуха. Огромные, влажные черные глаза верблюда налились кровью.

— Ий-я!

Битабар, словно у него на плечах не живой верблюд, а всего-навсего тяжелый куль с пшеницей, чуть расставив ноги, сделал шаг вперед. Верблюд взревел еще громче, из его распахнутого рта потекла густая липкая слюна. Было от чего ошалеть: ведь, наверное впервые в верблюжьей истории верблюд передвигался верхом на человеке.

Битабар под одобрительные возгласы степняков, обошел весь круг, вернулся на свое место и поставил орущего верблюда на землю. Животное, тяжело поводя боками и все еще мелко дрожа, подобралось и готово было цапнуть своими крупными желтыми зубами всякого, кто попытается снова оторвать его от земли. Верблюда тут же увели и отпустили. Издавая радостный вопль, животное пустилось бежать в степь, к своему стаду...

Битабар, смахнув со лба капельки пота, подошел к Балуан Шолаку и опустился перед ним на одно колено.

— Молодец, степной сокол! — произнес Шолак, и сразу же одобрительные возгласы раздались со всех сторон, ибо каждый понимал, что такая похвала из уст человека, умеющего ценить и понимающего силу, — очень высокая похвала. Это признание мастерства.

— Я долго думал о том, кто придет мне на смену, я долго искал в степных аулах молодого богатыря, который был бы равен мне, стал бы моим преемником, — продолжал Шолак. — Мне казалось, что нигде нет такого человека... Но я ошибался! Оказывается, есть такой человек. Посмотрите, люди, на этого скромного силача, слава которого лишь занимается, как утренняя заря, предвещая большой день победной жизни! Перед вами Балуан Битабар. Имя его скоро узнает вся степь от края и до края. Это говорю я, Балуан Шолак, запомните, люди, мои слова.

Под одобрительные крики Балуан Шолак приблизился к смущенно застывшему Битабару.

— Ты пойдешь далеко, пусть твоя дорога будет светлой. Единственное, что хочу тебе сказать, благославляя, так это то, что я знал всю жизнь. Запомни и ты, Битабар. Борьба — это тоже один из видов мастерства. Не обрати его в легкое ремесло ради наживы! — проговорил Шолак и поцеловал Битабара в лоб. — Пусть камень твоего счастья катится только в гору!

Пастух, казалось, сразу вырос до самого неба. Порывисто встав, Битабар снова почтительно поклонился борцу. Потом круто повернулся и, ни на кого не взглянув, вышел из восторженно гудящего круга.

В тот же день, едва солнце стало опускаться над степью, Битабар направился к окраине аула, где жил недоучившийся мулла. Пастух шел прямо к нему.

— Мулла-еке, у меня есть несколько слов. Можешь их записать на бумаге?

— Е-е... А что за слова?

— Божьи слова.

— Е-е... Если это божьи слова, конечно, можно записать. Только ты не забывай о подношении.

— Подношение будет, мулла-еке, — в тон ему ответил Битабар.

— Тогда говори, раб божий. — Мулла нацепил очки, достал лист бумаги, открыл чернильницу и обмакнул перо.

— Пиши так: «Борьба — это тоже один из видов мастерства...»

— Постой, постой! — Мулла удивленно вытаращил свои блеклые глаза и недоуменно посмотрел на пастуха. — Разве это божьи слова, дитя аллаха?

— Настоящие божьи слова, мулла-еке. Записывай: «Борьба — это тоже один из видов мастерства. Не обрати его в легкое ремесло ради наживы!»

Мулла заерзал на месте.

— Е-е... Аллах все видит...

— Пиши, пиши, мулла-еке! Я накошу тебе сена на целую зиму.

— Э-э... В таком случае... Я напишу, сын мой. Кто знает, может быть, сам аллах велел тебе произнести эти слова...

А через два-три дня после этого вечера мать Битабара с удивлением обнаружила у своего сына под рубашкой на шее какой-то треугольный предмет.

— Что такое, Битажан?

— Это? Тумар, мама... Мой талисман.

— Это очень хорошо, что ты носишь тумар, сын мой, — обрадованно произнесла мать. — Тебя будут обходить беды и несчастья.

5

Балуан Шолак прожил в ауле почти месяц. В день его отъезда Алим-бай подвел к белой юрте прекрасного жеребца — черного иноходца, про которого говорили, будто у него такой ход, что даже во время бега вода не прольется из чаши, если ее поставить на седло.

При всем народе старый аксакал Алим-бай сказал, приложив руку к сердцу:

— О, прославленный во всех казахских степях богатырь Шолак! Ты шел к людям, и люди, которых ты радовал, не остались неблагодарными. Этот иноходец — твой. Ты уедешь на нем.

Балуан несколько минут с восторгом смотрел на аргамака.

Потом он обошел иноходца и с той и с другой стороны, долго рассматривал его. Он обнимал его лебединую шею своими литыми руками и прижимал к себе, как маленького ребенка.

Конь — крылья джигита! Балуан же, видевший на своем веку немало коней, сразу понял, что перед ним не простая казахская лошадка-жабы, а прославленный туркменский скакун ахал-теке.

Первые слова, которые вырвались из уст Балуана, были слова восторга:

— Апырай! И рождаются же такие дети у кобылиц!

Алим-бай поступил умно. Он не стал говорить о том, что в прошлом году купил иноходца, отдав за него, кроме денег, одногорбного верблюда, жирную яловую кобылицу и сверх того десять баранов с ягнятами.

— Прими от души, батыр, — только и сказал он.

Радость Балуана была настолько велика, что он, забыв об окружающих, вскочил на иноходца и стремительно поскакал в сторону гор Иманака. Вернувшись, он сказал:

— Вот это конь так конь! — и повернулся к аксакалу: — Благодарю тебя, Алим-бай. Тебя и весь народ. Но если этот конь мой, разреши мне распорядиться им по-своему.

Затем он бросил взгляд в толпу и, отыскав Битабара, крикнул ему.

— Эй, степной сокол, подойди-ка сюда!

Битабар выступил вперед. Балуан протянул ему поводья:

— Мудрый аксакал Алим-бай подарил иноходца мне. Но я дарю этого иноходца тебе, молодой степной сокол.

Битабар застыл, будто пораженный молнией. Может, все это сон? Нет, даже во сне он не мог позволить себе и думать, что когда-нибудь ему придется сесть на коня, подаренного Шолаком. Так он стоял, не приходя в себя, пока не услышал голос Мусатая:

— Слава аллаху, если Битабар захочет сесть на коня, для него найдется другой жеребец. А это — подарок, преподнесенный Балуану. Наш гость уедет домой на черном иноходце.

Балуан Шолак повернулся к байскому сыну.

— Я слышу речь умного джигита. Недаром говорят вокруг, что голова твоя не пустой бурдюк. Если это правда, Мусатай, значит, ты поймешь то, что я скажу сейчас!

Мусатай молчал, опустив лицо.

— Жизнь — это многолюдная, большая ярмарка. Все бывает в ней: и выигрывают, и проигрывают, и побеждают. Человеку, возвращенному с битвы, не нужен иноходец. Ему подойдет для этого случая и обыкновенный ишак. Иноходцы же и скакуны нужны молодым соколам, идущим на ярмарку жизни за победами. Это мудрость, сынок, которую нужно кое-кому знать! Отец твой остается, думая, что он подарил коня мне. Я же отправляюсь в путь, считая, что принял этот дар от твоего отца. Разве теперь не моя воля распоряжаться подарком, как я хочу, даже если кину черного иноходца собакам? — с достоинством проговорил, глядя на Мусатаю, Шолак.

Мусатай хотел было что-то возразить, но аксакал, подняв свою белую палку, не дал сыну сказать.

— Верно говоришь, богатырь. В нашей воле дарить. В вашей воле принимать. Обе эти воли исполнились. Дело не в иноходце, а в душевном расположении, которое по-прежнему все питаем к тебе.

Балуан Шолак степенно кивнул головой, давая понять, что ценит это уважение, а затем суровым тоном обратился к смущенному и напряженно ожидавшему Битабару:

— Робость — родная сестра только слабым. Друг мой, если ты дашь ей покорить себя, то потеряешь уважение окружающих. Иди сюда, молодой сокол, бери поводья!

Слова Шолака, как чашка хорошего кумыса, встряхнули парня. Он окинул взглядом соплеменников и расправил плечи. Одни глядели на него с интересом. Другие — со страхом, смешанным с долей уважения, третьи — с завистью. И хотя Битабар был молод, он понимал значительность этого события. Подойдя к коню, Битабар встал на одно колено и несколько раз поцеловал поводья, которые только что держал в руках Балуан Шолак.

Черный иноходец нетерпеливо перебирал ногами, словно ожидая, когда же, наконец, закончится эта церемония. Битабар, едва сдерживающий свое волнение, почувствовал нетерпение коня и, ободряемый понимающим взглядом Балуан Шолака, легко вскочил в седло. Иноходец, тихо заржав, помчал его в сторону гор.

Балуан Шолак стоял, окруженный людьми, и пристально смотрел на всадника. И было непонятно, то ли грусть, то ли гордость за содеянное выражал его взгляд. Наконец он сказал:

— А не кажется ли вам, друзья, что на том несравненном ахал-теке скачет сам Балуан Шолак! А? Молодым скачет! Таким, каким и должен быть богатырь! А?

Возле старой юрты стояла пожилая женщина. Она плакала, а в глазах — счастье. Это — мать Битабара.

У дверей другой юрты, опираясь о косяк, стояла молодая девушка. Она смеялась. Радовалась. Это — любимая Битабара, красавица Жанкумис.

6

Настал час, когда знаменитый гость покидал гостеприимный аул. Его провожали шумной толпой. Все всадники — на выездженных конях. Девушки в ярких нарядах, в шапках с перьями филина. Джигиты и подростки, сдерживая нетерпеливых коней, старались походить на бравых наездников.

Впереди сам Балуан Шолак. С одной стороны, придерживая гнедого коня, скакал Мусатай. С другой — Битабар на своем черном иноходце. Над бесконечным простором светило яркое солнце, где-то вдалеке чуть виднелось знойное марево, оно дрожало над горизонтом. А над степью плыла задумчивая, полная радости и печали песня Балуана:

О, Галия, Галия, Галия!..

А когда повторялись слова «...свет души моей, Галия», Битабар невольно бросал взгляд на скачущих девушек, отыскивая глазами Жанкумис. Она тоже при этих словах смотрела на Битабара, они встречались взглядами и оба были счастливы. Им казалось, что песня о Галие — это песня об их любви.

О, Галия, Галия, Галия!..

Жанкумис приходилась родственницей старому Алим-баю. Она прибыла в юрту из далекого аула как гостя, и почти все лето жила здесь. Видимо, ей понравилась джайляу, спокойная речка, берега которой поросли камышом, степное раздолье да силуэты гор на горизонте. Жанкумис подружилась с аульскими девушками, стала участвовать в играх, веселых забавах. Местные парни, да и женатые джигиты открыто заглядывались на нее. Но, скромная, строгая, она никому не давала ни малейшего повода к ухаживанию, холодно отвечала на любые двусмысленные фразы. Особенно тут старался Мусатай, сын бая. Он-то вокруг Жанкумис вертелся волчком, обхаживая девушку, редкую залетную птичку. Однако та не обращала на него никакого внимания. Во всем ауле был единственный джигит, к которому Жанкумис относилась совершенно по-иному. Это был Битабар. Она бойко отвечала на его взгляды, не опуская глаз, а когда что-либо говорила, то так, как будто каждое слово предназначалось именно Битабару. И смеялась так, словно ее смех приятен одному Битабару. Она, казалось, не замечала, что парень беден, что одежда его стара, что юрта низка, что мать — больная и бессильная женщина, а стадо у него такое, что можно всю скотину по пальцам пересчитать.

И вот сейчас, провожая знатного борца, Жанкумис улыбалась лишь Битабару.

У невысокого холма Балуан Шолак остановился. Придержали своих коней и провожавшие его всадники.

По обе стороны Балуана образовалось две группы: одна группа — молодые джигиты на резвых скакунах, а другая — празднично одетые девушки. Балуан Шолак оглядел провожающих, отметил про себя, что девушки в этом ауле — хорошие наездницы.

— Друзья мон, почему рядом со мной два лагеря? Ведь на этом свете все красиво в паре. Девушки, парни, будьте вместе!

Молодежь как будто только и ожидала этих слов. Всадники перемешались, создав веселую, шумную единую группу.

Рядом с Битабаром, придержав коня, остановилась Жанкумис.

— Что же, — сказал знаменитый борец, — мне нравится такое смешение цветов. Это похоже на степь весною. — И, повернувшись к счастливому Битабару, подмигнул ему. — Споем, молодой сокол! На нашей просторной земле песня всегда была другом степняку.

И снова зазвучала ласковая, волнующая песня, которую подхватили все всадники:

О, Галня, Галня, Галня!..

7

Возвращались в свой аул чуть грустные. Дни, проведенные вместе с Балуан Шолаком, казались самыми счастливыми. Заскучали девушки. Чтобы немного развеселиться, Жанкумис предложила:

— Давайте состязаться!

Первым откликнулся Битабар. Он тронул черного иноходца, и тот понесся вперед. Конь Жанкумис, подгоняемый наездницей, помчался следом. Девушка все торопила скакуна, как будто бы в самом деле надеялась, что ее конь обгонит черного иноходца.

— Жанкумис, стой! — послышался голос Мусатая. Но ни Битабар, ни Жанкумис, не оглянулись, не придержали коней. Скоро они совсем скрылись из глаз.

Они прискакали в укромную ложину, остановили коней. От быстрой езды, от близости Жанкумис лицо Битабара горело. Чтобы остудить жар, волновавший его, он начал хвалить черного иноходца, сравнивать его с птицей, ветром. Девушка ответила ему шуткой:

— Ты так быстр и ловок, что я чуть не спутала тебя с самым Балуан Шолаком.

Битабар посмотрел в лучистые глаза спутницы и ответил серьезно:

— Я не Шолак, Жанкумис, но ты для меня, как Галия для Шолака.

Жанкумис улыбнулась. Ободренный ее улыбкой, Битабар взял девушку под руку, подвел к своему иноходцу и сказал:

— Жанкумис, а если я увезу тебя отсюда на этом черном скакуне? Мы уедем от всех, чтобы всегда быть вместе...

Девушка потупила взгляд. Молчание ее длилось долго. Битабар тревожно глядел на опущенные ресницы и ждал ответа. Не дождавшись, он снова взял руки девушки в свои большие ладони.

— Жанкумис, вместо твоих слов, я слышу лишь голос ветра. Почему ты молчишь? Я увезу тебя. Скажи только, что ты тоже хочешь этого!

Жанкумис отдернула руки. Ресницы ее взметнулись, и Битабар увидел в глазах, смотревших на него, тоску. Вслед за этим он услышал и ее ответ.

— Я не ягненок, которого таскают во время игры кокпар. К чему увозить меня? Или я не рассказала тебе сразу, что уже просватана и будущий мой муж ждет меня в Караоткеле?

Битабар ничего не ответил. Тяжела была правда. Но еще тяжелее было видеть, как любимая томится

грустью такой же бескрайней, как и степь, в которой они живут.

Вскоре на гребне холма показался всадник, нетерпеливо подхлестывавший свою лошадь.

— Апырай! — воскликнул он, увидев спешившихся Жанкумис и Битабара. — Что же вы не останавливаетесь, когда вам кричат?

Битабар, и без того удрученный, молча отвернулся. Жанкумис неторопливо направилась к своему коню. Легко вскочив в седло, натянула поводья. Мусатай ворчал, что теперь они опоздали к ужину и отец опять будет сердиться.

— Перестань пыть, — оборвала его Жанкумис. — Мы испробовали силу и ловкость иноходца, подаренного знаменитым батыром этому молодому соколу. Только и всего.

Она опустила поводья, и конь сам пошел к аулу. Мусатай поспешил за родственницей. На ходу оглянувшись. Битабар, молча смотревший им вслед, увидел, что лицо Мусатая пылало ревностью и необузданной злобой.

Битабар вскочил на иноходца. Через минуту он уже неся по степи, дав волю скакуну. Тот уносил его в противоположную сторону. А молодой сокол был рад этому: ему никого не хотелось видеть. Ему хотелось быть одному. Он впервые испытал это странное состояние. Что из того, что ветер с силою треплет его короткие волосы, треплет гриву коня, словно хочет остановить этот неистовый бег!

Но сколько бы он ни гнал коня, ему не уйти от тяжелой думы о своей жизни, в которой было немного радости, не убежать от любви к девушке, дороже которой ничего нет на свете! И от разлуки, которая неизбежна и которую ничем нельзя предотвратить.

Так он носился по степи до поздней ночи. И всадник и конь вернулись усталые, когда весь аул уже спал крепким сном. Только мать Битабара, встревоженная

отсутствием сына, не смыкала глаз. Она сидела на старой кошме, поджав под себя ноги, и прислушивалась к шорохам ночи. Сердце ее успокоилось только тогда, когда сын уснул и дыхание его сделалось ровным и спокойным.

8

Утро застало Битабара в постели. Мать, против обычной, не разбудила его вместе с солнцем. Она смотрела на спящего сына и перебирала в уме события вчерашнего дня. Неужели все это было на самом деле? И Балуан Шолак, проявивший такую доброту к ее сыну, и подаренный им Битабару черный иноходец? Старая женщина могла с точностью сказать, что такого счастливого дня не было еще в ее жизни. Непонятно было одно: почему сын вернулся таким расстроенным? Почему не сказал ей ни единого слова? Не стал есть, молча бросился на кошму, и, хотя уснул как убитый, ночь спал плохо — ворочался, что-то говорил во сне?..

Неожиданно снаружи, почти у самой юрты, послышался топот коня, затем раздался резкий голос Мусатай.

— Эй Битабар! Выходи! Ты мне нужен!

Битабар открыл глаза. Когда голос повторился, Битабар поднялся с кошмы, накинул на плечи чекмень и вышел.

Вблизи юрты верхом на сером коне гарцевал Мусатай. На поводу он держал каурого жеребца-двухлетку.

Увидев Битабара, он сказал:

— Из этого жеребенка на следующий год вырастет хороший скакун и он будет твоим конем. Забирай! А черного иноходца верни обратно.

Битабар оглядел жеребенка, затем его хозяина и холодно ответил:

— Если мне суждено будет вернуть иноходца, то я верну его настоящему хозяину. Зачем же я буду не твоего коня отдавать тебе?

— Не болтай лишнего, босяк! Разве такие скакуны, как черный иноходец, под стать тебе? Не капризничай, иначе можешь лишиться и этого!

Битабар, научившийся в своей трудной жизни сдерживаться, на этот раз вышел из себя. Он шагнул навстречу Мусатаю:

— Убери отсюда этого дохлого жеребенка! Мне нет до него дела, точно так же как тебе нет дела до моего черного иноходца!

— Ошибаешься... — прошипел Мусатай, пятясь вместе с конем, — есть мне дело до черного иноходца. Он принадлежит моему отцу. Ты же можешь остаться вообще без коня, голодранец!

— Только попробуй приблизиться к черному иноходцу, Мусатай! — Откровенная угроза звучала в каждом слове Битабара. — Пока я жив, слышишь, черного иноходца тебе не видать!

Мусатай, скрипнув зубами, дернул за недоуздок жеребенка и тут же, выругавшись, изо всей силы хлестнул его камчой. Трудно было понять, кому адресовались его проклятия — то ли Битабару, то ли жеребенку. Битабар, стиснув кулаки, шагнул вперед. Но сын бая поддал каблуками сапог в бока выезженного скакуна, и тот рывком тронулся с места.

— Я еще тебе покажу! — хрипло прокричал Мусатай и, нахлестывая коня, усккал.

9

Битабар, как и обещал мулле, с рассветом отправился на луг косить сено. Работа доставляла ему радость. Высокая и густая, как грива верблюда, сочная

трава, казалось, сама стлалась перед молодым богатырем. Острая коса пела в его руках. На сердце у Битабара было легко и радостно. Жизнь открывалась перед ним новой, неведомой ему стороной, и радужные мечты манили вдаль, как эти легкие белые пушистые облака, что тихо проплывали по знойному густо-синему небу. Он не знал, что его ожидает впереди, в недалеком будущем, но твердо верил, что пора тяжелой бедности уходит в прошлое, что вместе с благословением Шолака он получил право на счастье и славу. И это не пустые мечты, не сон. Вчера, например, прискакали гонцы из соседнего аула и, соблюдая неписанный закон уважения, почтительно пригласили «гордость рода Алим-бая, степного сокола Балуан Битабара, украсить своим присутствием той, который устраивается по случаю женитьбы старшего сына старейшины, и показать свое мастерство в богатырских играх».

Битабар, которому было очень трудно сдерживать рвущуюся наружу радость, согласился не сразу, а, как требует обычай, лишь после повторной просьбы. И вот сейчас он перебирал в памяти всех крепких мужчин и молодых парней из того аула, которые могли бы составить ему конкуренцию, однако никого не находил. Ранней весной Битабар в том ауле переборол подряд всех местных джигитов и угнал домой приз — дюжину баранов...

К вечеру Битабар выкосил весь обширный луг, на который ему указал мулла, и, вытерев влажное лезвие косы пучком травы, окинул взглядом свою работу и остался ею доволен. Огненно красный раздутый шар солнца медленно опускался за край степи, и его последние лучи скользили над землей. Битабар зашагал к своему аулу.

Подходя к своей юрте, Битабар еще издали заметил, что возле нее собрались люди. Что это могло бы значить? Он невольно пошел быстрее.

— Эй, что тут случилось?

Соседи безмолвно расступились перед ним. Из юрты доносилось всхлипывание его матери...

К Битабару подошел Хамид, лупоглазый мальчишка, сын дальнего родственника:

— Как ты ушел на луг сено косить, сюда заявился дяденька Мусатай. Он пришел и увел твоего скакуна.

Битабар оторопел. Он удивленно оглядел всех собравшихся у его юрты родичей, соседей. По их хмурым лицам было видно, что мальчишка говорит правду.

— Куда он его увел? — спросил Битабар.

— Увел за свою юрту и привязал там к коновязи, — Хамид, вытянув тонкую шею, говорил шепотом, словно сообщал важную тайну и опасался, как бы ее не услышали чужие уши.

Битабар вспыхнул от гнева, как сухой пучок боялыча, к которому поднесли огонь. Он готов был разразиться ругательствами в адрес Мусатая, но обидные слова застыли на кончике языка. Ничего не сказав, Битабар круто повернулся и зашагал к центру аула, где на возвышении стояла большая белая юрта Алим-бая. Хамид бежал рядом. У юрты бая он рукой показал на коновязь:

— Смотри, батыр, он там!

И в самом деле, черный иноходец находился там, куда показал мальчишка. Около скакуна стоял Мусатай и еще двое парней. Мусатай прилаживал седло на спину коня.

Услышав шаги и голоса, Мусатай невольно оглянулся. Увидав свирепое лицо Битабара, он остолбенел. Некоторое время бессмысленно хлопал своими короткими рыжими ресницами. Потом засуетился, как пойманная лиса, побежал к своей юрте, что стояла рядом с отцовской, и скрылся в ней. Двое парней, которые помогали Мусатаю, опасливо косясь на батыра, отошли на почтительное расстояние.

Битабар, не говоря ни слова, подошел к черному иноходцу, расстегнул подпругу, молча сбросил седло и вскочил на скакуна. Неторопливо подъехал к юрте сына бая, поигрывая камчой.

Так же, как вчера у его юрты кричал Мусатай, сегодня громко и требовательно звал Битабар:

— Эй, Мусатай, выйди-ка сюда!

Из юрты никто не отозвался.

Битабар нахмурился. Вчера Мусатаю не пришлось повторять свой клич дважды.

Чуть подождя, Битабар снова позвал Мусатая.

В ответ по-прежнему тишина.

Третий раз крикнул Битабар.

Тогда из большой юрты вышел сам Алим-бай, опираясь на палку. Лицо его пылало гневом.

— Ойбой, собаки! Угоняете единственного коня у человека, имя которого прославит наш род. — Старик, прихрамывая, направился к юрте сына. — Что молчите, словно сурки, спрятавшиеся в своих норах? Или не подумали, что придется ответ держать за свою подлость?

Из юрты Мусатая не доносилось ни единого звука. Байский сын трусливо отмалчивался. Выругавшись, старый Алим-бай повернулся к Битабару.

— Этот щенок Мусатай поступает как глупый ребенок. — Аксакал произносил слова громко, чтобы его услышали и в юрте. — Битабар, сын мой, говорю тебе — и аллах свидетель моим словам! — черный иноходец принадлежит тебе одному!

Битабар, довольный словами аксакала, почтительно склонил перед ним голову и, поблагодарив старейшину рода, направился к своей юрте.

Заплаканная мать вышла навстречу сыну. Увидав черного иноходца и на нем Битабара, она попыталась улыбнуться.

— Успокойся, мама, — сказал Битабар. — Я думаю, что на этом наш спор с Мусатаем закончился.

Теплая летняя ночь накинула синее легкое покрывало на безбрежную степь, потушила пламя в очагах и щедро разбросала по темному небу яркие крупинки золотых огней. Над вершинами гор взошла круглая луна, словно новенький золотой червонец, и бледный мягкий свет озарил притихший аул, холмы и луга, осветил серебристую гладь реки, что тихо текла меж пологих берегов в неведомую даль. Аул давно уснул. Лишь время от времени в загонах заблеет проснувшаяся овца, промычит корова или заржет конь, и снова густая тишина повисает над степью.

Битабар сидел перед дверью своей юрты. Сон не шел к нему. Неуемная тоска выгнала его из дома, заставила бродить вокруг большой юрты сына Алим-бая. Оттуда, несмотря на глухую ночь, слышались голоса. Битабар знал, что утром Жанкумис уедет из их аула навсегда.

Устав бродить и поняв, что толку от такого его поведения мало, Битабар вернулся к своей юрте, не переставая думать о том, что во всей степи не найдется ни одного человека несчастнее его. Он несясь мыслями к любимой, вспоминал минуты, проведенные вместе с нею, и чувствовал себя еще более несчастным.

С той поры, как Балуан Шолак уехал из аула, дни стали какими-то серыми, невеселыми. Вечерами не собираются вместе парни и девушки, как это было при Балуан Шолаке. В притихшей степи не слышно песен. Шесты для качелей старики уже давно сожгли.

Битабар и Жанкумис встречались только урывками. Невеселыми были эти встречи.

Битабар издали следил за юртой, откуда слышны голоса.

Взошедшая луна грустно оглядывала просторную степь, притихшую в ночи. Вдруг раскрылась дверь юрты Мусатая и оттуда вышли двое. Их тени, большая и маленькая, сначала застыли, а затем направились в его сторону.

У Битабара забилося сердце. Тени показались ему знакомыми.

Одна из них приблизилась, и Битабар услышал голос Хамида:

— Дядя Битабар, тебя зовет Жанкумис.

Битабару не надо было повторять дважды. Торопливо вскочив, он кинулся в ту сторону, где скрылась тень.

Она стояла, опустив голову. У Битабара, долго ждавшего этой встречи, больно кольнуло под сердцем. Битабар кинулся к ней, но девушка остановила его дрожащими руками.

— Нет, Битажан, не поддавайся опьянению чувств. Я пришла... Я пришла, чтобы попрощаться навсегда.

Битабар отпрянул. Нет, не такой он представлял их встречу. Он тихо сказал:

— Не надо. Не пугай. Что значит «навсегда попрощаться»?

Жанкумис вдруг горько рассмеялась.

— Может быть, ты думаешь, что я совсем переехала в род Алим-бая?

Битабар этого не думал. Он стоял молча, подавленный всем происходящим. Смех девушки совсем лишил парня дара речи.

— Как быстро прошло время, — продолжала Жанкумис. — Мне кажется, что я приехала только вчера, а уже наступила осень.

Она подошла к Битабару совсем близко, взяла его за руку. Молодой борец бросился к ней вновь. Нет он не обнял ее, хотя вся душа его просила этого. Сильный и рослый Битабар опустил перед девушкой на колени

и высказал единым духом все то, что носил в своем сердце:

— Кумисжан, уедем в степь. Нас никто не найдет! Мы будем вместе до конца наших дней!

Жанкумис горько вздохнула:

— Видно, не судьба, милый.

— Почему не судьба? Лучше скажи мне правду, любишь ли меня, Кумисжан?

Жанкумис долго молчала, затем промолвила:

— Если бы не любила, разве пришла бы к тебе, Битабар? За мной, за каждым моим шагом следят...

Битабар поднялся и нежно обнял девушку.

— Кумисжан, наша любовь все преграды одолеет. Решайся! Будем вместе всю жизнь...

Жанкумис молчала. Она прижалась всем телом к Битабару, и тот почувствовал, как она тихо дрожит.

Вдруг со стороны юрты послышался резкий голос Мусатая:

— Жанкумис! А Жанкумис!

Жанкумис замерла, еще крепче прижалась к джигиту. Затем порывисто поцеловала его и чуть слышно проговорила:

— Будь счастлив, мой Битабар! Будь счастлив, мой степной сокол!

Битабар застыл на месте, как огромная каменная глыба. А Жанкумис, которая еще мгновение назад обнимала его, превращалась в темный силуэт, удалялась и таяла в темноте.

Луна поднялась высоко, и ее ровный блеклый свет озарил уснувший аул, степь. Битабар молча опустился на землю, где еще недавно стояла любимая. Потрогал ладонью траву, словно она сохраняла тепло девушки. И только сейчас понял, что они расстались и что, может быть, никогда больше не встретятся.

Обхватив колени руками, Битабар долго и грустно смотрел в ту сторону, где возвышалась юрта Мусатая.

Он вспоминал счастливые времена, когда встречался с Жанкумис, и как бы заново переживал каждую минуту радости.

Сколько времени Битабар просидел так, он не помнил. Луна стала опускаться к земле, и Битабар словно сквозь сон услышал песню. Она убаюкивала его, заставляла улыбаться. Ему казалось, что любимая рядом, он слышал ее нежное дыхание, видел румянец щек... Битабар протянул руку, чтобы дотронуться до Жанкумис, но ладонь его упала в пустоту... Он невольно открыл глаза. А песня все лилась, печально и грустно звенел в ночной темноте девичий голос, проникая в самую глубину сердца степняка:

О, Галня, Галня, Галня!..

Песня оборвалась, и в предрассветной серой тишине стало слышно, как далеко-далеко глухо цокали копыта да постукивали колеса неказистого тарантаса...

Битабар вскочил словно ужаленный. Он все понял... Он все понял!.. Сердце бешено заколотилось в груди, как пойманная куропатка. Он глотнул воздуха и подался вперед, откуда доносилась еще недавно песня, а теперь лишь едва слышался цокот копыт.

— Кумисжан! Милая!

Над степью стлался белесый предрассветный туман, закрывая лощины густой белой пеленой. Ленивый ветерок чуть шевелил густые травы, обильно покрытые росой; на востоке, где должны взойти солнце и начаться новый день, лишь проступил первый робкий румянец, окрасив край посветлевшего неба над горизонтом. Битабар застыл на месте, напряженно вслушиваясь в дремотную тишину. Его чуткое ухо уловило едва слышный стук колес и цокот копыт... Увезли!.. Жанкумис увезли!.. Она песней звала, песней просила о помощи!..

Сердце толчками гнало по жилам кровь. «Нет, это им так не пройдет даром! — Битабар сорвался с

места. — Сейчас я им покажу! Черный иноходец быстро найдет дорогу. Жанкумис моя, только моя... Я верну ее. Догоним!.. Горе тому, кто встанет поперек моего пути!»

Битабар побежал к аулу, к своей юрте, а потом, с уздечкой в руках, устремился в степь. Черный иноходец пасется в ложине, он далеко не мог уйти со спутанными ногами. Но в ложине, где густая трава поднялась выше колен, пусто. В белесом сумраке нигде не видать темного силуэта скакуна. Куда же он делся?..

Битабар с уздечкой в руке пересек ложину, но коня нигде не встретил.

— Апырай! Кругом такая вкусная сочная трава, ешь на здоровье, — рассуждал вслух Битабар, недоуменно оглядывая все вокруг. — Не должен же конь далеко уйти...

День постепенно прогонял темноту ночи, гасли в высоком небе одна за другой поблекшие звезды, немые свидетели расставания влюбленных сердец. Заря, похожая на лепестки тюльпана, полыхала на небе, и розовые блики ложились на стлавшийся в низинах пластами утренний туман. Стало совсем светло, Битабар взбегал на холмы, пристально оглядывая степь. Куда же запропастился его конь?

Со стороны Иманака показался какой-то всадник. Битабар поспешил ему навстречу. Он узнал пожилого табунщика.

— Скажи, отец, ты случайно не встречал черного иноходца?

Тот отрицательно покачал головой:

— Нет, не встречал... Вон там под холмом лежит какая-то черная скотина. — Он махнул плеткой на дальний бугор, возвышавшийся над степью. — А свободно гулявшего коня нигде я не видел.

У Битабара стало сухо во рту. Он круто повернулся и побежал в степь, к далекому холму. А за ним по серой росной траве стлался темный след...

Молодой степняк, задыхаясь от бега, одолел крутой склон, вскочил на вершину холма и замер. Внизу, вытянув шею, безжизненно лежал черный иноходец. Одинокая ворона, недовольно каркнув, нехотя взмахнула крыльями и отлетела в сторону.

Битабар подошел к коню. Чья-то безжалостная рука вспорола иноходцу брюхо. Вытянув вперед голову, конь смотрел большими печальными глазами, в которых, казалось, застыли навечно недоумение и печаль.

Борец присел у мертвого скакуна, провел рукой по голове, по шелковистой, влажной от росы шее. Конь был холоден. Он, видимо, принял смерть давно, еще с вечера...

Долго сидел Битабар над телом черного иноходца, не замечая, как взошло солнце, как все оживилось вокруг. По смуглым, выдубленным ветрами и жарой щекам его медленно текли крупные слезы, и он не стыдился их...

11

День, обещавший быть солнечным, вдруг поблек, нахмурился. Откуда-то набежали тучки, закрыли синий простор неба. Как бы оплакивая горе молодого степняка, заморосил мелкий дождик. Степь стала печальной. Синими курганами возвышались пустынные горы Иманака. Они застыли безмолвными стражами на краю степи.

Битабар, закинув на плечо ненужную теперь уздечку, молча пришел в юрту бая. Посреди юрты в очаге весело пылал огонь под казаном. Блики огня озаряли богатое убранство юрты. По стенам развешаны ковры и кошмы с яркими орнаментами. В юрте тепло и вкусно пахнет едой. Старик Алим-бай как старший в семье только начал пробовать горячую лапшу с мясом моло-

дого барашка. Увидав вошедшего Битабара, старик улыбнулся:

— Это ты, Битабар? Проходи, садись. Есть лапшу будем.

Голос у старика приветливый, в глазах — теплота. Битабар оглядел юрту, она словно изменилась, опустела, хотя вся семья собралась у дастархана. Нет Жанкумис, нет ее светлой улыбки и веселого голоса... У Битабара перехватило дыхание. Мусатай, стрельнув неприветливым взглядом, нагнул голову, старательно разглядывая ложку.

Алим-бай смотрел в упор своими маленькими зоркими глазами, поблескивающими из-под нависших седых бровей:

— Какая беда тебя встревожила, сын мой?

Битабар бросил уздечку на цветастую кошму:

— Кто-то зарезал черного иноходца...

Аксакал повернул голову в сторону своего сына, и его брови хмуро сошлись на переносице. «Не твоих ли рук дело?» — молча, одним взглядом спросил старик.

Мусатай заерзал, его голос, визгливый и резкий, заполнил всю юрту:

— Это не я, отец... Не я! Я даже близко не подходил к коню. С тех пор, как ты сказал, отец, я совершенно выбросил из своей головы все мысли про черного иноходца...

Аксакал помял пальцами бороду, внушительно произнес:

— Кажется, я ничего не говорил тебе. Почему ты кричишь так, сын мой?

Мусатай сник, втянув голову в плечи.

Аксакал посмотрел на Битабара и, пожевав губами, сказал:

— Мертвого коня к жизни не вернешь... Но доброго коня сменяет добрый жеребенок. Ты, джигит, получивший благословение Балуан Шолака, не останешься без

коня. Тебе не приличествует ходить пешком. Вот что я тебе скажу. Иди-ка к моему табуну и набрасывай аркан на любого жеребца-трехлетку. Выбирай себе, который понравится!

— Черного иноходца не заменит никакой трехлетка, Алеке... Спасибо за доброе слово, за предложение, — проговорил Битабар, потом, помолчав, добавил. — Я не веду тяжбы из-за скота.

Он повернулся и вышел из юрты, прикрыв за собой тяжелый полог из белой кошмы.

12

Наступили холода. Народ вернулся на зимовье. Белая кошма снега легла на степь. Задул порывистый ветер, незванным гостем влетал он в каждую юрту, вытесняя тепло, забивал хлопьями снега окошки, отчего в юртах стлался полумрак.

Короткий день подходил к концу.

Битабар торопливо шагал. Снег глухо скрипел под подошвами его сапог.

Битабар спешил, а мысли его уносились к тем дням солнечной осени, которые дали ему первую большую радость и нанесли первые раны печали. Он не ломал голову над вопросом, кто вспорол брюхо черному иноходцу, ибо безошибочно знал, что здесь не обошлось без подстрекательства Мусатая. Ясно было и то, почему тайно увезли Жанкумис... Опять дело рук Мусатая. Только он, больше никто... Именно Мусатай, боясь его и завидуя силе молодого борца, распустил черный слух среди родственников девушки об их мнимой связи, торопя поскорее ее выдать замуж: «Приезжайте и увезите ее от позора!» И вот ее поспешно увезли...

Однако Битабар не пошел объясняться к Мусатаю, хотя тот, как нашкодивший пес, все эти месяцы обходил

его стороной. Отец Мусатая, аксакал Алим-бай, был дальним родственником Битабара и уважаемым человеком в роду. И Битабар, соблюдая законы родства, не стал мстить Мусатаю. Как говорят мудрые люди, плох тот степняк, который торопится вбить клин раздора между родственниками. Правда, находились и такие горячие головы, которые при каждом удобном случае украдкой советовали молодому борцу рассчитаться с обидчиком... Но Битабар не слушал никого, жил своим умом. Сильные люди имеют отходчивое сердце...

С тех пор прошли многие месяцы. Медленно заживали раны на сердце. Реже стала сниться Жанкумис... Реже вспоминал борец и черного иноходца... Но с тех пор Битабар ни разу не был в доме старейшины, в доме Мусатая...

Битабар не замечал ни ветра, ни мороза. Он спешил к дому Мусатая. Нет, к дому аксакала.

Алим-бай умирал.

Битабар знал, что аксакал последние недели не вставал с пухлых одеял. Дни его жизни подходили к концу. Возле аксакала, поджав ноги, сидел мулла и, обращаясь к всевышнему, просил аллаха продлить жизнь старейшине рода.

Сегодня к полудню старику стало легче. Он открыл глаза, оглядел всех, кто толпился в горнице. Потом тихим голосом произнес:

— Где Битабар?.. Позовите моего сына Битабара! Потому и торопился Битабар.

Юрта старейшины выше и крепче всех в ауле. У порога Битабара встретили.

— Проходи скорее. Аксакал то и дело спрашивает тебя.

Старик Алим-бай лежал на цветастых одеялах, обложенный подушками. Лицо его стало восковым. Ввалившиеся глаза были закрыты, над ними седыми пучками топорщились кустистые брови. Длинная, ставшая

снежно-белой, борода ниспадала на высохшую грудь. Аксакал прерывисто дышал, и тонкая жилка пульсировала на его запавшем виске.

Облик старика чем-то напоминал Битабару пророков или святых прежних времен, которых он, разумеется, не видал, но о которых много слышал. Люди аула почтительно и тихо стояли у стен, не сводя глаз с аксакала. У ног его, втянув голову в плечи, сидел Мусатай.

Битабар невольно остановился, но тут же услышал за своей спиной шепот:

— Подойди ближе!

— Ближе садись, ближе!

Битабар как-то сразу расслабился, обмяк перед аксакалом, почтительно опустив голову. Ему стало нестерпимо жалко старшего в роду, который отмерял последние часы жизни.

Услышав шаги и голоса, аксакал приоткрыл глаза, посмотрел на Битабара, и его бескровные губы тронула улыбка. Потом он произнес:

— Это ты, Битабар?

— Я, Алеке...

— Хорошо, что пришел, сын мой... Я ждал тебя, чтобы сказать свое слово. — Старик говорил тихо, но внятно, выговаривая четко каждое слово, хотя чувствовалось, что ему стоила больших усилий каждая фраза. — Мой сын, я собираюсь отправиться в тот путь, по которому ушли наши отцы и деды, откуда не возвращаются...

Кто-то зарыдал, послышались вздохи.

— Милостивый аллах подарил мне сына Мусатая и тебя... Создал вас не хуже других. Вы оба мне дороги... Послушайте мои слова, мое напутствие в вашей жизни, дети мои, — аксакал сделал паузу. Ему было трудно говорить, но он, видимо, давно обдумал каждое слово и сейчас лишь произносил голосом то, что созрело в его

сердце. — У одного из вас есть сила и мужество — это у тебя Битабар. У другого есть ум и знания... Если все эти четыре достоинства соединить и использовать с добром, то вы оба, дети мои, взлетите высоко соколами... Тогда и наш род прославится. И я завещаю вам перед своей смертью — живите в согласии, дети мои, Битабар и Мусатай!.. Будет тогда у вас и пища, и кони, и скот... Живите...

Он что-то хотел сказать, но силы оставили его.

Безбородый мулла наклонился над аксакалом:

— Скажи о Калиме, Алим... Скажи о Калиме!..

И тут же осекся. Старейшина рода уже ничего не мог сказать о Калиме — произнести последние слова об аллахе. Аксакал жил последние часы словно лишь для того, чтобы поведать завещание и скончаться.

Мусатай, сидевший у ног отца, подполз к Битабару, обнял его и громко зарыдал.

Битабар молча смотрел на бизжизненное тело, слушал рыдания Мусатая, и сердце его наполнялось жалостью. Когда умирает большой человек, который многие годы был хребтом всего рода, разве вспоминают мелкие житейские обиды? Битабар грустно вздохнул и неуклюже, словно боясь раздавить его в своих крепких объятиях, обнял Мусатая.

— Алеке был душою рода!

— Он собирал нас вокруг себя!..

Горе сближает людей. Мусатай, рыдая, клялся в вечной дружбе и любви, просил Битабара быть его другом и братом...

13

Степняки верят, что языком умирающего человека говорит аллах, сказанные на смертном одре последние слова — слова божьи. Они являются напутствием в жизни. Человек, заканчивающий свой путь на земле,

всегда желает оставить после себя добрые дела и мудрые слова. Битабар запомнил последние слова Алимбая, они звучали в его ушах, они легли зарубкой на сердце. И молодой борец, чья слава по округе начала всходить, как ярко-алая весенняя заря, чью силу и ловкость стали прославлять в своих песнях акыны и на крыльях слова понесли его славу далеко над степными просторами, молодой борец оставался все таким же скромным и простым человеком, верящим в добро и справедливость. Битабар неуклонно следовал по пути, который указывал умирающий Алимбай. Родственные узы — святыне узы, они крепче аркана связывают людей. Битабар был верен своей клятве. Ум и знания — это доля Мусатая, а сила и мужество — это его доля. Мусатай стал деловым человеком при борце. Он вел переговоры, обуславливая место и время поединков, оговаривал условия приема и выторговывал особые призы. Пронырливый и хитрый Мусатай был в своей стихии, чувствовал себя, как щука в реке.

С того самого первого дня, когда Битабар получил благословление из рук прославленного Балуан Шолака, в здешних краях стали к имени Битабара прибавлять уважительное и почетное слово «Балуан». И ни одно шумное угощение, празднование, свадебные торжества не обходились без Битабара. Молодой и сильный, да к тому же еще и умеющий улыбнуться, сказать задушевное слово, он всегда и везде был желанным и почетным гостем. Где бы ни проходили празднования, за Битабаром следили гонца. А там, где был Битабар, рядом с ним, словно его тень, находился Мусатай. Он делил и приз, которым, как ни странно, ни разу не поинтересовался Битабар. Он всецело доверял Мусатаю, считая его преданным и честным, верил в его справедливость. Молодой Балуан оставался равнодушен к своей доле добычи, ни разу ею не воспользовался, даже не взглянул на нее. Битабар побеждал одного за другим, побеждал так, что

у соперника навсегда отпадала охота выходить в следующий раз на борьбу. А окружающие Битабара алчные людишки, знавшие широкий и мягкий характер борца, славя его мужество и беззвучно грызясь меж собой, беззастенчиво растаскивали его добычу, заслуженно полученную в поединках. Никто из них даже не спрашивал Битабара: «Вот это возьму я!» Просто арканили коней, гуртовали овец, связывали бычков и угоняли к своим кочевьям. А Битабар молча взирал на них, даже не задавая наивного вопроса: «Почему бeрeшь без спроса?»

А когда случалось, что эти людишки, не поделив скот между собой, обращались к Битабару, то и тогда тот не вершил суда, не утверждал: «Ты прав, а ты не прав!» Балуан не вмешивался в дележ, он всех тех, кто приходил к нему, отсылал к родственнику:

— Идите к Мусатаю. Он все знает.

— Ойбой, Балуан! Так это Мусатай и есть самый несправедливый, делит твою добычу без честности!

— Я же сказал, идите и поговорите с Мусатаем.

И все! И отворачивался, считая, что разговор окончен. Битабару противно было смотреть на всю эту возню, которая всегда затевалась вокруг добычи. Он всецело полагался на Мусатая. Делить и договариваться — это его забота.

Битабар месяцами не возвращался в родной аул, разъезжая по праздникам, пиршествам и свадьбам, участвуя в поединках, совсем не думая о том, что у него есть скот и надо за ним смотреть... О его скоте и пропитании думали, заботились другие. Популярность молодого непобедимого борца росла, и всюду в степи были рады его приезду.

Росла слава борца, и вместе с тем все меньше находилось охотников испытать свои силы в поединке с Битабаром. Тот, кто хоть раз выходил против него, не желал второй раз вытирать спиною траву... Люди степи

восхищались богатырем, но не желали с ним меряться силой.

Как обычно, выходил на середину круга Битабар. Подобно своему наставнику Шолаку он терпеливо сидел в центре, накинув на обнаженные плечи чекмень. Он сидел в ожидании, когда же наконец выйдет достойный борец из аула, хотя хорошо знал, что во всем этом роде нет мужчины, который мог бы стать соперником, который мог выстоять, продержаться хотя бы несколько минут против Битабара... Но Битабар не бравировал своею силой, не спешил выйти на круг. Он, соблюдая законы степи, не говорил опрометчивых обидных слов: «Если нет у вас настоящих соперников, то отдавайте мне приз без борьбы!»

Битабар видел, как люди жмутся, подталкивают друг друга локтями. Вот на одного из них набрасывают аркан, он выходит вперед и делает вид, что готов раздеваться. Иные из них даже раздеваются, как бы готовясь к борцовскому поединку, но в самый последний момент они останавливаются, подолгу о чем-то советуются со своими товарищами, потом подзывают аксакалов, которых выбрали судьями, и снова шепчутся, советуются. Но дальше этого дело не движется. И топтание это в конце концов кончается тем, что местный храбрец снова натягивает на себя одежду, ныряет в толпу и исчезает в ней.

Солнце поднимается высоко и начинает припекать. Люди устали. Судьи снова и снова обращаются к мужчинам, вызывая их на поединок. А потом, посоветовавшись, объявляют Битабара непобедимым и вручают всю добычу...

После одной из таких поездок, погуляв целую неделю, Битабар и Мусатай возвращались в свой аул. Выпитый кумыс и жирная еда располагали к доброй беседе. Сытые кони не спеша несли на своих спинах сседков.

— Послушай, брат мой, — сказал Мусатай, — что-то скучно стало на торжествах.

— Это почему же? — удивился Битабар.

— Люди приезжают, чтобы посмотреть борьбу, а с тобой никто не хочет бороться. Ты слишком быстро прижимаешь спиной к земле, люди даже моргнуть не успеют.

— Я же не виноват, что мои соперники такие хлипкие.

— Э-э, братец, не в этом дело.

— А в чем? — Битабар удивленно взглянул на Мусатая.

— Помнишь, что говорил отец, когда умирал?

— Его слова в сердце ношу. Ты — это ум и знания, а я, выходит, сила и мужество. Вместе мы и сильны!

— А если помнишь, то послушай, что тебе скажут мой ум и мои знания.

— Умные речи можно и послушать.

— А ты без улыбки, Битабар. Я дело говорю! — Мусатай приблизился к борцу, словно в степи могли их подслушать. Давай сделаем так... В следующий раз, когда нас пригласят на пиршество, ты выходи на круг, но только не сразу вали на землю своего соперника. Понял?

— А это зачем? Мы же боремся по-честному. Кто сильнее, того и верх!

— Вот чудак! Да кто оспаривает твою силу и славу! Тут дело совсем в другом.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Раз не понимаешь, значит и слушайся моего ума. Отец не зря нам так завещал, да будет его душа на том свете счастлива! Слушай меня, Битабар. Люди приезжают издалека, чтобы насладиться красотой силы, посмотреть приемы борьбы. А ты всех валишь в один момент... Вот я и предлагаю тебе, давай в следующий раз не торопись. Понял? Покрутись на кругу, потаскай

соперника, покажи разные приемы... Пусть думают, что нашелся, наконец, тебе равный борец. А ты, когда азарт охватит толпу, возьмешь его, как мышонка и припечатаешь спиной к земле! Вот будет потеха! — Мусатай громко рассмеялся, а потом, успокаиваясь, добавил серьезным тоном. — Не будем наживать себе врагов, братец. Люди любого рода тогда с радостью будут отдавать нам добычу, ты честно ее заработал. А потерпевший может потом хвастаться, что он выходил против самого Балуан Битабара! Понимаешь мою мысль?

— В твоих словах есть доля правды, Мусатай. Но не кажется ли тебе, что это будет пахнуть нечестностью?

— А кто об этом будет знать, кроме нас с тобой, а? Хороший приз никогда не мешает даже самому прославленному борцу!..

Битабар нехотя утвердительно кивнул головой. Что же, он может бороться и так, показывая свое мастерство.

14

Как-то в середине лета Мусатай пришел в юрту Битабара.

— Ну, прославленный борец, ты готов?

— Битабар всегда готов, Мусатай.

— Тогда поехали. За нами прислали славных скакунов. Понимаешь, там будет особенный той!

— Почему особенный? Разве мало мы видели всяких пиршеств?

Мусатай лишь многозначительно усмехнулся.

— О том, что он особенный, узнаешь на месте.

Битабар не стал допытываться. Ему было все равно куда ехать и с кем бороться.

Оседлали коней и поскакали по степи в сторону аула рода Тама, что кочевал в низовьях Сарысу,

И на сей раз все было, как и раньше. Вокруг площадки, на которой выкосили траву, уселись степняки рода Тама. Они шумно приветствовали появление Битабара, который, накинув на обнаженные сильные плечи чекмень, вышел на середину и уселся на разостланный ковер. Битабар знал, что во всем роде нет крепкого степняка, который мог бы выйти против борца. Но он почтительно выжидал и смотрел, как толкаются, как шепчутся джигиты, не решаясь выйти в круг.

Худошавый аксакал, избранный судьей от рода Тама, трижды выходил вперед и зычным голосом приглашал охотников померяться силой с Балуан Битабаром. Толпа шумела, как растревоженный табун, но никто не отважился сделать шаг вперед.

Время перевалило за полдень. Солнце стало припекать, и пора было заканчивать церемонию борьбы. Битабар ждал, что вот сейчас судья из рода Тама объявит об этом во всеуслышание.

Но тут к борцу подошел краснощекий Исхак, который приехал судьей со стороны Битабара, и почтительно склонился перед ним:

— Битажан, вас очень просит к себе Мусатай.

Битабар встал, поведя сильными плечами.

Мусатай сидел на подушках в просторной богатой юрте, поставленной специально для пиршества. Он поднялся навстречу борцу, почтительно протягивая ему руки. Мусатай своим видом высказывал особое внимание и уважение к знаменитому родственнику.

— Выходит, что среди этих шумливых людей из рода Тама не нашлось ни одного джигита с характером мужчины и горячим сердцем женщины?

— Откуда мне знать? Топчутся да шушукуются.

Мусатай, немного помедлив, сказал:

— Ты сам знаешь, что отношения между нашим родом и родом Тама нехорошие. Как начинается лето, всегда вспыхивают раздоры из-за пастбищ.

— Я тут при чем? — Битабар недоуменно пожал плечами. — Они сами нас пригласили.

— Я вот о чем думаю, — Мусатай вдруг понизил голос до шепота. — Может, нам удастся сблизить наши роды. Наверное, ничего не случится, если мы один раз уступим им? Что ты скажешь?

— Это ясно тебе самому. Что же ты спрашиваешь меня? Если этот род живет рядом с нашим, кочует рядом с нашим, конечно, будет нехорошо, если пойдут раздоры.

Мусатай давно сидел, как лисица у входа в нору, обнюхивая носом воздух.

Уловив в поведении борца покладистость, Мусатай сразу выпалил:

— Тогда на сей раз ты должен уступить первенство кому-нибудь из рода Тама.

Битабар, ничего не понимая, удивленно уставился на лоснящееся лицо родственника.

— Как так уступить? Кому уступить? Что ты мелешь?

— Не горячись напрасно, братец!.. Что будешь делать, если в их роду нет такого джигита, который мог бы тебя победить? Вот они и прислали ко мне своего доверенного человека. Он говорит, что если вы не желаете ссориться с родом Тама, пусть ваш Битабар уступит, пусть признает себя побежденным.

От таких слов у Битабара кровь хлынула к лицу. Как это так самому признать себя побежденным? Как это уступить первенство без честной борьбы? Вслух Битабар спросил:

— А ты что ответил?

— Подумал, подумал и решил согласиться.

— Что?! — выдохнул Битабар.

— Решил согласиться.

— Ну что ж, если ты и дал свое согласие, то я его не принимаю. Я не могу позорить наших предков!

Битабар порывисто вскочил, опрокинув круглый чайник на цветастый ковер.

— Битабар, постой! Я не все тебе сказал.

— Ну, что там еще у тебя? — борец задержался у самого выхода.

— Если мы согласимся, если исполним пожелания рода Тама, тогда тебя по самые колени засыпят деньгами! — С этими словами Мусатай распахнул кожаный мешок, набитый бумажными деньгами. — Это нам дали задаток, понимаешь?

Он рассчитывал, что вид денег ослепит борца В мешке — целое состояние! И Мусатай быстро заговорил, глотая концы слов.

— А потом ты его победишь, через пару месяцев, на следующем тое, понимаешь? Это же выгодно!

Битабар дышал тяжело, как после длительного бега.

Он вспомнил, как два месяца назад Мусатай уговорил его протянуть борьбу, не валить сразу соперника и он, Битабар, покорно выполнил эту просьбу. Вспомнил, как ошалело редела толпа, подбадривая отчаянного джигита, вспомнил и то, как потом, после борьбы, карманы Мусатая подозрительно распухли. Битабар тогда не поинтересовался, откуда у того появились деньги... А вот теперь ему все стало ясно. Плут родственник торговал его именем, заранее обуславливая ход поединка! Но и этого ему показалось мало...

Теперь предлагает, чтобы и вовсе признал себя побежденным!.. Говорит, что завалят деньгами по самые колени...

И тут Битабар провел рукой по своей широкой груди — ему не хватало воздуха. Пальцы сами собой нащупали талисман. Тумар В нем записаны слова Балуан Шолака: «Борьба это тоже один из видов мастерства. Не обрати его в легкое ремесло ради наживы» И вот ему предлагают нарушить клятву...

У Битабара потемнело в глазах от злости. Он не помнил, как в два прыжка пересек юрту, схватил Мусатая и поднял с подушек.

— Я думал, ты человек... Человек, который ведет за собой людей! А ты... Ты, оказывается, шакал!

Мусатай весь перекосялся от страха и боли. Напущенная солидность слетела с лоснящегося лица. Он пронзительно завизжал, как поганый поросенок. На его вопли сбежались люди. Битабар продолжал держать его в вытянутых руках, смотрел, как тот извивается, корчится, а потом брезгливо, словно падаль, швырнул Мусатая на горы подушек, которые лежали в глубине юрты И, не оглядываясь, раздвигая, словно камыш, удивленных, оторопевших людей, вышел наружу...

И все!

На этом он положил конец своей борцовской жизни.

Он бросил навсегда свои увлечения играми, развлечениями, потерял всякий интерес к борьбе. Битабар стал жить, как и его земляки. Зимой коротал вечера в своей мазанке у очага, летом косил сено для своего скудного стада, которое сохранилось за времена его шумных разъездов по праздникам. Он не спорил, когда ему по жребию доставался плохой покос, где трава росла жидкая и низкая. И совсем, казалось, не интересовался теми событиями, которые происходили за пределами его аула. Был он глух к молве и сплетням. О чем бы люди ни судачили, что бы ни говорили, Битабар оставался равнодушным и отвечал всегда одно и то же, так что не поймешь, одобряет он или хулит:

— Э-э! Ну и хорошо!

А родственникам, которых подсылал к нему Мусатай с просьбой забыть прошлое и помириться, Битабар говорил, пожимая плечами:

— А я ни с кем не ссорился.

Дни шли один за другим, колесо жизни наматывало, словно бесконечную ленту, недели, месяцы, годы...

Вернувшись к родному очагу, Битабар вскоре выбрал одну из девушек своего аула себе в жены. У Слеусин были приятное лицо, спокойный покладистый характер, веселый нрав и крепкие работающие руки. Она вошла хозяйкой в его дом, и скромная мазанка борца засияла чистотой и уютом. А вскоре Слеусин родила сына, которого называли Амантаем. Круг семейных забот, казалось, полностью захватил Битабара.

* * *

Новые, неведомые раньше события хлынули в степь. В разных аулах степняки начали объединяться, сгоняя в общие стада своих коров, верблюдов, лошадей... Появился какой-то «Союз Косши», «Союз бедноты». Эту новость каждый обдумывал по-своему. Богатые степняки угоняли свой скот в степи, а бедняки сами шли навстречу новой жизни. Между степью и далекой Карагандой пролегла ровная дорога. Казахи, которые с детства занимались скотоводством, потянулись в город на заработки, пошли на шахты.

Битабар, казалось, ни на что не обращал внимания. Но когда к нему в юрту пришли представители «Союза бедноты», он их встретил почтительно.

— Биеке, — спросили борца, — ты запишешься к нам в «Союз»?

— Ладно, если так надо, — согласился тот.

А через некоторое время ему сказали, что теперь ему так просто нельзя сидеть дома, надо работать, как и всем.

— А что мне делать? — спросил Битабар.

— Будешь пасти общественных коров.

— Ладно, если надо пасти общественных коров, я буду их пасти.

Так и встретил Битабар перемену в жизни. Так он стал пасти стадо.

Осенний день короток. Когда Битабар пригнал стадо в аул, уже наступил вечер и сизые сумерки легли над степью. Битабар гнал скот и думал о тех людях, которые приезжали на машине. Нехорошо он о них обошелся, плохо. Да еще нагрубил.

У первого встречного аульчанина Битабар спросил:

— Э-э, скажи-ка, где остановилась машина?

— Она уже уехала, батыр. Пошла по дороге на Куланотпес.

— А кто такие были те люди?

— Из Караганды. Людей на шахты звали, что под землей находятся. Там, говорят, люди, как сурки, черным камнем долбят.

Битабар погнал стадо дальше. Но смутное предчувствие по-прежнему шевелилось в его широкой груди. Он родился и вырос в степи, привык к медленной смене весны и лета, осени и зимы, казалось, навсегда связал свою судьбу с этими бескрайними просторами и ее немудреными и в то же время суровыми законами. Он не боялся трудностей, привык идти им навстречу. И в то же самое время сторонился всяких новшеств, которые хлынули за последние годы в степные аулы, избушкавшая тихое течение размеренной жизни. Что бы ни говорили, а степняк остается степняком. Из краешка слуха не слышит никакой похлебки. Лишь тот, кто добровольно потрудились летом, может иметь кусок мяса и лепешку в зимние непростые дни. Так было всегда. И вот сегодня эта машина, которая примчалась как шайтан-арба, нарушила привычный однообразный ход жизни. В глазах Битабара, словно белым, все еще стоит человек в широкополой шляпе.

Битабар щелкнул кнутом и подумал, что тот человек через два-три дня обязательно вернется сюда в аул. И с этой мыслью зашагал к своей юрте.

Но прошло и три, и пять, и десять дней, а человек в широкополой шляпе не приезжал на своей машине. Битабар решил, что тот из Куланотпеса поехал прямо в город Караганду.

Пришли первые заморозки. Белый иней покрыл травы, тонкий, как хрупкое стекло, ледок сковал лужицы. А на рассвете выпал легкий снежок, выбелив вытопанную вокруг юрты землю, кучу навоза, принарядил аул и степь.

Глаза кололо от белизны и света.

В юрту вбежал сын Амантай. Веселый, смуглый, шершавые щеки покрыл густой румянец, а в слегка раскосых глазах светились горящие угольки, словно их только что разожгли.

— Отец, я принес новости!

— Говори, — отозвался Битабар, невольно разглядывая сына, словно видел его впервые.

Мальчишка за последние годы вырос, раздался в плечах и в десять лет намного опережал своих одноклассников. Амантай рос в отца и уже сейчас мог запросто сойти за шестнадцатилетнего джигита. Глядя на сына, Битабар невольно вспомнил и свое детство.

— Отец, сосед Карим и сосед Жупан собирают свои юрты. Говорят, что уезжают в Караганду.

«Новость» была не новой. Еще на прошлой неделе Карим и Жупан говорили, что теплых дождей летом было мало, что травостой выдался плохой и сена накосишь меньше, чем нужно. Чем кормить скот зимой? Не лучше ли податься в город, где, говорят, на шахтах платят хорошие деньги? «Значит, решили уехать?» — подумал Битабар, подставляя спину к огню, что ярко пылал в очаге.

Он не вышел смотреть, как соседи складывают свои нехитрые пожитки. Лишь к полудню, когда Амантай сообщил, что те уехали на двух подводах, Битабар нехотя поднялся.

Там, где паходились недавно юрты соседей, остались лишь круглые следы стоянки.

Пусть город принесет им счастье, — сказал Битабар и повернулся к своему загону, где жались друг к другу голодные овцы.

«Зима в этот раз будет холодной и долгой, — подумал Битабар, давая охапками сено скотине. — Продержимся ли до весны?»

Вдруг чуткое ухо степняка уловило уже знакомый ему звук слышный гул мотора. Битабар оглядел дорогу и увидал машину. Он узнал ее. Машина катила по дороге и скоро въехала в аул и притормозила возле юрты Битабара.

Открылась дверца, и на землю сошел человек, показавшийся ему очень знакомым: на голове его была широкополая шляпа.

Он улыбнулся, узнав Битабара, и спросил на ломаном казахском языке:

— Кумыс есть?

— Кумыс? Кумыс есть, тамыр, — ответил Битабар, подходя к машине. — Есть кумыс!

Битабар повел этого человека в широкополой шляпе и шофера-казаха в свою юрту.

— Слеусин, принимай гостей, — сказал Битабар жене. — Подай кумыс.

— Откуда вечером может быть кумыс? — недовольно пробормотала жена.

Битабар хмуро глянул на Слеусин. «Аллах свидетель, что за народ эти женщины! — подумал Битабар. — Хоть ружье приставь к ее груди, она не скажет «есть». Какой смысл спорить с ней?» И вслух повторил свои слова, обращаясь к человеку в широкополой шляпе:

— Кумыс есть, тамыр. Если не найдем кумыса, то будем пить саумал. Это такой молодой кумыс, он еще не перебродил.

— А-а, тогда можно и присесть, — согласился человек в широкополой шляпе, и на его лице появилась улыбка.

«Он не похож на человека, который пришел бы ко мне со злым умыслом», — решил Битабар. Он теперь успокоился и старался проявить знаки внимания к гостю.

— Э-э, в степи говорят: если один раз встретишь человека, то станешь знакомым, а второй раз встретишь — уже приятели. Проходите сюда, тамыр, на почетное место. Вот, где подушки. Сейчас будет кумыс, будет и другое что-нибудь.

А что же еще может быть, кроме кумыса? — спросил гость, наблюдая за крупным, сильным казахом, который суетился в юрте.

— Все есть! Есть шестимесячный ягненок, есть и молоденький жеребенок...

Человек в широкополой шляпе, много ездивший по казахской степи, знающий вдоль и поперек здешние горы и долины, удивлялся лишь одному: каждый степняк имеет здесь свое место. Каким-то своим внутренним законам подчиняются с виду как бы обычные будни этого удивительного народа. Они могут и хитрить и плутовать. Могут вести споры и с блеском выигрывать тяжбы. Среди них немало отважных, наделенных необыкновенной мощью людей. Но если степняк встречается с посторонней силой, он становится беспомощным, теряется. Его простодушие выглядит угодливостью и суетливостью. И за всем этим трудно разглядеть главную суть характера степняка и его действительное положение в своем народе.

Из задумчивости его вывел голос Есима.

Есим, шофер, обстоятельно рассказывал, как ночью они не смогли найти брод через реку и проторчали на ледяном ветру до рассвета, потом катили по степи, сглаженной морозцем и припорошенной снежком.

— Будет очень хорошо, батыр, если мы не простудимся. А ехать нам еще далеко.

— Да, в Караганду путь не близкий, — согласился Битабар и повернулся к Слеусин. — Ойбой, жена, дела-то какие! Как бы гости наши не заболели. От беды говорят, и дьявол не сбежал... Не жалей хвороста, натопи пожарче. Да постели одеяла мягкие и теплые... Позор ляжет на нашу голову, если важный гость лишится жизни от болезни.

— Амантай, — позвал Битабар сына. — Иди-ка сюда.

В комнату вошел подросток, очень похожий на отца. Он протянул руку, приветствуя гостей, и ладонь его была крупной, как у взрослого человека.

— Иди, сынок, заколи шестимесячного ягненка, — повелел ему отец.

Амантай в ответ молча поклонился и вышел.

Гость, по всей вероятности, на самом деле простудился. Он попросил постелить одеяла поближе к огню.

— В тот день я рассерчал на шофера, — вспоминал человек в широкополой шляпе. — Надо было ему проехать чуть в сторону, и мы бы не засели. Так нет же, взял напрямую! Ну, а потом, когда ты, друг, подошел и помог нам, вытащил машину, я и не смог поблагодарить... Расстались мы не по-хорошему. Но говорят в степи, что сильные люди не держат обиду?

— Э-э, — махнул рукой Битабар, — иной раз поругаешься дома с женой, накричишь на сына, выйдешь на улицу и забудешь ответить своему соседу на приветствие.

— Мой нашандик Иван Иванович всегда мои поступки считает неправильными, — вставил шофер Есим, усаживаясь возле огня. — А ведь если бы взяли чуть в сторону, то не сидели бы в этом доме, не встретились бы с Балуан Битабаром.

— Ты правду говоришь на этот раз, Есим, — произнес гость и повернулся к Битабару. — Я и раньше о тебе слышал и все надеялся, что удастся встретиться. Слава твоя живет во всей степи, батыр! — Иван Иванович улыбнулся и дружески похлопал хозяина дома по плечу, словно они были давным-давно знакомы. — Да и сам ты, друг, странный какой-то! Ведь мог же назвать себя, но заупрямился. Эх ты! Сказал бы: «Я — Балуан Битабар!» — и мы сразу же стали бы с тобой друзьями.

Битабар удивленно рассматривал гостя и с наивной простотой задал вопрос:

— Мог ли я предполагать, что меня знают и русские?

— Твое имя, батыр, знают во всей степи, — сказал Есим. — А этот человек не совсем русский.

— Кто же он?

Иван Иванович снова улыбнулся и, не торопясь, подбирая казахские слова, стал говорить:

— Этот человек, — он ткнул себя пальцем в грудь, — есть Левенштерн, сын Ивана. Сам он тоже Иван. Когда был маленьким-маленьким, его привезли на шайтан-арбе из Германии. Потом немного крестили. После чего он стал русским... И теперь приехал работать сюда, в степь.

— Тот самый Керман, который в прошлые годы воевал с русскими?

— Да, та самая Германия.

— Ойбой! — Битабар покачал головой.

— А теперь этот человек хочет немного стать казахом, — закончил, смеясь, Иван Иванович.

— Правильно, тамыр, будь казахом! Хорошо быть казахом!

В комнату вошел Амантай, волоча за собой ягненка, которого выбрал в загоне.

Ну, тамыр, благослови!

Левенштерн, усвоивший обычаи степняков, не стал отказываться.

— Бисмилла! Пусть будет больше шахтеров-казахов! — проговорил он и по мусульманскому обычаю провел ладонями по лицу.

Слеусин, хлопотавшая у казана, выразительно скривила губы, притронулась пальцами к своим щекам и, копируя Левенштерна, строила гримасу. Битабар не удержался и рассмеялся.

— Э-э, хозяин, не смейся, — Иван Иванович покачал головой. — Я не ради веселья разъезжаю по степи. Делаю дело, большое дело! В эту поездку мы собираем казахов на шахты. У казахов должен быть свой рабочий класс.

— Иван Иванович большой человек, большой нашандик, — почтительно проговорил шофер, — он теперь главный инженер новой шахты. Самый главный, понимаешь?

Битабар утвердительно кивал головой, хотя, если признаться честно, из всех сказанных фраз он знал лишь слово «нашандик», да еще понял слова «рабочий», «шахта». Но внимательно слушал гостей, отдавая должное их учености и городскому положению. Люди, живущие в городе, конечно, знают больше степняков разных новостей.

А Левенштерн тем временем подробно рассказывал о том, что под казахской степью, глубоко в земле, таятся различные исчисленные богатства. Там много каменного угля, которого так не хватает стране. Чтобы достать уголь, люди роют шахты.

Он подробно расписывал труд шахтеров, называя их смелыми и героическими людьми, не скрывал трудностей и опасностей работы под землей и расхваливал жизнь в городе...

— Жена, видишь, какие у нас гости! Ищи по всей степи — таких не сыщешь, — проговорил Битабар,

откидываясь на подушки. — Неси угощения, не жале! Неси сахар, курт, масло... Неси все!

— Ойбой, если выложишь все, то что же ты будешь есть завтра? — проворчала Слеусин. — Станешь воздух глотать?

— Э-э, жена! Да если бы ты поступила иначе, разве считалась бы женщиной? — произнес слегка рассерженным тоном Битабар. — Раз говорю тебе неси, значит — неси! А придет завтрашний день, придет и пища. Ты где-нибудь видела могилу казаха, который умер от голода?

Левенштерн много раз слышал эту пословицу и каждый раз удивлялся, ибо ему казалось, что степняки — беспечные люди, не думают о завтрашнем дне. Конечно, умерших от голода не встретишь, но все же так жить нельзя... Он радушное гостеприимство принимал за беспечность. «Как там ни суди, а женщины у них расчетливее, чем мужчины», — думал он, незаметно подтачивая Есима и давая тому условный знак.

Шофер выскользнул за дверь и вскоре вернулся, неся увесистый узел с продуктами и ружье.

— Хорошее ружье, — похвалил Битабар, поглаживая ладонью по стволу.

— Иван Иванович большой охотник, метко стреляет, — сказал Есим и тут же спросил. — А собаки у вас нет?

— Зачем спрашиваешь, если сам видел.

— Э-э, батыр... В машине лежит полдюжины подстреленных сайгаков. Вот я и опасаюсь, как бы пес не пронюхал.

— Собакам верить нельзя, — вставила жена и сказала сыну, чтобы тот привязал пса.

— Огонь что-то меня не согревает, — сказал Левенштерн и велел шоферу развязать узелок.

Есим, встав на одно колено, развязал на краю дастархапа свой узел, выложил буханку городского хлеба,

обернутую бумагой головку сахара и бутылку с прозрачной жидкостью.

— Наливай-ка нам по полной, — распорядился Левенштерн.

Битабар брезгливо покосился на прозрачную жидкость, которую налили в пиалу и поставили перед ним.

— Нет, нет... Вы сами, тамыр, Битабар не пьет.

— Тогда и гость ее пить не станет. — Левенштерн отодвинул от себя полную пиалу. — И будет болеть.

— Э-э, болеть не надо. Пей на свою радость.

— Выпей, Биеке, — стал упрашивать шофер. — Водка разогреет кровь и уведет сердце в рай.

— Эй, муженек, может быть, ты и в самом деле решил отведать? — подала голос жена. — Отставь пиалу, может быть, тебе отраву подают, кто знает...

— Ну, коли гости принесли мне отраву, я ее и выпью, — со смехом произнес Битабар, и, быстро взяв пальцами пиалу, единым махом опрокинул в рот все содержимое.

Что-то тяжелое и горячее, как расплавленный свинец, потекло внутрь, обжигая горло и распаяя нутро. Битабар на мгновение задохнулся, но сдержал себя, лишь тыльной стороной ладони провел по губам и попытался изобразить на своем лице подобие улыбки.

— А что, видали! — подхватил Левенштерн. — Выпил, как настоящий шахтер!

Все тяготы, которые раньше томили душу степняка, вдруг развеялись. Жизнь сразу показалась легкой, веселой.

Битабар пошевелил рукою, а она как-то странно отяжелела, словно была к чему-то привязана... А гость все говорил, и слова его были приятны.

Вдруг Битабар обратил внимание на сына.

— Апырай!.. Такой здоровый, а не хватает сил на одного ягненка! Или ты не в отца своего пошел, а в дядю?

Битабар подполз и, качаясь и размахивая руками, словно он дингался по воде, направился к Амантаю. Мальчик отдал отцу нож и отошел.

Наклонившись над тушей, Битабар вынул одно ребро, а затем рванул тушу ягненка на две части, и она начала раздираться на куски, словно хлопчатобумажная ткань.

Амантай, неловко переминаясь с ноги на ногу и виновато опустив голову, стоял рядом.

— Эй, жена, клади скорее в казан!

Гость, не без удивления наблюдавший всю эту сцену, спросил:

— Сколько лет вашему мальчику?

— Этим летом исполнится десять, — ответила Слеусин.

Левенштерн посмотрел на Есима.

— Этот тоже будет батыром. Хороший шахтер из него получится!

— Э-э-э! — махнул рукою Битабар. — В десять лет я уже играл под ухом у дикого коня.

Потом они пили еще и еще, жена подавала жирную сорпу, вареную баранину. Левенштерн, захмелев, много и возбужденно говорил по-русски, а Есим переводил его слова на казахский язык.

У Битабара кружилась голова, ему было легко и весело, и он, слушая рассказы гостя, понимал лишь одно — хорошая жизнь у шахтеров, там слава и заработки ждут сильных людей...

16

Битабар с трудом открыл глаза... Сколько же времени прошло? Что сейчас — утро или вечер? В голове все перемешалось. Битабар попытался вспомнить вчерашний вечер, но в памяти ничего не оставалось, кроме

неясных расплывчатых эпизодов. Только помнит, как пили водку, как ели мясо... И еще помнит, как сын Амантай сидел у края дастархана и, нагнув голову, все время смотрел вниз...

Битабар не помнит, о чем велся разговор, как постелили одеяла и кто где лег...

Он огляделся. У очага хлопотала жена, сухо потрескивал хворост, и желтые языки огня облизывали закопченный бок чайника. «Хорошо сейчас чаю попить», — подумал Битабар и покосился на котел, что стоял у порога. — Осталось там что-нибудь или заново надо варить мясо?»

И тут он обнаружил, что гостей в юрте нет. Неужели ушли?

Битабар торопливо натянул одежду и направился к двери. Холодный воздух приятно обдал лицо, освежая и бодря. Солнце только всходило, у машины прохаживался Левенштерн. Шофер суетился у железной морды машины, разжигая под ней костер.

— Э-э, приятель, неужели ты не нашел другого места, чтобы разжигать огонь?

— Машина так не пойдет, мотор застыл, — пробурчал в ответ Есим, подбрасывая в костер новый пучок хвороста.

— Э-э, если она не идет, тогда давай я ее еще раз подниму и толкну, — предложил свои услуги Битабар.

Левенштерн посмотрел на батыра и не удержался от улыбки:

— На этот раз ее поднимать не надо, не поможет. Надо огнем ее согреть, и тогда она сама пойдет.

— О аллах, такая железная тварь, оказывается, тоже мерзнет, как человек или живая скотина? — удивился Битабар.

— Не только мерзнет, но и замерзает в лед.

Битабар обошел машину несколько раз, разглядывая ее со всех сторон, хлопая по ней ладонью, не пере-

ставая удивляться и качать головой. А тем временем Есим прогрел и завел мотор.

Машина басовито зарокотала и задрожала, как норовистый конь перед скачкой. Битабар почувствовал к ней, к этой ожившей железной твари, уважение, и его охватила некоторая робость, но он не подал виду, лишь отступил на шаг.

— Нравится железный скакун? «Фордом» называется, — объяснил Левенштерн. — Мы на нем тысячи верст по степи исколесили.

Повернувшись к Есиму, он сказал:

— Достань одну штуку. Покрупнее.

Есим вытащил крупного сайгака и подал его Левенштерну. Тот шагнул к Битабару и протянул ему тушу:

— Прими, батыр, от меня степную дичь.

«Не хочет ли он сказать, что если будет надо, и меня он сделает таким бездыханным, как сайгак?» — мелькнула у Битабара мысль, но, глядя на улыбчивое, подобревшее лицо Левенштерна, степняк устыдился своих предположений.

— Э-э, рахмет! Спасибо! — произнес Битабар, принимая сайгака. — Пусть твоя юрта всегда будет полна счастья!

— И тебе спасибо за гостеприимство! — Левенштерн крепко пожал руку Битабару. — Значит, договорились, батыр? Мы теперь встречаемся в Караганде, на шахте... Не смущайся и не беспокойся ни о чем! Такие богатыри нужны рабочему классу. Там тебя ждут настоящая слава и почет.

Машина тронулась и, поднимая пыль, понеслась по замерзшей степи.

Битабар, его сын, жена и аульчане, которые уже знали, что у батыра были важные гости, долго смотрели ей вслед.

Битабар не пошел к стаду, он весь день пролежал, закутавшись в тулуп.

Жена и сын несколько раз подходили к нему, но он не откликался на их зов, и те думали, что Битабар спит.

А он не спал, он думал. Что там ни говори, а жизнь, которая сейчас была у него, не давала полного удовлетворения, ощущения счастья.

На следующий день он рано поднял жену и сына:

— Хватит отлеживать бока, вставайте!

— Битажан, ты что еще надумал? — спросила Слеусин, предчувствуя какую-то перемену.

— Будем собирать нашу юрту.

— Как это «собирать юрту»?

— Будем переселяться в город...

Сборы были недолгими.

В многочисленные караваны, которые ручейками текли по степи в сторону Караганды, влилась и семья Битабара...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Битабар, вернувшись после ночной смены, едва успел помыться и собрался отдыхать, как со двора послышался голос сына:

— Отец, отец!

— Ну, что там? — недовольно пробурчал Битабар, снимая рубаху.

— Тут такое... Тут такое про тебя!

Битабар невольно заинтересовался и в нательной рубахе высунул в дверь:

— Что про меня?

Амантай протянул отцу газету, которую держал в руке:

— Здесь твой портрет есть, отец!

Битабар хмуро посмотрел на сына: «Что он мелет? Какой еще портрет?»

Битабар осторожно взял газету, развернул ее, оглядывая каждую страницу, ворочал ее так и сяк, но ничего не находил:

— Где? В каком месте?

— Ты же не так держишь газету, отец. Вот, смотри сюда! Видишь, самый большой из четырех.

Но Битабар прежде всего уперся взглядом в самого маленького. Он узнал его. Это джигит-коротышка, которого звать Али. Он ростом мал, головой едва достает до плеча Битабара. На другом снимке — сам Левенштерн. Его трудно не узнать. Третий — борец по имени Ылгаз. Он одним из первых пришел на новую шахту. А вот самый крупный снимок. Здесь изображен Битабар Елбаев. Но сам себя Битабар не узнал. Всех других он признал, но вот когда дело дошло до собственного портрета, то борец долго и пристально разглядывал фотографию. Может быть, оттого, что первый раз в жизни видел свое изображение на газетной полосе.

— Ну, что там написано? — спросил он сына, забыв, что Амантай в школу не ходил, грамоте не был обучен.

Мальчишка смущенно улыбнулся и не знал, что ответить.

Выручил их Али. Он прибежал к юрте Битабара радостный, еще издали прокричав:

— Эй, Биеке, о нас в газете прописали!

— Нечего сопеть, — остепенил его Битабар. — Читай-ка, что там сказано.

Али взял газету, поднес к глазам и прочел по слогам:

«Левенштерн привел на шахту и лилипутов, и великанов степи».

Битабар не удержался и улыбнулся:

— Э-э, встретились... Лилипуты и великаны!

Шустрый и острый на язык Али усмехнулся и сказал:

— Лилипуты — это вы вместе с Ылгазом, а великан — я!

— Хоть ты, Али, и брат пророка, но улепетывай, а то шею намну!

Взяв газету, Битабар вернулся в юрту. Слеусин хлопотала у очага.

— Эй, жена, смотри-ка на своего мужа! — и протянул газету.

Слеусин вытерла пальцы о подол платья и осторожно взяла ее, словно драгоценность. Она внимательно и долго разглядывала снимок, потом зашептала:

— О, аллах, точно... он сам! Совсем как живой.

Битабар приосанился:

— Леуен мне приятель, вот он и постарался, — сказал Битабар, называя так сокращенно Левенштерна. — Велел, чтобы сделали совсем похожим.

— Верно, Биеке... Твой тамыр — большой человек. Как он сказал, так все и вышло.

Битабар невольно вспомнил свой приезд в шахтерский поселок. Левенштерн сам их встретил. Помог выбрать красивое место для юрты. Сам повел Битабара на шахту, показал ее, опустился вместе с ним под землю. Нора, вырытая людьми, оказалась глубокой и просторной. Там, под землей, по рельсам двигаются вагонетки, их тащат лошади. Битабар, увидев знакомых животных, несказанно обрадовался и стал упрашивать Левенштерна, чтобы тот поручил ему трудиться рядом с лошадьми. Но Левенштерн повел батыра дальше и показал, как шахтеры, орудуя кайлом, рубят уголь.

— Коногоном может быть и мальчишка, а вот чтобы добывать уголек, нужна в руках силенка. У тебя она есть! А коли сила есть, то и зарабатывать можно прилично.

— Карошо, тамыр, — согласился Битабар.

Левенштерн громко позвал:

— Николай, ты где?

— Здесь я, Иван Иванович!

Из темноты вынырнул и встал перед главным инженером плотный человек с густыми черными усами на продолговатом лице:

— Это десятник, — пояснил Левенштерн, — он твой начальник, батыр. Слушайся его.

— Карошо, тамыр, — покорно кивнул Битабар.

Под землей было темно и душно. Светили лишь керосиновые лампочки, которые шахтеры брали с собой. Желтые огоньки, как светлячки в степи летней ночью, мелькали впереди. Битабар невольно ощутил робость, но старался не подавать виду и бодрился. Однако искоса поглядывал на деревянные столбы, которые подпирали потолок. В одном месте он обратил внимание, что столб выпер наружу и надломился, не выдержав напора тяжести.

Десятник подвел Битабара к угольному пласту и взял в руки кайло.

— Смотри, как надо рубить!

И стал сноровисто откалывать куски угля. Потом протянул кайло Битабару:

— Попробуй!

Битабар взял кайло, которое было обыкновенной киркой, только с укороченной рукояткой. Повертел в руках. Ничего особенного, легче обычного топора. С одного боку на него смотрел Левенштерн, с другого — десятник. «Думают, что я не смогу, — почему-то решил Битабар, — приехал из степи и ничего не умею!» Он размахнулся и со всей силой, какая таилась в его плечах, ударил по угольному пласту. Послышался хруст, и у него в ладони остался лишь черенок... А само кайло по самую рукоять ушло в уголь, словно в мягкую землю.

— Силен, бродяга! — не удержался от восхищения десятник.

— Ему нужно кайло с железной рукояткой, — сказал с улыбкой Левенштерн, — простые, с деревянными ручками, не подойдут.

— Да, Иван Иванович, посадил, словно в сырую глину. — Николай тоже заулыбался. — И где вы только таких находите?

— В стены. Где же еще!

Битабар не понимал ни единого слова из их разговора, неловко переминался с ноги на ногу и, не зная, что ему делать со сломанной рукояткой, вертел ее в руке. Ему казалось, что Левенштерн и Николай смеются над его неловкостью и ругают за сломанный инструмент.

А на следующий день десятник вручил Битабару новое кайло. Оно было значительно тяжелее прежнего. Рукоятка у него оказалась железной. Битабар с удовольствием ощущал его весомость.

— Ну, как, хорош?

— Карош, карош! — ответил Битабар.

— Тогда давай, руби, — и десятник показал рукой на пласт угля.

Битабар встал на одно колено и, устроившись поудобнее, стал откалывать уголь большими кусками...

2

Кто-то бесцеремонно затормошил Битабара.

— Эй, выходи сюда!

Голос грубый, властный.

Битабар перестал орудовать кайлом. Он был вес в угле. Работая, он углубился в пласт, вырубив себе пещеру.

— Эй, выйдешь сам или тебя за ногу вытащить?

Битабар чертыхнулся. Кто так бесцеремонно разговаривает с ним? Неловко повернувшись, батыр ударился головой. Обозлившись, он попятился из своей пещеры.

— Сейчас сверну тебе шею, тогда будешь знать, как мешать мне работать!

— Еще посмотрим, кто кому свернет! — не унимался пахальный незнакомец.

Битабар рассердился не на шутку. «Придется разок помять ребра самодовольному болтуну», — решил он, выбираясь на четвереньках из пещеры.

— Ну, где ты, смельчак? — Битабар поднял свою лампу.

Перед ним высился массивной глыбой рослый рябой широкоскулый казах с редкими усами над верхней губой. Он нагло усмехался раскосыми глазами:

— Ну, здесь я!

И широкая ладонь рябого тяжело, словно удар лапы тигра, опустилась на плечо Битабара. От неожиданности Битабар пошатнулся, но удержался на ногах. «Собачий сын!» — мысленно ругнулся борец и встал перед рябым:

— Ты, видать, из тех, которые сами ищут себе нахлобучку!

И Битабар, схватив рябого за плечи, рванул его на себя. Тот покачнулся, но не упал. Устоял на ногах. «А он, собачий сын, и в самом деле какой-то крепкий, как гора!» — подумал Битабар, удивленно косясь на незнакомца. Еще никто, с тех пор как Битабар стал борцом, не мог устоять против его первого натиска. Соперник, словно подгнившее дерево, валился перед ним. Битабар, не давая опомниться, еще делал подножку и с треском прокидывал на спину... А этот рябой устоял!

Рябой громко расхохотался, и его голос прокатился по подземелью.

— Ты Битабар? Да? Я узнаю тебя по хватке!..

— Может быть, и он, — отозвался Битабар. — Говорят, что в низовьях Сарысу был борец по имени Ылгаз. А не ты ли тот Ылгаз.

— Может быть, и он, — отозвался рябой словами Битабара.

Два упряма, которые только что готовы были сцепиться, смотрели друг на друга при свете своих шахтерских ламп и вдруг порывисто обнялись.

— Ылгаз, оказывается, ты тоже здесь?
— Уже второй месяц... Я теперь старый шахтер.

— Приехали и мы...

— Слыхал. Мне сказал наш тамыр.

— А кто твой тамыр? Леуен, что ли?

— Да, он самый... Лебен... штерн, — Ылгаз уже почти научился произносить трудную фамилию главного инженера. — Он привез нас на шахту.

— Меня тоже уговорил он. Без него, может быть, не узнал бы, что такое шахта.

— Человек он хороший.

— Э-э, не спрашивай! Такого по всей степи не сыскать, — Ылгаз посмотрел на кайло. — Оно с железной рукояткой?

— А тебе тоже такое сделали?

— Да, с железной рукояткой. С деревянной кайло слабое, как игрушка. Им разве наработаешься?

— Верно, Ылгаз. А с железной рукояткой в руке легко рубать уголь.

— Рубать руби, да поглядывай вокруг, чтобы не погибнуть.

— Э-э, а отчего я погибну? — насторожился Битабар.

Ылгаз пояснил батыру, что дневная норма для каждого шахтера — вырубить пласт угля в восемьдесят сантиметров.

Но крушить уголь надо осторожно и через каждые полметра необходимо укреплять проход, ставить подпорки.

— А то всякое может случиться, — закончил Ылгаз. — Рухнет на тебя порода, обвалится потолок и похоронит заживо.

Битабар внимательно слушал добрые советы. Вспомнил, что и ему не раз говорили о том, что надо ставить подпорки, но он почему-то считал, что все эти бревна мешают ему развернуться по-настоящему. «Нарублю по-

больше, — думал раньше Битабар, — а потом можно и подпорки ставить».

Проходивший мимо десятник задержался возле них:

— Языки чешете? А что наработали?

— Смотри, нашандик, сколько нарубил!

Десятник, окинув наметанным глазом уголь, смерил глубину и, довольный, сказал:

— Молодец, Битабар! Три погонных метра. Это целых четыре нормы, — и показал на растопыренных пальцах. — Четыре нормы, понял?

— Четыре, нашандик, это карошо! — Битабар улыбнулся, и весело заблестели на его вымазанном угольной пылью лице зубы и белки глаз. — Подпорки ставить надо?

— Да, ставь скорее и рубай дальше, до конца смены еще есть время! — десятник повернулся к Ылгазу. — И ты тоже не топчись понапрасну, иди вкалывай. Если будешь шляться по забою, урежу выполненную норму, понял?

3

Заходящее солнце слепило глаза, когда Битабар вышел из шахты. На душе было легко и радостно. Труд, тяжелый и напряженный, приносил батыру удовлетворение. Здесь-то он наконец нашел то, к чему долго стремился — появилась возможность показать свою богатырскую силу, выносливость. И сейчас, выходя из шахты, он ощущал во всем теле приятную усталость победителя, словно ему пришлось подряд провести много трудных борцовских поединков. Битабар потянулся, расправляя плечи, и широкой грудью вдохнул свежий воздух:

— Хорошо дышать на земле!

Рядом возвышался террикон — гора, которая росла каждый день. Сюда сваливали вынутую породу, куски

темного камня, что находились рядом с угольным пластом. Породу вынимали и сваливали, она никому не нужна. Первые дни Битабар никак не мог отличить пласт угля от пустой породы и крушил все подряд. Но потом освоился, научился разбираться по одному виду, по блеску.

Битабар не спеша двинулся к своей юрте, что возвышалась на бугре в конце улицы.

— Эй, Биеке, не спеши! — услышал он за спиной голос коротышки Али.

— А, брат пророка Магомета, — Битабар остановился.

Али не сердчал за то, что его так именуют. Где-то в глубине души низкорослый степняк даже гордился своим именем, ибо знал, что в Коране много сказано добрых слов о сподвижнике и брате Магомета Али.

— Битабар, тебя вызывает Левенштерн.

— К своему тамыру всегда рад пойти, — ответил Битабар и направился к конторе.

В приемной он столкнулся с Ылгазом. Тот был, как и Битабар, весь черный от угольной пыли. Видно, и его пригласили к главному инженеру прямо после смены. Увидав Битабара, рябой великан шагнул навстречу:

— Тебя тоже вызвали?

— Да, вызвал тамыр Леуен, — ответил Битабар.

— И меня. Не знаешь, зачем?

— Нет, не знаю.

Открылась дверь, обитая черной клеенкой, из кабинета вышел главный инженер. Лицо суровое. И весь он — сдержанный, сосредоточенный, даже немного хмурый. «Вот какими оказываются начальники, когда находятся у себя», — подумал Битабар.

Левенштерн после приветствий сделал знак Ылгазу, чтобы тот немного подождал, а Битабара пригласил войти.

Комната, где сидел Левенштерн, оказалась просторной и, как заметил Битабар, в ней свободно могла бы разместиться самая большая юрта. Стоял длинный стол, а по бокам — стулья. На стене висел большой портрет Ленина. Ленина батыр сразу узнал. У него в юрте хранился маленький снимок вождя, и Битабар готов был спорить до хрипоты и доказывать, что Ленин истинный казах.

На портрете в кабинете Левенштерна Ленин стоял во весь рост, заложив одну руку в карман, а другую вытянув вперед. У Ленина были карие, слегка раскосые глаза и рыжая борода, как у большинства людей рода Арал-бая.

И Битабару он показался еще ближе, роднее. «Наш человек, — утвердительно думал батыр, — потому так и заботился о степняках-казахах».

— Зарплату получил? — спросил Левенштерн.

— Получил, тамыр. Спасибо!

— А пайки?

— Все получаем, тамыр.

— Паяк велел вам выписать побольше...

— Жена очень довольная, тамыр. Она расхваливает продавца. Когда, говорит, доходит мой черед, продавец весь сияет, как начищенное песком блюдо. Если людям взвешивает один раз, то ей взвешивает всего два раза.

— Я сказал, чтобы тебе дали побольше талонов и на мануфактуру.

— Спасибо, тамыр, — ответил Битабар, — вроде, и сыты и обуты. Слава аллаху, не бедствуем.

— Теперь надо работать получше, чтобы оправдать доверие.

— А как же не работать, тамыр? Надо работать.

Левенштерн пригласил сесть. Битабар не любил садиться на стул, но отказаться не посмел. Сидеть на таком шатком предмете ему неудобно.

Состояние проходило собрание шахтеров, — пере-
шел к кайлу Левенштерн, — ты был под землей, и тебя
не стали отрывать от работы.

Да?..

— Разговор был большой. У нас, у шахты, есть план,
где записано, что за один день надо дать столько-то
тонн угля, понимаешь? А добывать уголь, выполнять
план надо нам, шахтерам. Вот и решали, советовались
как сделать, чтобы скорее выполнить план.

— Так, так...

— На собрании шахтеры решили включиться в со-
циалистическое соревнование. Смена со сменой, бригада
с бригадой, один шахтер с другим...

— Поймай, тамыр. А что такое социалистическое со-
ревнование?

— Это как борьба. Кто кого победит, понимаешь, —
начал объяснять Левенштерн. — Только бороться будут
шахтеры под землей с помощью кайла. Кто больше на-
рубит угля, тот и победитель. Тому почет и пре-
мия.

— А, борьбу я люблю, тамыр! Меня называют Ба-
луан Битабаром, — сказал Битабар и протянул свою ши-
рокую, как лопата, ладонь. — Давай руку, тамыр! За-
писывай и меня на соревнование! Не буду же я отста-
вать от людей?!

— Ты говоришь не те слова, батыр. Почему тебе от-
ставать? Надо говорить о том, чтобы быть впереди дру-
гих людей.

— Конечно, конечно... Если бог даст, тамыр.

— Хорошо, запишем. Только вот с кем ты думаешь
соревноваться. Может быть, с коротышкой Али?

— Нет, нет! Не надо писать — быстро произнес Би-
табар. — Что люди скажут? Смеяться станут...

— А с кем же тогда? — спросил Левенштерн, давая
Битабару возможность самому выбрать себе достойного
конкурента.

— Э-э, тамыр. Есть такой человек на шахте. Он там сидит, — Битабар показал рукой на дверь. — Наверное, он подойдет.

— Что ж, хороший соперник, — обрадовался Левенштерн. — Я и сам так предполагал.

— Правильно думал, тамыр.

— Ваше соревнование будет напоминать казахскую борьбу. — Два знаменитых батыра будут состязаться в забое! — Левенштерн встал, прошелся по кабинету и остановился против сидящего Битабара. — Только смотри, не окажись побежденным!

— Э-э, хвала аллаху, пока еще не было у меня дурной славы.

— Победители соревнования получают награды. У нас нет одnogорбого верблюда, нет скакунов, но мы выдадим премии. Награждать будем торжественно, перед людьми.

— Карошо, тамыр! Готовь призы. Я не скажу: «Отдай их сейчас, пока еще не нарубил угля». Но запомни: до сегодняшнего дня от Битабара призы еще не уходили.

— Я все знаю, мне говорили. Но я все же решил напомнить, чтобы старался.

— Спасибо, тамыр.

— Если есть какие-либо просьбы, говори, не стесняйся, — сказал Левенштерн.

— Есть одно желание. Воды мало дают. Приходишь после смены — надо помыться, попить чаю...

— Да, вопрос о воде, это трудный вопрос. Подвозить ее не успевают. — У Левенштерна лицо стало озабоченным. — Придется выделить больше транспорта. Затем... скажу, чтобы моему тамыру Битабару Елбаеву наливали воды побольше, сколько попросит. А еще есть пожелания?

— Других пожеланий нет, тамыр, — Битабар с облегчением поднялся со стула.

Перед магазином толпилась очередь. Пожилой толстый продавец с головой, похожей на перевернутый котел, быстро отпускал товары: взвешивал, отмерял.

— Давай, давай сюда талоны! — В мясистых пальцах продавца мелькали ножницы, он лихо ими орудовал, не успеваешь уследить, как разрезал талоны, отхватывая нужные квадратики. — Так, полкило масла... Сахар. Мясо. Ну все, отходи! Не задерживай!

И так каждый день с утра до вечера. Очередь не убывает. Шахта растет, а магазин один. Кое-кто пытался спорить: талонов отрезал больше, а взвесил меньше!..

Слеусин не понимала, почему люди скандалят. Она очень довольна продавцом. Тот видит издали, когда Слеусин подходит к магазину. Пусть стоит очередь, хоть пятьдесят человек, он ни с чем не считается, оказывает ей уважение:

— Семья Битабара Елбаева! Подходи ближе, ближе, — и строго обращается к людям. — Говорю вам, отодвиньтесь! Говорю вам, дайте дорогу семье знаменитого шахтера!..

Привыкла к такому обращению Слеусин. Она уже не смущается, не краснеет, а рассекает толпу и под острыми завистливыми взглядами протягивает свои талоны.

— Получите мясо... Вот сахар... А муки надо?

Чаши весов колеблются. Одни товары сменяют другие. А длинная очередь молча наблюдает, следит за проворными руками продавца. Слеусин никогда не смотрит на весы, она и так знает, что ее не обманут, дадут всего, что надо.

— Что глазеее! — ворчит иногда продавец, когда люди из очереди начинают следить за тем, как он

торопливо взвешивает. — Трудитесь, как Битабар, и у вас все будет!

Из магазина женщины спешат, неся в руках сумки или корзины, а Слеусин выходит с мешком на спине.

Откуда же такая благодать? Она не ломает голову, не задумывается над этим. У нее талоны мужа и сына. Амантай сам напросился на работу, в школу его не взяли — учебный год давно начался, а шлаться без дела по поселку негоже. Он уговорил отца, а тот упросил своего тамыра Левенштерна, и рослый мальчишка, который уже выглядел, как молодой джигит, пошел на шахту коногоном. С лошадьми обращаться он умеет, а крепить вагонетки его обучили быстро. Мальчишке нравилась его работа в шахте. Он тоже, придя со смены, как взрослый, с гордостью сообщал о том, сколько тонн угля вывезли на вагонетках... За эти месяцы он как бы повзрослел, держался уверенно, старался во всем быть похожим на отца, даже ходить стал вразвалочку, тяжело ступая на землю. Заработков отца, который давал по три-четыре нормы за смену, да плюс еще и сына вполне хватало на зажиточную жизнь.

Но Слеусин считала благодетелем лишь одного толстого продавца с головой, похожей на перевернутый казан, она говорила ему слова благодарности и, довольная, с мешком, наполненным покупками, возвращалась домой.

5

— У нас гость. Приехал Мусатай, — шепотом сказала мужу Слеусин, когда тот, усталый, после дневной смены вернулся в свою юрту.

— Откуда он взялся? — удивился Битабар.

— Твой родственник, ты и спрашивай.

Битабар вошел в юрту. У очага, тепло закутавшись, сидел Мусатай. Это не узнать. Очень исхудал, побледнел. Да к тому же еще отпустил бороду. Битабар, забыв старые обиды, устремился к нему, широко раскинув руки:

Мусатай! Ты откуда!

Тот торопливо сделал знак рукой, как бы говоря: «Тише, не кричи!» — и сам шепотом спросил:

— Биеке, ты такой же или другой? Может, стал белсенди?

— А что такое «белсенди»?

— Ну — это которые все мутят народ, активисты.

— Я шахтер! — с гордостью произнес Битабар. — Не знаю, кто такие активисты.

— Вот и хорошо, Биеке... Оказывается, я не ошибся... Я пришел к тебе, как к брату. У нас одна кровь! И я слышал, что ты хорошо устроился на шахте, живешь зажиточно. Вот и решил прийти, надеясь, что приютитшь брата...

— Моя юрта всегда примет гостей! — Битабар уселся рядом. — Как в ауле? Все ли живы-здоровы?

— Э-э, что там осталось от аула, не спрашивай... Говорят, все разбредились... Давно там не был. У меня нет никаких новостей, Биеке.

— Ты что, едешь из других краев? — спросил Битабар, начиная подозревать, из каких именно мест возвратился родственник.

— Э-э, не спрашивай!

— Ладно, не буду... Сам потом расскажешь. Лежи себе, места всем хватит. Постель есть. Есть и паек.

Слеусин тем временем расстелила дастархан. Битабар, опережая жену, своими руками разломал на крупные куски буханку белого хлеба, стал доставать из мешка пригоршнями сахарный песок и сыпать его прямо на обеденную скатерть.

— Куда спешишь, не видишь пустой чашки? — рассердилась Слеусин. — Слава аллаху, в этом доме хватает посуды.

— Неважно, жена! Клади нам побольше масла, не жадничай. И подливай чаю, пока сорпа сварится.

Мусатай уплетал за обе щеки. Он, видимо, давно не наедался досыта. На ломти хлеба накладывал крупные куски масла и потом макал в сахарный песок, торопливо жевал, запивая чаем, чтобы не подавиться. Битабар смотрел на него с жалостью. Как там ни говори, а детство они провели вместе, в одном ауле. Были дни, когда Битабар стал знаменитым борцом, а Мусатай вел все его дела, правда, жульничал, подличал, вел нечестную игру... Но, аллах свидетель, как давно все это было! В памяти остались и добрые воспоминания, что на всех тоях, на всех празднествах они бывали вместе, никогда не расставались. Сердце степняка отходчивое, забывает недоброе, хранит только хорошее. Битабар искренне верил Мусатаю, помнил наказ умирающего аксакала Алим-бая. В те времена Битабар привык не задумываться над разными житейскими вопросами, предоставляя право решать Мусатаю. Сейчас иное время. Распрямились все завитушки длинной житейской дороги, сравнялись ухабы и ямы, мелкими показались и прошлые обиды и старый гнев. С высоты нового своего положения Битабар был готов простить Мусатаю прошлое и принять его в свою юрту. Как говорят в степи, товарищей находят, а родичей не выбирают.

— Ешь, ешь, — Битабар пододвинул к Мусатаю поднос с мелко нарезанным вареным мясом. — Когда живот полный, беседа становится приятной.

— Давно не ел настоящего мяса, сваренного по-нашему, — признался Мусатай.

Наевшись досыта, Мусатай вытер жирные ладони рук о голенища сапог и попросил постелить ему одеяла недалеко от огня, чтобы прогреть свои кости.

Два батыра, ставшие шахтерами, вели спор подземлей. Десятник тщательно проверял выработку каждого. За их соревнованием пристально следил весь поселок.

Возле конторы установили большой щит, который называли доской Почета. Около нее всегда толпились люди поселка. Битабар ни разу не подходил к этой доске, хотя много о ней слышал разных разговоров. Сегодня, выйдя из шахты, он завернул к конторе будто бы по делу.

Заметив коротышку Али, подозвал его:

— Что там интересного?

— На доске портреты тех, кто идет первым в соревнованиях. Вот, на самом верху, тебя поместили и Ылгаза, — и, помолчав, добавил: — а за вашими образами выставили и мое лицо.

Битабар повеселел.

— Ну, а кто же, сказано, лучше выполняет нормы?

— Хотя я и на третьем месте, но результат мой самый лучший!

Все кругом засмеялись.

— Посмотрите на батыра-коротышку! — Битабар шутя протянул к нему руки. — Иди-ка сюда, я покажу тебе первое место!

— Нет, нет, не надо! — Али ловко увернулся от рук богатыря. На первом месте Ылгаз, а ты второй.

— Брось! — сразу насупился Битабар.

— Нет, нет, не слушай его, — сказал высокий джигит, который стоял рядом. — Результаты за первые десять дней станут известны лишь послезавтра. Тогда и премии вручат победителям.

— Э-э, понятно, — ответил Битабар и, еще раз скользнув взглядом по своему портрету, не спеша зашагал домой.

Сегодня он потруился на славу. С самого начала, как только взял в руки кайло и нанес первый удар по угольному пласту, Битабар нашел нужный ритм и монотонно крушил черный камень. Подсобные рабочие едва успевали отгрести горы угля. По их глуховатым возгласам в начале смены, а потом по ругательным словам, потому что они устали, Битабар безошибочно определял, что нарубил много. Десятник тоже находился рядом, подзадоривал, однако и без его подхлестывающих слов Битабар, увлеченный трудом, крушил плотный угольный пласт...

Ощущая усталость во всем теле, Битабар нетерпеливо вышагивал по улице, наслаждаясь неярким зимним днем. Ему приятно было вдыхать холодный воздух, чувствовать лицом порывы ветра, который влетал в шахтерский поселок, кружил на улице снежную темную пыль, сдобренную угольной порошей, катил мелкие камешки. «Уже два месяца прошло после первого снега,— неторопливо думал батыр,— наступает время глубокой зимы». И впервые за свою жизнь он думал о зиме спокойно, без тревоги. В прошлые времена в такие зимние дни его постоянно мучили заботы о скоте, о топливе. А сейчас у него приятно и спокойно на душе. Недавно семья шахтера перебралась в каменный дом. Битабару дали двухкомнатную квартиру. Комнаты просторные, каждая, как добрая юрта. Угля в достатке — топи себе, не жалей! В комнатах каменного дома даже в самые холодные дни стоит летнее тепло, и жена не нарадуется на новую жизнь. И русская печка ей понравилась. Нет ни копоти, ни угара. Вари, жарь, сколько душе угодно, тем более, что продуктов много — и мяса, и муки, и крупы, и сахара, и масла, и всяких разных конфет да печенья... А если чего не хватит, то есть талоны, бери мешок и шагай в магазин.

Но в то же время вместе с приятным чувством в глубине души Битабара поселилась смутная, неосознанная

тревога. Его беспокоило положение Мусатая. Тот гостил уже больше месяца. Поправился, округлился. Сытая жизнь и безделье, казалось, лишь радовали его. Он целыми днями, как шутит Амантай, «добросовестно отлеживает дневную смену на мягких одеялах». То ли спит, то ли о чем-то думает. Битабар уже не раз пытался заговорить с родственником, предлагая тому пойти на шахту: «Если не возражаешь, я завтра поговорю с моим тамыром и он найдет тебе подходящую работу. Но Мусатай всякий раз отмахивался: «А куда нам спешить, Биеке?» Битабару ничего другого не оставалось, как менять тему разговора. В его сердце крепкими корнями держались обычаи степняков, и согласно тем неписанным законам, хозяин юрты обязан давать гостю все самое лучшее, самые лакомые куски пищи и не беспокоить разными намеками. Битабару по наивности казалось, что если Мусатай уйдет обиженным, он разнесет дурную молву по всей степи. А что может быть страшнее для степняка, чем дурная молва!.. «Э-э, пусть живет, места хватит, хватит и еды, — решил Битабар, стараясь заглушить смутную тревогу, — каждый человек отвечает сам за себя!»

Битабар переступил порог дома, снял теплую куртку.
— Жена, давай воды! Умываться буду.

Слеусин высунулась из кухни, и на ее лице появилось постное выражение:

— Ойбой, нет воды совсем...

— Разве не привозили?

— Привозили, но народу было много... Мне не хватило.

Битабар ругнулся, снял шапку.

— Ладно, подавай чай.

— Я же сказала, что воды нет,

— И на чай нет воды?

— Совсем нет! Ни на чай, ни на еду... Я ничего не варила еще.

Битабар, чертыхаясь, прошел в переднюю комнату, Хорошего настроения как не бывало. Мусатай, закутавшись в одеяла, лежал у стены на подушках. Он безразлично посмотрел на вошедшего и снова отвернулся, как бы торопясь досмотреть интересный сон.

Слеусин подбросила в печку угля, взяла ведро и отправилась к шахте, чтобы добыть хоть немного воды.

Битабар уселся на паласе, поджав под себя ноги. Присидел несколько минут в задумчивости, не зная, что предпринять — то ли ждать жену, то ли завалиться спать... Тут заворочался Мусатай:

— Биеке!

— Слушаю, Мусатай, — Битабар повернул голову в сторону родственника. — Ты что-то хотел сказать?

— Да, Биеке... Хотел сказать, — Мусатай высунулся из-под одеяла и приблизился к шахтеру. — Вот уже десять дней думаю, как быть...

— Э-э, раз начал, то говори... — Битабар не любил тянуть жвачку. Он был раздосадован тем, что не было воды и думал только о ней, потому и не придал особого значения настороженности Мусатая.

— Битабар, — снова начал тот таинственным шепотом.

— Ну!

— Послушай мои слова!

— Я слушаю тебя.

— У меня... у меня... — Голос Мусатая осекся, и, озираясь на закрытую дверь, он беззвучно выдохнул: — Понимаешь, у меня большой клад!

Битабар не вскрикнул, не оживился, как того ожидал Мусатай, а продолжал думать о чем-то своем.

— Очень большой клад, — повторил Мусатай, — хватит нам на всю жизнь...

«Плохо без воды», — думал Битабар и, не придавая особого значения словам Мусатая, произнес:

— Сейчас самый большой клад для нас — вода...

— Да послушай ты меня! На всю жизнь нашу хватит этого клада.

Но Битабар не стал слушать Мусатая. С улицы донеслись удары хлопушки и хриловатый голос водовоза:

— Эй! Вода! Пришла вода! Берите воду!..

Битабар вскочил и пулей вылетел на улицу. Неподалеку от дома остановилась грубо сколоченная подвода, а на ней длинная железная бочка. Со всех сторон к ней стремились жители поселка, гремя пустыми ведрами.

Быстро образовалась очередь.

— Сначала мне наливай! — кричала какая-то женщина визгливым голосом. — Мне!

Куда ты суешься, я первая! — отвечала ей другая женщина.

— Эй, не наливай тому мужику, он без очереди!

Битабар огляделся, почесал крупными пальцами подбородок. Возвращаться домой за ведрами уже поздно, ему может не хватить воды. Да и двух ведер, как ему казалось, было недостаточно.

Вдруг его взгляд остановился на паре лошадей, что стояли неподалеку, запряженные в повозку. Битабар, недолго думая, двинулся к повозке. Быстро снял с крайней лошади упряжку из крепкой сыромятной кожи. «Уведи коня — никто не обратит внимания!» — подумал Битабар и шагнул к подводе водовоза.

— Что за шум! А ну, расступись!

Люди невольно посторонились, пропуская громадного человека, который к тому же был без ведра. Битабар похлопал ладонью по железной бочке, как бы определяя по стуку количество содержимого, потом не спеша просунул под нее кожаные ремни и упряжки. Со всех сторон на него главели удивленные жители поселка. Что это он задумал?

— И-йе! Помогите мне, духи предков!

Битабар, повернувшись спиной, присел, слегка крикнул. Тяжелая железная бочка, наполненная водой, медленно оторвалась от подводы и очутилась на спине батыра. Битабар, не оглядываясь сделал один шаг, другой... В голове мелькнула мысль: «Только бы не подставил кто-нибудь подножки!» А женщины, мужчины, подростки, держа в руках пустые ведра, застыли на своих местах. Еще никогда никто из них подобного не видел. Многие стояли с открытыми ртами.

Битабар, подошел к своей двери, крикнул хрипло:
— Мусатай, выходи! Вода прибыла!

Мусатай, соскочив с подушек, вдруг стал злым и сердитым. Он набросился на Битабара:

— Зачем же ты так, а? Думаешь, тебе все простят? Накликаешь на себя беду!..

— Ладно, потом разберемся, кто из нас прав, кто виноват, — оборвал его речь шахтер. — Готовь посуду.

Мусатай стал выносить ведра, чайники... Через несколько минут вся утварь, в которую можно было налить воду: кастрюли, корыто, маслобой, тазы, котелки, пилалы, чашки, бурдюки — была наполнена.

— Кажется все, больше искуда, — сказал хмурый Мусатай.

— Надо подумать, — Битабар оглядел комнаты, ища пустой сосуд, вспомнил про свои и Мусатаевы сапоги, голенища которых были выше колен.

— Вынимай войлок из сапог!

— Э-э, зачем же?

— Вытаскивай, раз говорю! В четыре сапога почти четыре ведра воды войдет.

Мусатай принес сапоги, вынул из них войлочные подстилки.

— Вода в сапогах пахнуть будет, Биеке.

— Ничего! Пригодится для умывания.

Битабар, приподнимая почти опустевшую бочку, наполнил и сапоги.

Больше лить было некуда, а в бочке еще оставалась жидкость. Битабар постучал в дверь соседям:

— Выносите ведра, наполню!

Жена соседа притащила ведра, кастрюли... Разлив воду, Битабар вышел с пустой бочкой на дорогу. Люди по-прежнему толпились у повозки. Все смотрели в его сторону, как бы спрашивая: что же дальше?

— Эй, водовоз! — крикнул Битабар. — С завтрашнего дня будешь первым делом подъезжать к моему дому! Понятно? А не то я сам буду забирать бочку.

Опустив пустую тару на землю, он толкнул ее ногой, и она покатилась к подводе. Битабар стоял, скрестив руки на груди, и улыбался, довольный своей выходкой. Еще бы! Никто во всем поселке не сможет поднять такую тяжесть.

По улице, перегнувшись на одну сторону, спешно двигалась Слеусин. Ей удалось раздобыть почти полное ведро воды, и она спешила домой. Еще издали Слеусин увидела своего мужа, который толкнул железную бочку, и та, гремя, покатилась по дороге. А вездесущие подростки, перебивая друг друга, рассказали ей ошеломляющую новость: Битабар унес домой всю воду!

— Ойбой, хозяин нашего дома, что же ты наделал? — Слеусин, сгорая от стыда, стала щипать себе щеки, выговаривая мужу обидные слова.

— Какое твоё дело, жена! Лучше ставь скорее чайник на печку. Клади мясо в котел и побольше вари сорпы. Разве ты не знаешь, что твой муж и гость давно голодные?

7

На следующий день Битабар не вышел на работу, проспал. Поздно поели, поздно спать легли... Проснулся, открыл глаза — день давно наступил, зимнее солнце поднялось высоко. Батыр несколько минут таращил

глаза на окно, за замерзшими стеклами которого светило солнце. У Битабара заныло сердце: «Надо вскочить, одеться и бежать на шахту...» Но тут же представил, как криво усмехнется рябой Ылгаз, начнет ругаться десятиник... Нет уж, лучше не ходить совсем!..

— Эй, жена, вари мясо! Вчера как следует не наелся, живот пустой!

Снова расстелен дастархан, появились хлеб, сахар, масло, курт... Из кухни доносится ароматный запах и слышно, как в котле приятно побулькивает похлебка.

Мусатай сидел напротив и, отхлебывая чай, хмурился. Ему не нравилось, что Битабар не вышел на работу, он пытался втолковать Битабару, что еще и за вчерашнее его могут наказать.

— Э-э, брось! Пей чай, промывай живот для жирной сорпы, — весело ответил Битабар, наполняя пиалу густым чаем.

Вдруг за окном послышался стук колес, заржали кони. Кто-то подъехал к дому. Битабар усмехнулся:

— Научил водовоза, сам привез воду!

Мусатай вскочил с места, прижался носом к замерзшему оконному стеклу:

— Нет, не водовоз... Другой человек, важный!

Не успели они перемолвиться, как распахнулась дверь и в комнату вошел Левенштерн. Сняв шапку, весело проговорил:

— В доме чай сладен, а хозяин жаден!

— И-йе, тамыр!.. Проходи!.. Проходи!.. — Битабар торопливо и неуклюже вскочил на ноги, давая возможность гостю пройти на почетное место. — Да, чай наш сладкий, а хозяин хочет быть жадным, но у него не получается!

— Сиди, не прыгай, как ребенок, — одернула его жена, которой не понравилась суетливость мужа. — Гость и сам пройдет.

Мусатай растерянно отодвинулся, уступая место, весь как-то съежился, поник.

Левенштерн, не обращая внимания на родственника, словно того вовсе не было, уселся, поджав по-казахски ноги.

— Да, на дворе мороз дерет за нос, — он потер нос, щеки, хитро улыбнулся. — А ты вчера устроил цирковое представление, весь поселок сегодня лишь о тебе и говорит!

— Оказывается, уже и вам рассказали?

— А ты как думал? Посторонние наблюдатели написали во всех подробностях твой «подвиг».

— Озлился я, тамыр, — Битабар беспомощно развел руками. — Пришел со смены, а воды нет... Чаю нет, обеда нет... А я как верблюд, который прошел с вьюками через пустыню, голодный был!

— Водовоз пришел ко мне с жалобой на тебя.

— Так... тамыр. — Битабар положил руки на колени и напряженно ждал.

— А я выругал его и наказал. Да еще за неисполнение моего приказа привозить вовремя воду в шахтерские дома наложил на него штраф десять рублей. И пригрозил, что если такое еще раз повторится и будут жаловаться на нехватку воды, он будет освобожден от работы. Вот так, батыр.

— Ха... Хи... Хо-хо! — рассмеялся повеселевший сразу Битабар.

Но Левенштерн оборвал его смех, сурово посмотрев на шахтера:

— Мне доложили, что ты не вышел на работу. Приехал, вижу — правда. А за смену Ылгаз целую гору угля нарубил, — Левенштерн говорил тихо, не сводя своих сощуренных колких глаз с Битабара. — А какой скакун первым придет, завтрашний вечер нам покажет. Такие-то дела!.. Смотри, Битабар, как бы твои лопатки земли не коснулись.

— Вчера воды не было, тамыр... А когда появилась, когда чай вскипятили, когда обед сварили, ночь была, поздно спать лег, — стал оправдываться Битабар. — Вот так, тамыр... Но еще есть ночь впереди! Буду крушить уголь ночью, буду рубить еще день... Разве не смогу тогда выполнить нормы за этот день? У Битабара силы много, на много дней хватит!

— Верно, — сказал Левенштерн.

— Спасибо, тамыр.

Левенштерн еще посидел немного, отведал вареного мяса, выпил чаю и стал прощаться. Перед уходом он спросил Битабара, показывая на Мусатая:

— Кто этот человек?

--- Родня...

--- Работает он где-нибудь?

-- Гость ведь, — ответил Битабар.

-- Знаю гостей-казахов, гостят по месяцу. В степи люди говорят... сейчас вспомню!.. Так кажется: если гость одну ночь переночевал, то — кут, по-русски — хороший гость. А если дважды переночевал, то уже — жут: по-русски — разорение... Так ведь, а? А сколько ночей гость спит в этом доме? — в упор глядя на Мусатая, спросил Левенштерн.

— Совсем мало, тамыр, — вступился за Мусатая Битабар.

— Так, так, — вставила Слеусин и то ли наивно, то ли с умыслом продолжала: — Вчера уже ровно месяц сравнялся, как приехал.

Битабар сверкнул глазами на жену:

— Лучше бы чай горячий принесла, чем словами обжигать!

Левенштерн покачал головой:

— Целый месяц! Пришел бы сразу на шахту, сколько бы сам себе заработал и государству помог!

Мусатая, пугливо озираясь, пробормотал под нос:

— На шахту не гожусь... нет здоровья...

— Приходи, приходи, не стесняйся! — подбодрил его инженер. — Денег зарабатываешь, паек станешь получать, — и, помолчав, строго произнес. — Битабар уголь добывает, за то ему паек дается. Сын его Амантай еще несовершеннолетний, а тоже трудится. А ты, гость, уже месяц сосешь их труд. У нас таких дармоедами зовут. Понял?

Мусатай, согнувшись, почтительно прижал руки к груди:

— Понял...

Битабар, видя трудное положение Мусатай, встал на его защиту и, чтобы смягчить слова Левенштерна, вынужден был впервые в жизни говорить неправду:

— Это я, тамыр... я не разрешил гостю... пусть отдохнет. Успеет еще устроиться на шахте.

— А, вот в чем дело! — Левенштерн улыбнулся. — Ну, после отдыха пусть приходит ко мне.

Главный инженер попрощался.

В доме после его ухода воцарилась напряженная тишина. Мусатай время от времени тревожно постукивал пальцами по отполированной маленькой кубышке, в которой хранился насвай¹, и вздыхал. Битабар взял пиалу с холодным чаем, осушил ее и, почувствовав, что утолил жажду, перевернул пиалу вверх дном.

Мусатай снова вздохнул.

— Ай, Битабар, ай, испугался я давеча, видя твои проделки. Не померли бы несколько часов без воды. Зачем вытворять такое? До нашандика, видишь, дело дошло. В дом приехал... Что теперь будет?

Битабар растерянно развел руками.

— Кто бы мог подумать, что приедет тамыр? После смены устал я, чаю хотел. Разве не разозлишься, когда простой воды в доме нет?

В разговор вмешалась Слеусин.

¹ Насвай — табак.

— Раньше я недолюбливала этого твоего тамыра. Теперь вижу, что он хороший человек. Очень добрый человек.

Мусатай обиделся:

— Сношенька, как понимать это? Чаю выпитого жалко?

— Хорошего справедливо будет хорошим называть, кайнага¹.

— Хороший?! Да чем он хороший? Тем, что давно среди казахов живет и знает нас, как облупленных? Хитрый он, собака, вот что!

— Для нас он все равно хороший. Сколько добра нам сделал. В нашем Битабаре души не чает. К другим, может быть, не ходит, а к нам зашел. Спасибо ему за это.

Мусатай поднялся:

— Значит, келин прогоняет меня? Что ж, я уйду.

Битабар, видя, что дело принимает нежелательный оборот, закричал на жену.

— Эй, баба! Прикусила бы ты язык. Лучше позаботься, чтобы еда вовремя сварилась, я ведь сказал, что выхожу в почную смену!

Слеусин молчала. Мусатай продолжал собираться.

— Ой! В своем ли ты уме? Ну, куда ты пойдешь? — заволновался Битабар.

— Сноха гонит. К чему мне оставаться!

— Зачем вы так, кайнага! — расстроено проговорила Слеусин. — Я ведь не прогоняла вас.

Битабар ухватился за край чекменя Мусатая, потянул к себе.

— Никуда не уйдешь, Мусатай. Не изнашивается и заячья шкура за год. Разве я не стою заячьей шкуры? Стою ведь. Да и куда тебе идти? Во всякие времена родные нуждаются в поддержке. Кто поможет, если не

¹ К а й н а г а —старший брат мужа.

родственник... Мой дом — твой дом, живи, сколько угодно!

Нет, Битабар, не хочется мне, будучи в разладе со спохую, жить в твоём доме. Сказал уйду, и уйду...

— Хочешь, я прогоню твоего обидчика?

Слеусин прищурила глаза:

— За что же вы так, кайнага! Ели-пили приготовленное мною. Или я не угождала вам? Но если что лишнее сказала, так извините... Не уходите, кайнага, — сказала Слеусин уже мягче. — Вы сын большой юрты. Весь аул уважает вас. Мой муж побьет меня, если вы уйдёте. Оставайтесь...

Мусатай этого и хотел. Теперь, когда его положение в этом доме улучшилось, он мог тут жить сколько бы захотел. Для виду он немного поломался и как бы нехотя согласился пожить еще немного.

Слеусин принялась готовить еду, а Битабар стал собираться в почную смену.

8

Степняки, говорят, что хороший конь показывает свои достоинства в трудном состязании, на скачках. И Битабар, понимая, что финиш соревнования с Ылгазом близок, спешил наверстать упущенное. Под землей не видать, день стоит или ночь пришла. Скупое освещает забой шахтерская лампочка. А в руках у батыра кайло. Оно глубоко вонзалось в угольный пласт, словно он мягкий, как морская глина. Вогнав его, Битабар наваливался на рукоятку, слегка ее поворачивая, и крупные куски угля с треском отваливались...

— Апырай! — подбадривал себя Битабар.

И снова крушил. Откатчики, орудуя лопатами, отгребали уголь, грузили его в вагонетки. Иногда Битабар

откалывал крупные угольные глыбы, которые не возьмешь лопатой. Чертыхаясь, откатчики оставляли лопаты и вдвоем еле поднимали кусок, перебрасывали его в вагонетку...

— Вот леший, остервенел совсем в работе!.. — выругался один из них и вытер пот со лба. — Гонит без передышки! Откуда только силы берутся?

— Они, казахи, крепкие, особенно те, кто из дальних степей, — пояснил ему товарищ. — Там пьют вместо воды кобылье молоко, а оно, говорят, мужику силу дает.

— Загоняет нас... Хотя бы наша смена скорей кончалась!

— И я взмок, словно в парной побывал... Хотя мылом натрился.

А Битабар, не обращая внимания на сетования откатчиков, долбил и долбил черный камень. Затупится одно кайло — он берется за другое. А то спешно несут точить. Только гул стоит от его мощных ударов, треск от разламывающихся кусков угля, да слышен скрежет лопат... Жарко под землей, душно. Угольная пыль слепит глаза, забивает нос, оседает толстым слоем на губах...

Битабар останавливается на минутку, вытирает рукавом пот с лица — и снова при неярком свете керосиновой лампочки мелькает тяжелое кайло...

И не заметил он, как послышался сигнал, означавший конец смены, все бил кайлом в угольный пласт, пока его не стали тормозить откатчики:

— Эй, парень, кончай!

Битабар нехотя опустил кайло. «Что-то быстро смена кончилась, — подумал он, — только по-настоящему разогрелся!»

Пришел десятник, промерил вырубленный уголь. Улыбнулся, поднял большой палец:

— Хорошо!

Битабар поднялся наверх, вымыл руки, плеснул водой в лицо, промыл глаза, с жадностью осушил чайник чаю. Потом принялся за еду, принесенную женой. Чуть теплые куски вареного мяса ему казались необычайно вкусными. Он с наслаждением впивался зубами в баранину и торопливо жевал. Впереди — дневная смена, которая должна решить все, выявить победителя. . Надо набраться сил...

Битабар почему-то вспомнил, как Левенштерн объяснял ему, что каменный уголь когда-то давно-давно был деревьями, что здесь все цвело, жадно тянулось к солнцу... Только вот как оно все попало глубоко под землю, Битабар понять не мог. Трудно поверить, что пласты угля когда-то трепетали зеленой листвой от ветра... «Сын Амантай поймет, — думал Битабар, — он с новой осени станет ходить в школу, там узнает буквы, и ему понятны будут книги, написанные мудрецами. За обучение платить не надо, школа своя, шахтерская».

— Эй, Битабар! Не слышишь — сигнал дали!

Шахтеры, пришедшие на дневную смену, спешили к шахтному стволу, чтобы спуститься в забой.

— Сейчас!

И снова он в забое. Только что закончили ставить крепление. Пахнет хвойным деревом. Двое откатчиков, уже других, свежих, готовились грузить вагонетки.

Первую половину смены Битабар отработал почти легко, в запале. Уголь тек под ноги кусками, крупой, глыбами. Битабар все глубже и глубже вгрызался в пласт, орудуя кайлом. Помогая откатчикам, он ногой отталкивал парубленный уголь, который мешал ему разворачиваться. Но постепенно усталость начала давать о себе знать. Не так легко отламывались крупные глыбы камня, не так глубоко входило вдруг потяжелевшее кайло... Деревенела рука в предплечье, ломило в позвоночнике. Вымокла нижняя рубаха; неприятно прилипая

к телу, она сковывала движения... По лицу катил пот оставляя грязные следы. В ушах стоял непрерывный грохот от неистовых ударов кайлом, от треска разбитого камня... Душил кашель, угольная пыль драла горло... А в голове плыл туман, мозг сверлила только одна мысль — скорее бы все это кончилось...

Но он пересиливал себя.

Почему-то вспомнилось, как нелегко было первый раз поднимать верблюда.

— Апырай! — шевелил губами Битабар. — Помогите, духи предков!

Вспомнилось и то, как несколько месяцев назад, когда впервые самостоятельно стал рубить уголь, надним подшутили шахтеры. Заводилой был тогда коротышка Али. Он пробрался в забой, к Битабару, который яростно крушил пласт, и воскликнул: «Биеке, остановись!» Битабар опустил руку, перестал долбить уголь. «Слышишь?» Битабар прислушался, и его чуткое ухо уловило чуть слышное потрескивание где-то над головой... Битабар замер. Что это значит? А шустрый Али предостерегающе крикнул ему: «Сейчас обвалится потолок... Хватай бревно, клади себе на плечи и поднимай! Я бегаю за подмогой!» Битабар схватил крепежное бревно, придавил к потолку и уперся в него плечом... Треск все доносился, и молодому неопытному шахтеру виделись разные мрачные картины... Но вскоре Битабар увидел огоньки лампочек, услышал голоса приближающихся людей, облегченно вздохнул — идет подмога. «Держишь?» — издали спросил Али, и Битабар спешно отозвался: «Держу!» Каково же было удивление Битабара, когда по всему штреку разнесся раскатистый многоголосый хохот... Шахтеры набились в его забой, поднимали свои лампочки к самому лицу Битабара и хохотали! Потом сказали ему: «Брось! Не держи потолок, не обвалится!» Битабар нехотя опустил двухметровое крепежное бревно и, видя смеющиеся чумазные рожи,

понял, что над ним подшутили. Он озлился, хотел было раскидать всех шахтеров, но сдержался, понимая, что сам сглупил, поверив коротышке Али... Разве человек способен удержать такую махину земли и камней?..

Потом такие же шутки проделывали с другими новичками, и он вместе со всеми смеялся и кричал «держи!»

Битабар вытер лоб, чуть улыбнулся воспоминаниям... Хотелось пить, в горле першило. Рубаха совсем прилипла к телу, и он чувствовал, как по спине промеж лопаток струйкой стекает пот.

— Апырай! Приз будет мой!.. Помогите, духи предков!

Он не видел, как за его спиной столпились люди, как удивленно освещали вырубленную им в угольном пласту продолговатую пещеру, из которой взмокшие откатчики с трудом выбрасывали уголь... Десятник и бригадир переглядывались между собой, восхищенно причмокивали губами.

В забой пришел и Левенштерн. Главный инженер восхищенно смотрел на работу богатыря, затем распорядился, чтобы скорее ставили крепление.

Когда же наконец прозвучал долгожданный сигнал, извещающий об окончании смены, Битабар последний раз вогнал кайло и, навалившись всем телом, отколол здоровенную глыбу угля...

Ноги вдруг стали чужими, ватными, и он зашагал к шахтному стволу, мечтая о глотке воды и свежем воздухе.

Выбравшись из клетки, подошел к крану, подставил под холодную струю разгоряченное лицо и с жадностью, не замечая привкуса ржавчины, стал глотать желтоватую воду. А его тормошили за плечо, кричали товарищи:

— Не пей, подожди! В столовке чай готов со свежей заваркой!

Торжественное собрание проходило в клубе, где по воскресеньям показывали кино. Шахтеров усадили друг против друга, освободив середину зала, как на казахском тое.

Левенштерн, гладко выбритый, при галстукe, на груди алый бант, открыл собрание:

— Товарищи, сегодня у нас большое торжество, большой революционный той! Мы встретили трудовыми победами шестнадцатую годовщину Октябрьской революции. Мы перевыполнили план и сегодня докладываем, что задание правительства республики выполнили досрочно! Вот это и есть наш той, товарищи! А в честь героев труда, хотя скачек и не будет, но борьба состоится!

Шахтеры радостно захлопали в ладоши, заулыбались.

— От имени первой бригады выступит не знавший поражения Балуан Битабар, — Левенштерн вывел на середину круга смущенного Битабара.

— От имени второй бригады выходит тоже известный Балуан Ылгаз. — И рябого великана Левенштерн вывел на круг.

Битабар, приняв всерьез слова главного инженера, расстегнул пояс, начал снимать стеганый чекмень. Раз вывели на середину, отказываться он не привык. Но Левенштерн замахал руками, засмеялся:

— Нет, нет, не раздевайся! Наша борьба совсем иного рода... Она шла там, под землей.

Главный инженер встал между борцами, взял каждого за руку.

— Балуан Битабар выполнил свою норму на двести девяносто семь процентов. Да здравствует славный шахтер Битабар! Ура! — Он под радостные возгласы поднял руку победителя соревнования.

Балуан Ылгаз выполнил свою норму на двести семьдесят процентов. — Левенштерн поднял руку Ылгаза. — Ура, славному шахтеру Ылгазу!

Победителям соревнования вручали награды. Первую премию — пять метров зеленого плюша и новые блестящие резиновые калоши — поднесли Битабару. Вторую премию — пять метров синего сатина — поднесли Ылгазу.

Ылгаз равнодушно принял награду, сунул за пазуху и ушел на свое место. Он был раздосадован, что оказался вторым...

Потом стали вручать премии другим отличившимся шахтерам.

Люди хлопали в ладоши, восторженно приветствовали награжденных, которые, смущенно улыбаясь, уносили отрезы на платья, куски сатина, фланели, калоши, кастрюли...

Знакомый кабинет, знакомый длинный стол. На стене портрет Ленина с простертой вперед рукой. И снова спрашивает себя Битабар: «Что он говорит?» Битабару хочется знать. Все знать. В кабинете шумно. Иногда он слышит, как упоминают имя вождя. «Не отворачивай своего лица от человека доброй наружности» — говорят степняки. Лицо Ленина доброе, и в глазах теплота. «О чем же он говорит? Наверное, о хорошем говорит».

Рядом с Битабаром сидел за столом Галиев. Веселый и добродушный татарин. Горняки называют его «нашандик шахткома». Галиев, смеясь, напомнил Битабару, как тот не желал покидать юрту, переселяться в каменный дом.

— А как сейчас? — спросил Галиев. — Жена привыкла? Довольная?

— Новый дом — очень хорошая юрта, всегда тепло, — улыбнулся в ответ Битабар.

А над столом, уставленным едой и бутылками, гремел голос Левенштерна:

— Степняки говорят, что мясо на тое не такое вкусное, как сваренное в своем котле. У нас сегодня свой, шахтерский той. Кушайте, пейте, товарищи!

Галиев пододвинул тарелку с едою, еще не знакомой Битабару.

— Это баранья колбаса, а это телячья.

— Нет, спасибо, — ответил Битабар, отодвигая тарелку. Он оглядел стол. На столе много закусок и много бутылок: белые, синие, красные.

Галиев протянул Битабару наполненный стакан.

— Нет, этого я не пью.

— Так нельзя, тамыр, — сказал Левенштерн, подойдя к Битабару. — За сегодняшний той надо выпить. Тогда, в горах Иманака, ты пил с нами...

— Битабар должен выпить! — слышались голоса шахтеров, сидящих за праздничным столом.

Неожиданно рядом с Битабаром села незнакомая женщина. Она улыбнулась ему, потом заговорила, смешно мешая казахские слова с русскими:

— Мынау¹ вино. Виноград билед²? Мынау и есть виноградный сок. Битабар будет это пить. Даже в раю это пьют!

Ну что ж, раз люди просят, Битабар согласен. Он не упрямец.

Выпил один стакан.

Потом другой.

А потом почувствовал себя очень странно: все перед глазами закружилось, все поплыло веселым туманом. Предметы потеряли четкие очертания, раздвоились. Напротив рябой Ылгаз. Нет, не один Ылгаз, а два... Битабар зажмурился, чуть приоткрыл левый глаз — опять один Ылгаз... Но стоит открыть оба глаза, как рябой великан раздваивается. Битабар с беспокойством потер голову: «Может быть, с ума схожу?»

¹ Мынау — это.

² Билед — знает.

— Ты обманул! — услышал он голос Ылгаза, и увидел, как рябой великан протянул к нему две правые руки.

— Кого обманул? Сохрани меня бог! Я еще никого в жизни не обманывал.

— Ты меня обманул!

Битабар снова закрыл левый глаз. Один Ылгаз исчез, а у того, который остался, выражение лица злое, холодное.

— Ты украдкой ходил в ночную смену! И поэтому опередил меня! — кричал Ылгаз.

Сбоку послышался голос Али:

— Если Битабар и вышел в ночь, так это потому, что перед тем не работал.

Битабар понял наконец, в чем его упрекает рябой великан. Он в упор посмотрел на Ылгаза и с презрением сказал:

— Думал, что ты человек, а ты собака, оказывается. Не веришь моей победе? Не надо. А я так скажу: ты работай и днем и ночью, я же буду только полсмены. И все равно тебя обгоню! Первым буду!

— Не обгонишь! Не будешь первым!

— Буду первым, — уверенно ответил Битабар. — А если тебе завидно, то на, бери. — И Битабар вытащил из-за пазухи плотно свернутый зеленый плюш и калоши. — Бери, — он усмехнулся. — Если тебе завидно! Я сроду не прилеплял к себе премий. Вот сижу и думаю, кому бы подарить.

Ылгаз отодвинул вещи:

— Зачем они мне? Не возьму. Если я и возьму, то только с победой.

— Победой тебе не взять, бери так!

Ылгаз зло скривил губы. Битабар презрительно сощурился. Премия то перед Ылгазом, то перед Битабаром.

На глаза попался смеющийся Али.

Бери, друг, ты эту премию, — сказал Битабар. Али благодарно кивнул.

Если два льва спорят, справедливо, что добыча достается третьему.

Среди общего веселого смеха раздался голос Левенштерна:

— Мы не ограничиваем время работы в шахте. Не говорим — работай только днем или работай только ночью. Мы за хорошую работу! Будь то днем или ночью! Так что работайте, богатыри, добывайте уголек. Зарабатывайте славу.

Рядом с Битабаром опять та женщина. Волосы у нее русые, глаза синие. Она ласково сказала:

— Это колбаса телячья, а это баранья колбаса. Надо кушать.

Битабар показал жестом: «Не хочу есть. Битабар пьет, но не закусывает».

Заиграла музыка, и Битабар увидел женщину пляшущей. Ноги ее легко подпрыгивали, когда она шла впрысядку.

— Апырай! А руки-то какие огромные!

Женщина стояла близко-близко к нему. Над ним склонились синие глаза. А может быть, над ним склонилось небо? Белые облака плывут. Теплом веет. «Что делает эта кафир?»

Она сидела рядом. Она трогала каждый его палец и смеялась.

— Каждый палец как моя рука!

И снова в глазах синее небо. Оказывается, небо может смеяться, как и эта женщина...

У Битабара шла голова кругом. Он старался не смотреть на женщину с глазами цвета знойного неба. Потом он опять пил вино. Женщина тоже пила. Что-то она ему говорила, а он боялся смотреть в ее сторону. И все вокруг было удивительным, теплым и синим. Битабару было очень хорошо. Мимо плыли какие-то дома, изго-

родн. Позади осталась шахта. Кажется, он куда-то шел. Шел, опираясь на что-то горячее. Вдруг ему вспомнилась женщина. Танцует... считает пальцы... Неожиданно мелькнула мысль: «Неужели они такие же, как и казахские жены? Или...» Едва он это подумал, как его обдало невыносимым жаром. Как будто бы огненный обруч охватил тело. Все внутри закипело и понесло его каким-то мощным течением в неизведанную бездну...

10

Битабар проснулся от испуга. За окном светлело. Все вокруг было бсло, чисто. Белый потолок, белые стены, белая кровать. Рядом лежала женщина. Совсем не похожая на Слеусин. Русоволосая. Тело белое, нежное. Ноги ровные, как скалки. Она безмятежно спала, скрестив ноги, закинув одну руку за голову.

Битабар ужаснулся: «Как попал сюда? Почему рядом женщина?!»

Он вспомнил Амантая, подумал о своей Слеусин. Всю их долгую жизнь жена была с ним ласкова. Ни взглядом, ни словом не обидела его. И в нужде, и в богатстве была одинаково заботлива.

Битабару стало стыдно и досадно. Перед женой, перед сыном. Несмываемый грех это. Как загладить вину?

Часы пробили шесть.

Битабар не шелохнулся. Часы пробили семь. Женщина продолжала спать.

Битабар не выдержал, снова посмотрел на спящую.

«Апырай! Казахским женам никогда не сравниться с этой женщиной!» Вновь Битабара охватил огненный обруч. Он повернулся. Женщина проснулась и обвила его шею горячими руками.

Когда часы пробили восемь, Битабар встал.

- Пожалуй, пойду, — сказал он. — Ребенок дома, гость живет у нас.

Полусонная, усталая женщина кивала головой.

— Как тебя зовут? — спросил Битабар, одеваясь.

— Мария.

— А, Мария? Хорошее имя! Мария! Как я пришел сюда, Мария?

Женщина лукаво улыбнулась.

— Сен болмады, жур деди. Я пошла сосын. Сен болмады, есик аш деди. Мен ашты сосын!.. (Ты сказал «идем», я пошла, ты сказал «открывай дверь», я открыла).

Битабар, покачивая головой, громко смеялся.

— Мария, сен де шахтыда работаешь? (И ты на шахте работаешь?)

— Я в конторе. — Она показала рукой, что работает на счетах. — Выдаю вам пайки, выдаю деньги...

— А-а... А где дети? Где муж?..

— Детей нет. Муж умер. Потом в Караганду приехала...

— А-а...

За дверью в лицо ему дохнул свежий ветер.

11

Едва рассвело, Битабар торопливо шел на работу. В сером утреннем сумраке он спешно шагал на шахту, стремясь поскорее удалиться от дома Марии. Ему казалось, что из всех окон смотрят на него укоризненно и осуждающе.

На шахте Битабар встретил сына. Амантай, оказывается, пришел раньше отца. На лице парня можно было прочесть все то, что было у него на уме — волнение и тревогу за отца.

— Папа, ты где был?

— Э-э, сынок... Не спрашивай, — Битабар на ходу придумывал, что бы ответить и как бы оправдаться. — Ночью тамыр увел меня к себе... Я был пьян. Насильно увел прямо с тоя.

— А-а, ясно... Мама испугалась, плакала... И я испугался за тебя. И дядя Мусатай очень беспокоился.

— Чего за меня бояться? — Битабар погладил сына по голове своей шершавой ладонью. — У кого хватит сил меня повалить, а? Не беспокойся... Пошли на работу.

Спустившись в шахту, они расстались. Амантай, весело напевая, побежал по просторному штреку к вагонеткам, к лошадям. Битабар посмотрел ему вслед. Светлые мысли у сына, поверил каждому слову... Ребенок еще!.. Битабар грустно вздохнул. Стыдно ему, что сказал сыну неправду. А как сказать правду? Разве потом оправдаешься?

Медленно шел Битабар к своему забою. Во рту неприятная горечь, в теле — противная слабость, словно он уже отработал всю смену. А голова стала тяжелой, словно ее наполнили камнями.

Взял в руки кайло, повертел. Стукнул раз, другой... Руки как ватная, словно из нее вынули стальную опору. Битабар присел на корточках, оперся спиною, почувствовал приятную прохладу, исходившую от каменной стены. «Сейчас бы чашку кумыса, — мечтательно подумал он, облизывая языком пересохшие губы. — Или хотя бы айрана!»

Раза два в забой заглядывал десятник, Битабар не видел его. Наконец, Николай не выдержал, спросил:

— Что сегодня с тобой, Битабар?

— Э-э, нашандик... Вчера водку пил. Все болит сегодня...

Десятник хитро прищурил глаза, ухмыльнулся:

— Водку пил, болеешь. А потом что было? Куда ходил? — и покачал перед лицом Битабара пальцем. —

Николай все знает! Можешь и не говорить, не оправдываться!..

Десятник опустил рядом с шахтером, покровительственно похлопал Битабара по плечу, потом, подмигнув, показал корявый большой палец:

— Мария баба ядреная, как по-вашему?.. — Маржа жаксы! Во! И Битабар что надо! Во!..

Битабар потупил голову.

«Вот черт, уже разнюхал все! — подумал Битабар. — Все знает!»

А десятник, заметив смущение шахтера, не стал терзать его душу. С кем не бывает! Подумал, подумал и вслел:

— Ладно, топай-ка ты домой!.. Работник из тебя сегодня никудышный... Отоспись, а завтра выходи в первую смену.

— Спасибо, тамыр...

Битабар поднялся и нетвердой походкой, словно под ногами качалась земля, двинулся по штреку...

12

На улице холодный свежий воздух показался приятным, каждый вдох освежал, словно глоток прозрачной родниковой воды.

Добрался до дому, открыл дверь. Жена мрачная, как грозовая туча, стрельнула колючим взглядом:

— А, беспутный хозяин этого дома явился!..

Битабар стянул чапан, снял шапку. И только теперь обратил внимание, что в доме холодно. Пощупал печь — холодная, нетопленая.

Мусатай, завернувшись в одеяла, лежал на подушках у стены. Услышав голос, он высунулся, хмуро спросил:

— Где ты ходишь ночами, Битабар?

Битабар присел рядом. Он понимал, что теми доводами, которыми отвечал сыну, здесь не обойдешься. Да к тому же Мусатай терпеть не может любого упоминания о тамыре Левенштерне.

— Той вчера поздно кончился... А после меня увел... увел насильно Ылгаз, тот самый, который прибыл на шахту с низовья Сарысу...

Мусатай сразу повеселел:

— Разве Балуан Ылгаз здесь?

— Да, здесь... Он даже раньше нас приехал на шахту. Хорошо живет!

Битабар спасительно уцепился за благоприятную тему для разговора. Рассказывая о соревновании с Ылгазом, Битабар понемногу успокаивался.

— Жена, почему в доме холодно? Почему печь не топила?

— Нет угля, кончился. А хозяин этого дома здесь не ночует, и ему все равно, тепло в комнате или холодно...

— Апырай! — Битабар проворно встал. — Почему раньше не сказала? Давно бы привез... Сейчас привезу целую гору, топи только!

13

В конторе, едва Битабар вошел в приемную главного инженера, сразу встретился лицом к лицу с Левенштерном. Рядом с ним стоял Ылгаз.

— Как дела? — поинтересовался главный инженер, испытующе глядя на шахтера, как бы спрашивая: «Почему не на работе?»

— Плохо, тамыр... В доме холодно.

Левенштерн поднял брови:

— И тебе уголь нужен?

— Да, тамыр, надо бы...

— Вот и Ылгаз тоже просит угля,— Левенштерн повернулся к секретарше.— Вызовите ко мне бухгалтера.

Девушка, скользнув глазами по озабоченным лицам шахтеров, удалилась. Левенштерн пригласил обоих к себе в кабинет. Через несколько минут вошла Мария.

— Вы меня вызывали, Иван Иванович?

У Битабара сердце похолодело и опустилось куда-то вниз. Жар полыхнул в лицо, словно он приблизился к яркому костру: «О аллах, сохрани!.. Не дай покрыться позором!»

Левенштерн, посмотрев по очереди на шахтеров, улыбнулся чему-то своему. И Мария, кажется, догадывалась, что именно задумал главный инженер, и ее полные сочные губы растянулись в улыбке.

Битабар застыл в напряжении, лоб покрылся испариной, а во рту пересохло. «О аллах, эта кафир, эта неверная даже не стесняется, не опускает глаз как женщина,— с тревогой думал он.— Сейчас она вытворит что-нибудь!»

— Мария Александровна, у моих шахтеров перевелся уголь, как быть? — спросил Левенштерн, и в его голосе Битабар уловил скрытый подвох.

— Если кончился уголь, значит, надо выписать,— ответила она.

Смущенный Битабар не знал, как себя вести, куда деть свои крупные руки. Он сначала отвел глаза, чтобы не глядеть на Марию, однако не мог не глядеть на нее. Мария невольно притягивала его взгляд. Сейчас, при дневном свете, он имел возможность разглядеть ее. У Марии круглое розовощекое лицо, кожа гладкая, как у ребенка. Глаза, как вода, голубые. Волосы русые, светлые. И вся она кругленькая, крепко сбитая. Грудь высокая, тугая, ворот кофточки расстегнут и открывает шею... Битабар впервые в жизни видел такую женщину. Он смотрел на нее и не верил, что именно она вчерашней ночью покоилась на его руке...

— Идемте,— словно сквозь сон услышал Битабар голос Левенштерна.

Они пришли к месту выгрузки угля. Там высилась крупная, как лежащий верблюд, черная глыба. Она поблескивала в лучах зимнего солнца. В стороне толпились шахтеры, глазели. Им интересно, что будут делать с этой глыбой. Не зря же привел этих силачей главный инженер.

— Вот ваша работенка, кто-то из вас постарался.— Левенштерн показал на глыбу.— Тут на добрый месяц топить печь хватит!.. Кто из вас возьмет этот кусочек угля?

Битабар помялся, потом заговорил первым:

— Ылгаз моложе меня, пусть он берет.

— Э-э, нет, батыр! — Ылгаз даже отступил назад.— Дорогу всегда уступают старшим.

— По свою силу норовит показать молодежь...

Ылгаз обошел угольную глыбу, меряя ее прищуренным глазом. Пнул ногой — она не сдвинулась. Покачал головой.

— Нет, мне такого угля не надо.

Кто-то из шахтеров выкрикнул:

— Это Битабар вырубил! Пусть сам и забирает!

Битабар на мгновение оторопел. Неужели такую машину отколол он? Кажется, тогда, в смену, когда догонял Ылгаза. Битабар подошел к углю. Спину почувствовал, как на него смотрят со всех сторон. Да еще Мария рядом стоит и улыбается, уперев руки в бока.

— Эй, расступитесь! Дайте арбу подкатить,— нарочито весело выкрикнул Битабар, снимая свой ремень.— Если не подниму, то помогите, люди!

Битабар обвязал ремнем руки, присел у поблескивающей громадины.

— Помогите, духи предков!

Угольная глыба оторвалась от земли. Люди замерли вокруг. Битабар, красный от неимоверного напряжения,

со вздутыми, словно веревки, жилами на шее, шагнул к подводе и опустил глыбу... Подвода не выдержала и с треском развалилась.

— Так тебе и надо! — злорадствовал кто-то издалика, — Не будешь такими ломтями вырубать!

Битабар стоял, опустив крупные руки, тяжело хватая открытым ртом воздух. Он смотрел на свою поломанную телегу и не знал, как быть дальше.

— Не печалься, батыр! — Левенштерн похлопал ладонью по спине борца. — Уголь будет!

Главный инженер тут же распорядился, чтобы лучшим шахтерам сейчас же отвезли на подводе угля. Потом велел починить сломанную подводу и вернуть ее хозяину.

И еще Левенштерн сказал, что такие громадины больше рубить не стоит: их трудно грузить, да и вагоетки на них не рассчитаны...

— Хорошо, тамыр, — произнес виноватым голосом Битабар. — Я все понял.

14

Некоторое время Битабар ходил притихший, обеспокоенный. Но время шло, и когда душа снова обрела покой, Битабар стал вспоминать Марию.

Вечерами, когда тушили свет и укладывались спать, он долго лежал на спине и, закрыв глаза, пытался представить себе ту, с которой провел всего одну ночь. Вспоминал ласковый голос русской женщины, ее нежные руки, жаркие вздохи... И сам себе улыбался в темноте. Потом поворачивался к Слеусин, протягивал руку. Жена лежала неподвижно, закутанная в нижние одежды.

— Что это у тебя за тряпки? — произносил он. — Путаница одна... Сняла бы, что ли...

Слеусин, удивленная словами мужа, шевелила губами:

— Что с тобой случилось?

Битабар, не обращая внимания на ворчания жены, ощущивал ее костлявое жилистое тело.

— Э-э, одни мослы... Ровная, словно доска...

Слеусин вспыхивала и сердито отвечала:

— Ты что, только узнал меня? Что за напасть!..

Жена отодвигалась к стенке, куталась в одеяло.

Мерно тикали на стене часы.

Протяжно, с хрипотцой прокричал соседский петух. Его сильный гортанный голос четко выделялся на фоне петушиного хора. «Ночную смену отмечает,— подумал Битабар, поворачиваясь набок. — Еще только пол ночи прошло».

Вдруг кто-то резко и требовательно забарабанил в окно.

«Пикак гость далекий, — решил Битабар, — близкие днем приходят!» И громко спросил:

— Эй, кто там?

— Открывай! — послышался незнакомый властный голос.

И тут же распахнулась дверь, в комнату влетел холодный воздух, вошли незнакомцы, стуча сапогами. Семья Битабара по аульскому обычаю никогда не запирала двери, не делала крюков.

— Кто это в ночную тьму сон людей тревожит? — рассерженно спросил Битабар, нашаривая в темноте одежду.

Двое незнакомцев чиркнули спичками, вспыхнули неяркие язычки огня. И в этом свете Битабар увидел, что в дом вошли пятеро, все в военной форме. Испуг холодными мурашками пробежал у борца промеж лопаток: «Милиция!»

— Ойбой — взвизгнула сдавленным голосом Слеусин и, закрывшись одеялом, забилась в дальний угол.

— Кто здесь живет? — спрашивал все тот же голос, и теперь Битабар при свете лампы видел рослого милиционера.

— Я... я живу, нашандик...

— Как зовут? Как фамилия?

— Битабар... Битабар Елбаев, — Битабар почтительно ссутулился перед ним, опуская плечи. — Битабар не вор... Битабар не обманщик!..

— Еще кто есть?

— Э-э, жена есть... Сын Амантай...

— А еще? — требовательно и властно задавал вопросы старший.

— Го... гость... из аула...

Старший дал знак рукой. Двое остались у двери, а остальные вместе с хозяином вошли в соседнюю комнату. Мусатай, делая вид, что он спит, лежал под одеялом, накрывшись с головой. Вперед шагнул один милиционер с наганом в руке.

— Эй, вставай! — он потормошил его носком сапога. — Просыпайся!

Мусатай нехотя высунулся из-под одеяла. Битабар с удивлением увидел, что у родственника в лице нет и тени страха, словно он давно ждал такой встречи.

— Показывай документы! — потребовал милиционер.

Тем временем старший, вынув из кармана фотокарточку, подошел ближе к свету. Он посмотрел несколько раз на Мусатая и на фотокарточку, сличая их, потом произнес:

— Он самый!

К Мусатаю подскочил милиционер, обыскал, потом, тщательно осмотрев рубашу, куртку, брюки, разрешил ему одеваться.

В доме начался обыск. Все перевернули вверх дном. Опорожнили сундуки, вывалив все содержимое на пол, порезали кошмы, ощупали каждое одеяло, вспороли подушки.

Проснулся Амантай и ошалело таращил глаза на милиционеров, которые бесцеремонно хозяйничали в доме, а его силач-отец беспомощно взирал на них. Громко рыдала Слеусни.

— Признавайтесь, куда спрятали золото? — кричал старший на Битабара и Мусатая.

Битабар удивленно разводил большими руками, то-ропливо бормотал:

— Никакой золото Битабар не прячет... Паек есть... Зарплата есть... Битабар уголь рубит... Зачем Битабару золото, нашандик?

Мусатай, опустив голову, молчал.

— А ну, вставай!

Милиционер взял из-под Амантая мешок, который принес Мусатай. Битабар ни разу не подходил к нему, не интересовался, что там лежит.

Из мешка вытряхнули на пол клочья шерсти, тряпки, портянки, кусок кожи, скомканную рубашку... Что-то тяжелое глухо ударилось об пол.

— Здесь, кажется! — милиционер нагнулся, поднял плотный матерчатый сверток, затянутый тонким кожаным ремешком.

Старший вынул из кармана перочинный ножик, разрезал ремешок. Развернули материю — и при свете керосиновой лампы ярко блеснуло оранжевым пламенем золото...

У Битабара похолодело под сердцем. Он невольно вспомнил, как несколько недель назад Мусатай сдавленным шепотом говорил: «У меня большой клад... Хватит нам на всю жизнь!» А Битабар думал тогда о воде, которой не было в доме, и в тот момент с улицы донесся крик водовоза: «Вода пришла! Бери воду!»...

— Апырай! — выдохнул с горечью борец, смутно понимая и свое двусмысленное положение.

Милиционеры ушли, уведя с собой Мусатая и Битабара.

Амантай за эти дни как-то сразу повзрослел. Просыпался на рассвете, не дожидаясь, когда мать разбудит. Торопился на шахту. Взобравшись на коня, вез состав наполненных углем вагонеток вверх. Старательно работал. Научился бойко считать: «Вывез десять... Вывез двадцать вагонеток». Шахтеры спрашивали у него:

— Как там у отца дела?

— Придет,— неторопливо и уверенно отвечал Амантай, как взрослый.

— Когда вернется?

— Придет еще,— повторял парень, хотя сам ничего не знал, но все же твердо верил, что именно так и будет.

И мать свою утешал:

— Не плачь, апа... Не надо!.. Придет мой отец. Он же никого не обманул, ничего не воровал... Поэтому его скоро отпустят. Ты только не плачь... Если будешь много плакать, отца не отпустят.

— Ладно, не буду,— соглашалась Слеусин, понимая, что Амантай старается по-детски ее утешить, поддерживать.

Тяжело Битабару. Осунулся, похудел. Никогда раньше не видел таких бед, которые теперь выпали на его долю.

На кратких свиданиях не знал, как успокоить жену. Слеусин тянула к нему руки и рыдала. Битабар в ответ лишь глухо произносил:

— Э-э, жена, вытри слезы... Есть справедливость, есть закон... Не пугайся напрасно, меня еще выпустят!..

И следователю твердил, что не виноват... Откуда мог знать, что у Мусатая есть золото? Не видел, не слышал.

Не знал и того, что тот беглый... Разве у родственников спрашивают документы? Тот пришел к Битабару как к брату. Пришел тощий, голодный. А Битабар все-таки зарабатывает неплохо. Деньги есть, паек есть. Живет хорошо, в новом доме дали ему две комнаты. Разве мог он прогнать голодного родича, когда тот переступил его порог?

Но следователю его уверений, видимо, было недостаточно. И Битабара снова уводили и запирали дверь, окованную железом.

Тесная камера с одним окошком. Оно под самым потолком, схваченное толстыми решетками. Виден лишь маленький кусочек неба. И все... События жизни протекают за кирпичной стеной. Сюда не доносится ни единого звука. Глухая тишина... Она давит и томит.

Битабар смотрел на окошко. Ему тесно и душно в камере. Он никогда раньше не думал, как много значит для человека обыкновенное окно. Каждому дому нужно окно. Через него падает свет, из него видна улица, смотришь на прохожих, на проезжающих... Видишь голубое небо, синие горы на горизонте... Окна — глаза дома. Окна — глаза человека. А здесь всего один глаз, да и тот перечеркнут решеткой....

Рядом на нарах развалился курносый с прыщеватым лицом. Он тыкал острыми коленями в спину Битабара, словно хотел спихнуть.

— Э-э, таксыр, подвинься чуть-чуть, — произнес Битабар и добавил по-русски. — Мало-мало давай места!

— Чаво? — огрызнулся тот и толкнул сильнее. — Заткни хайло, а то схватишь.

Сам не такой уж крепкий, Битабару будет по плечо, а командует, будто нары принадлежат ему. Или убежден, что степняки народ робкий и простодушный?

Битабар не знал, что делать. Схватить его за шиворот и поднять, как когда-то в молодости прикончил матерого волка?.. Но Битабар не решился на такие дей-

ствия. Как бы потом хуже не было. Борсц отодвинулся на самый край нар. Кто-то крикнул с верхнего настила:

— Здоровый, а трусливый!.. При таком росте и силе должны быть. Закатил бы ему в лоб, и дело с концом!

Но Битабар отмалчивался. Зачем связываться? Дурной человек как брехливая собака. Лучше не трогать, меньше шуму будет...

— ...Э-э, таксыр... Простите! Простите!..

— Давай, чеши отсюда! — зарычал курносый, сталкивая Битабара.

Заключенный, тощий, как жердь, приподнялся на локтях и посоветовал, будто бы жалея Битабара:

— Ты лучше уйди. Он же зверь настоящий, ежели разозлится!..

Степняк тоже подумал: «Может, действительно лучше уйти с нар. Зачем связываться?» — а вслух сказал:

— Эй, таксыр, поднимите голову... Я возьму свой коржун...

— Чаво?

— Моя мешка...

— Какой такой мешок? Никакого твоего мешка нету!

— Зачем такие слова говоришь?.. — Битабар удивленно оглядел заключенных, ища сочувствия и поддержки. Неужели они не видят, что у курносого под головой лежит пестрый мешок? Вчера Слеусин принесла в нем передачу. Битабар протянул руку. — Вот моя мешка!

— Ты чего, очумел? Это мой!

— Э-э, таксыр!.. Как же так? Вчера жена принесла его мне... Там лежит хлеб, масло и курт. Не верите, таксыр? Откройте, посмотрите!..

Курносый не стал заглядывать в мешок. Чуть приподнявшись, он метнулся дикой кошкой вперед, и его

маленький жесткий кулак с размаху впечатался в лицо Битабара. У того из глаз посыпались искры. Двумя руками степняк закрыл лицо, торопливо отшатнулся. Он был чем-то похож на вынутую из воды крупную рыбу. Бессилен и жалок.

Тонкий заключенный, который еще недавно выражал сочувствие, теперь зло усмехался и подзадоривал курносого:

— Вдарь еще раз! Их учить надо, таких...

Курносый снова замахнулся, но Битабар испуганно попятился к стене.

— Не надо, господин!.. Не надо!..

У Битабара мелькнула мысль: «Схватить бы его за ногу да шмякнуть, вlepить в каменную стенку!» Но он тут же сдержал себя. Их много, а он один. Что будет делать, если все разом кинутся на него?

— Ну, чей мешок? — с издевкой спросил курносый.

— Ваш...

— То-то...

Битабар примостился на корточках у противоположной стены, опершись спиной о холодную цементную стену...

Утро надвигалось медленно, словно не желало приходить в камеру.

Битабар сжал голову ладонями. Он не знал за собой никакой вины, но чувствовал свою беззащитность и беспомощность перед законом. Кто его поймет? Кто ему поверит? И с тяжелым сердцем стал думать о сыне, о жене. Как они будут жить, если его осудят? Вдруг он вспомнил Марию. Явственно вспомнил, как она лежала рядом с ним... Битабар зажмурил глаза, словно Мария находилась перед ним и он не желал на нее смотреть. «Апырай! Нечистые поступки ведут за собой беду, — с горечью думал батыр. — Когда спотыкаешься на дороге жизни, то и упасть нетрудно... А упавший человек встает тяжело».

В эту ночь и Мария не могла уснуть. Вспомнилось детство, юность... Далеко осталась Россия. Как случилось, что Мария оказалась в этом пустынном краю, где ничего, кроме травы да угля, нет? Что ищет она здесь, о чем хлопочет? О богатстве, о счастье? Счастье... Мария вспомнила Битабара. Легкая улыбка тронула лицо. Битабар... Битик, или просто Балуан, как зовут его в народе. Как все перепутано на свете. Далекий заснеженный городок ее детства и знойная степь, где родился Битабар. А ведь так легко было разминуться здесь, в бескрайней степи, хозяином которой был неприкаянный кочевой народ казахи.

Удивительный народ казахи. Выносливый, терпеливо переносящий и зимнюю лютую стужу и обжигающий летний зной,— великий народ, простодушный народ. Он отважен и доверчив, наивен и чист. Это, конечно, образ Битабара: доверчив, могуч и чуточку наивен.

Мария вздохнула. Взбила горячую подушку, повернулась на спину, закинув руки за голову. Она лежала тихо, спать не хотелось. Вдруг ей пригрезилось, что она так же, как черноглазые казашки, живет в степи, среди этих громадных, как великаны, наивных и романтических людей. Одета она в длинное платье, на голове белый кимешек¹. Рядом с ней Битабар, а Мария жена казаха...

Причудится ведь такое! Она улыбнулась и снова повернулась в постели. За окном забрезжил рассвет. Встала раньше обычного, рано пришла на работу. С беспокойством ждала: когда же придет Левенштерн?

Секретаршу главного инженера — молоденькую девушку забросала просьбами:

¹ К и м е ш е к — женский головной убор.

— Как только приедет главный, сразу извести меня.

Минута в минуту, как и положено, явился на работу Левенштерн. Мария сейчас же пошла к нему в кабинет.

Главный инженер удивился ее раннему приходу, но виду не подал, а лишь мягко спросил:

— Мария Александровна, что случилось? У вас утомленный вид. Это не похоже на вас.

Мария улыбнулась:

— Слава богу, Иван Иванович, со мною все в порядке.

— В таком случае что же могло взволновать вас и заставило прийти ко мне так рано?

Мария как будто бы ждала этого вопроса. Она оглянулась, словно кто-то мог их подслушать, и пододвинула свой стул поближе.

Левенштерн чуть прикрыл глаза, мгновенно пришли на память события из недавнего прошлого: Караганда и эта голубоглазая русоволосая женщина, так резко отличающаяся от остальных. Когда они познакомились, он понял, что она не только красива, но и умна. Она вполне подходила на должность главного бухгалтера, и Левенштерн, не задумываясь, предпочел ее другим. Вскоре он убедился, что она к тому же очень деловита. Все это только усиливало внимание главного инженера к вновь поступившей. Он был благосклонен к ней, чаще других вызывал в кабинет и осторожно давал понять молодой женщине, что она нравится ему.

Что странного в том, что сорокалетний в расцвете сил мужчина увлекся молодой женщиной? Может быть, и ничего. Но Левенштерн был очень осторожен не только в жизни, но и в любви. Он никогда не шел прямо в атаку. Он умел обдумывать все загодя, чтобы потом действовать наверняка. Он терпеливо и не спеша готовил сети. Он был опытен, а потому уверен в себе. Тем более, что Мария не пугалась, шла ему навстречу, прямо в его ловушку, как ему казалось. Но скоро он понял, что

но ему в самом деле только казалось. Мария была странной женщиной. Она как бы не понимала, чем вызвано особое внимание Левенштерна. В любое мгновение их встречи она была серьезна, деловита и чуть насмешлива. Главному инженеру стало ясно, что ловушку он ставил на утку, а попался в нее ястреб, с которым ему просто не справиться. Придя к этому выводу, Иван Иванович вовремя прекратил свои домогательства.

И вот Мария здесь, сидит почти рядом. Наверное, и сейчас она пришла не для того, чтобы подать Ивану Ивановичу надежду. Но ему, как мужчине, стало все же приятно, что красивая женщина, за которой он когда-то ухаживал, села так близко и так доверительно. Он сидел с замкнутым, непроницаемым лицом. Мария смущенно молчала.

Левенштерн молча ждал.

— Помните, был такой шахтер Елбаев Битабар,— тихо начала Мария.— Недавно он попал в тюрьму.

Левенштерн испуганно спросил:

— Каким образом?

— Виною всему его гость, он виноват...

Левенштерн встал, заходил по кабинету. Вон с чем пришла к нему Мария. Наконец он сказал:

— Я ведь предчувствовал, что здесь что-то неладно. Слишком хозяин заботился о нем.

Мария не поняла:

— Вы о ком?

— Я о Битабаре.— Левенштерн чуть замялся, потом продолжал:— Не понимаю их. Почти месяц, как живет у него гость. Без забот, без хлопот. Делит паек Битабара и его сына. Я ему говорю, этому гостю,— спускайся в шахту, получай паек, а он слушать не хочет. Говорит, Битабар ему не разрешает, мол, пусть отдохнет. Какое легкомыслие! Хорошо, что Битабар получает лишний паек. А если бы не получал, как бы им пришлось выкручиваться?

— Битабар не получает лишнего пайка. Он его зарабатывает, заслуживает.

Левенштерн перебил Марию.

— Товарищ бухгалтер, не забывайте, что год-то у нас голодный. Даже работая в шахте, нелегко прокормить чужого.

Мария мягко сказала:

-- Казахи щедры, гостеприимны, так говорят все...

-- Гостеприимны,— насмешливо хмыкнул инженер.— Есть граница и мера даже гостеприимству, здесь что-то другое.— Он сел за стол и задумчиво постучал пальцами.

Вы что имеете в виду?

Вместе с гостем он сотворил что-то нехорошее...

Голос Марии звучал резко:

Если Битабар вор, то и я, и вы тоже воры. Тогда все люди воры!

Инженер растерялся. Он заметил, что женщина, принявшая ему, сердится, и чуть улыбнулся.

Что с вами, Мария Александровна? Почему вы так рассердились?

Есть отчего злиться, Иван Иванович. Скажем, вы вот, Иван Иванович Левенштерн. И вдруг к вам придут и скажут: нет, вы не Левенштерн, а Сергей Сергеевич Иванов, к тому же что-то сотворили. Разве вы не рассердились бы?

Вместо ответа инженер расхохотался. Засмеялась и Мария.

— И чего вы так стараетесь, кто он вам, этот Битабар?

— Мне он никто. Но мы должны спасти невинного человека, вот в чем дело. Подумайте сами, можем ли мы спокойно есть, спать, зная, что в тюрьме сидит один из лучших наших шахтеров?

-- Это в вашем понятии. А если нам скажут, как это вы могли в передовых шахтерах держать преступника?

— Никто не скажет, — наконец сказала Мария, не найдя другого ответа.

— Почему не скажут? Еще как скажут!

— Все увидят потом, что Битабар невиновен.

— Потом. А сегодня? Как нам быть в эти дни?

Вопрос прозвучал двусмысленно, но Мария снова сделала вид, что не поняла его.

— Вы что, Иван Иванович, своей тени боитесь? Ведь не таким вы были.

— Что же прикажете делать, Мария?

— Нужно идти и освободить его.

— Вы тоже пойдете?

— Я готова следовать за вами, Иван Иванович!

— А, ладно. Пойдем переговорим, выясним все точно.

На этом и закончился разговор инженера и главного буха.

18

Битабар и не подозревал, что у него в шахтерском поселке столько друзей. Он не знал, что каждый день к конторе шли целые делегации горняков и просили главного инженера, парторга, председателя шахткома заступиться за «чемпиона соревнования». Приходили Ылгаз, коротышка Али, хмурый десятник Николай и многие другие. Шахта бурлила, всюду только и говорили о том, что милиция арестовала беглого казаха, который уворовал слитки золота, и сожалели о несчастном шахтере Битабаре, который принял в свой дом родича, не зная, что тот беглый, что его разыскивают по всей степи...

— Засудят силача нашего, хотя он и не думал укрывать!

— Всем миром идти надо и доказывать, что человек хороший! Власть наша — советская!

Просить надо партийных, им доверие большое!
Пусть возьмут на поруки!

Рабочие — народ дружный. Они умеют постоять за себя, не дадут в обиду товарища.

19

С лязгом и звоном распахнулась дверь.

— Елбаев Битабар, на выход!

Битабар вышел. Заложил руки за спину. Он уже знал порядок.

— Иди вперед!

Битабар шагнул по коридору.

— Направо!

Сделал поворот.

— Налево!

Знакомая тесная комната. Тот же слегка скуластый с загорелым лицом следователь. Только черные волосы не растрепаны, гладко зачесаны. Воротник гимнастерки застегнут на все пуговицы. И сам он весь какой-то иной, хотя также непрерывно дымит папиросами.

— Ой, Битабар, что с твоим глазом?

Это голос Марии. И только теперь Битабар видит, что она здесь. Мария сидит рядом со следователем. Сердце степняка дрогнуло: «Откуда появилась здесь эта кафир? Что ей надо?»

— То его один заключенный кулаком погладил,— вставил слово караульный.

— Как же так? Кто же осмелился избивать такого силача? — удивленно и с нескрываемым сочувствием спросила Мария.

Караульный усмехнулся:

— Нашелся один. Такой великан, аж в два раза крупнее Битабара. Ростом вот такой,— и он выставил свой мизинец.

Все рассмеялись. Битабар неловко топтался на месте. Он только теперь заметил, что в кабинете присутствуют Левенштерн и Галнев. «Мой друг, мой тамыр.— Битабару как-то сразу стало легко.— Видно, он сразу пришел, как узнал про мою беду». Битабар кинулся к главному инженеру.

Левенштерн тоже пошел навстречу, улыбаясь, протягивая руки:

— Что случилось? Раньше мы знали силача Битабара, шахтера Битабара. А теперь чуть не стал преступником Битабар...

— Э-э, тамыр... Теперь все можно сказать!.. Разве мне верят...

— Рабочий класс Казахстана молодой еще, но уже сильный! — Председатель шахткома тоже вышел из-за стола, пожал руку. — Мы не дадим в обиду своего чемпиона!

— Это Мария Александровна, наш главный бухгалтер, — говорит Левенштерн, а Битабару кажется, что тот представляет ее специально. — Знаешь ее, тамыр?

— А, Марья... Марья карош... Марья карош женщин...

Мария весело засмеялась. От ее звонкого смеха в этой тесной комнате сразу как-то стало веселее, словно заглянуло в окно солнце.

— Мария Александровна действительно хорошая женщина, — Левенштерн изучающе смотрел на Битабара.

— Да, тамыр...

Битабар кивнул Левенштерну, а сам подумал: «Почему он ее так расхваливает?» И мельком взглянул на Марию. Та продолжала улыбаться. Она повернулась к следователю, и хмурое скуластое лицо того как будто бы засветилось изнутри. Следователь подмигнул Марии и тоже заулыбался. «Оказывается, и начальники в тюрьме могут смеяться? — удивился Битабар. — О, справедливый аллах!»

Следователь, не переставая улыбаться, обратился к Битабару:

— Мы освобождаем вас, гражданин Елбаев, отдаем на поруки. Понимаешь?.. Вот они, Иван Иванович, Мария Александровна и Мухтар Галиевич дают за вас поручение.

— Хорошо, нашандик... Рахмет.

— Не меня, их благодари,— следователь взглянул на часы.— Гражданин Елбаев, вы свободны!

— Спасибо, нашандик, рахмет, — Битабар приложил свою тяжелую ладонь к сердцу и поклонился.— Здесь еще мой родственник... Мусатай... нельзя его освободить?

Левенштерн и Галиев нахмурились. Следователь отрицательно покачал головой и строго сказал:

— Мусатай будет отвечать за свои дела. А вы, гражданин Елбаев, повторяю, свободны!

Что такое «будет отвечать» Битабар не понял. Он только подумал: «Сам освободился, а Мусатай остается... Что завтра скажу родным, аульчанам?» По суровому лицу следователя увидел, что спорить здесь не имеет смысла: «Начну требовать, он меня обратно засадит... Власти у него много, даже мой тамыр почтителен с ним...»

Открылась дверь. Битабар вышел на улицу. Зажмурился от яркой белизны. За эти дни выпало много снега, и шахтерский поселок стал нарядным. Как много простора! Как чист и свеж воздух! И небо над головой высокое и светлое!..

У тюремных ворот стояла машина. Та самая, которую в прошлом году поднимал Битабар, вытаскивая из трясины.

— Садись, друг, поедem,— пригласил Левенштерн. Битабар покачал головой:

— Не сердчай, тамыр, я пойду своими ногами, они соскучились ходить по земле.

Вдыхая полной грудью морозный воздух, Битабар шагал к поселку. Под подошвами похрустывал снег. Терриконы, кажется, стали еще выше... Шахта... Из труб идет дым, поднимаясь столбом в чистое небо... За шахтой расстилается степь, в загадочном зареве чуть виднеются холмы...

Он шел по улице, ставшей за эти дни родной и близкой, словно прожил здесь всю свою жизнь. За поворотом — его дом. Снег белой шапкой лег на крышу. Из трубы вился синеватый дымок..., Светились приветливо окна...

20

Несколько дней, проведенных Битабаром под стражей, заставили его по-новому посмотреть на обыденную жизнь, понять цену свободы. Никто не заставляет тебя подниматься, никто не гонит на работу. Все делаешь сам. И окно в доме широкое, много дает света.

На улице идешь в любую сторону, куда только захочется, домой возвращаешься после смены с приятной усталостью... Что же еще нужно человеку? Зачем ему золото, зачем деньги? Краденое богатство никогда не дает ощущения счастья. Все сокровища мира не стоят одного дня свободы.

Битабар, шагая по улице шахтерского поселка, отвечал на приветливые возгласы знакомых и не знакомых ему людей. Он как-то сразу перестал чувствовать себя чужаком. Все жители казались теперь ему близкими и дальними родственниками, как в родном ауле, только здесь их всех объединяла не кровная связь, а трудовая жизнь шахты.

Люди жили одной трудовой семьей. И Битабару приятно было чувствовать себя членом этой пестрой, но такой дружной рабочей семьи. Здесь каждого человека оценивали не по накопленному богатству, а по его трудо-

вым успехам. Битабару приятно было чувствовать себя центром внимания, словно вернулись дни его молодости, когда непобедимым борцом развезжал он по степи. Только слава его теперь была совсем иной, наполненная смыслом жизни. Он нашел свое место, утвердил себя.

Но его мучили и тревожные мысли. За эти дни Ылгаз намного обогнал Битабара, и придется крепко приналечь, чтобы догнать рябого великана. Тот наверняка уже нарубил целую гору угля. Надо было что-то предпринять. И Битабар впервые за всю свою жизнь начал ценить время, дорожить каждой рабочей минутой. Он стал раньше выходить из дому, спешил на шахту, чтобы там лучше подготовиться и поскорее спуститься под землю.

Однажды он привычно спешил на шахту. Вдруг его остановил женский голос:

— Битабар, погоди!

Битабар вздрогнул. Он узнал этот голос. Со стороны канцелярии к нему спешила Мария, раскинув руки, как будто собиралась обнять Битабара. Голубые глаза женщины были похожи на озера в жаркой степи.

— Битик! Как хорошо! Я знала, знала, что ты не виноват. Битик...

Губы ее раскрылись в приветливой улыбке. Слова манили, звали...

Битабар растерялся. Ему хотелось ответить на приветствие, но что-то остановило его. Он отвернулся.

Мария подошла ближе.

— Битик...

Битабар глядел в сторону. Но, глядя в сторону, он все же видел ее всю. Мысленно. Видел белую нежную шею Марии, видел ее грудь, тонкую талию, которую можно обхватить ладонями. Битабар знал эту женщину. Он помнил о ней все. Нет! Нет! Он не знает этой женщины! Ничего не знает! И не хочет знать! Загадочная, таинственная, она, как весенний поток бурной реки Са-

рысу, унесет с собой, собьет с ног. Она, как знойный ветер, обожжет и иссушит.

Битабар махнул рукой и пошел прочь.

Мария догнала его. Она заглянула в его глаза, но ничего не успела сказать.

— Марья, уходи. Битабар пошел к тебе... Потом попал в тюрьму... Путь Марьи плохой. Марья — некароший.

Мария не поняла этих слов и растерялась. Битабар больше не останавливался. Теперь в его собственной воле — остановиться или нет.

«Поймет или не поймет, ее дело,— думал Битабар шагая,— меня не касается. Марья некароший».

В шахте он встретился с Ылгазом. Тот работал старательно. Да, десять дней такой работы, и попробуй догони его. Увидев Битабара, он закричал:

— Ну, Балуан, теперь держись! Работай хоть днем, хоть ночью — меня тебе не догнать!

Битабар не стал возражать. Зачем возражать напрасно? Сначала надо добиться кое-чего, а потом уже и спорить. Он молча прошел мимо, мечтая о той минуте, когда очутится в забое, когда кайло окажется в его руках.

21

Битабар опаздывал на собрание. Пока поднялся из шахты, умылся, переоделся, другие, более шустрые, уже спешили к шахтерскому клубу. А Битабар не привык суесться, спешить, тем более после нелегкой работы. У него в ушах все еще гремят удары кайла по угольному пласту, щемит в глазах от соленого пота, усталое тело ноет, особенно предплечье и спина... Но все же то была приятная усталость, наполненная радостью победы. Еще бы! Он сегодня за одну смену выдал пять норм. Десятник хлопал его по одеревеневшему плечу и показывал растопыренную пятерню:

— Ну сегодня врезал!.. Пять норм!.. Понимаешь, пять!.. Это же рекорд!..

Что такое «рекорд» — Битабар не знал, но слова «пять норм» понимал превосходно. Он устало улыбнулся, смахивая пот со лба. Не зря старался, смена прошла удачно. А как сегодня работал Ылгаз? Сколько он выдал? Он вопросительно посмотрел на Николая, и тот, понимая, о чем думает шахтер, ничего не ответил, а только показал на пальцах: три с половиной.

«Через неделю догоню, если и дальше так буду работать,— думал Битабар, направляясь к клубу.— Обязательно догоню этого рыжего верзилу!»

Когда он открыл дверь в зал, собрание уже шло и с трибуны выступал главный инженер. Битабар, втянув голову в плечи, старался войти незамеченным и присесть где-нибудь на свободном месте. Глянув на президиум, заметил рядом с Галиевым нового человека Заманбека Батталханова. Слегка курносый, скуластый, светловолосый, одет по-городскому. Заманбек Батталханов вместе с Левенштерном вчера вечером был у Битабара.

— Тамыр, этот человек пришел, чтобы увидеть тебя,— сказал Левенштерн, представляя своего гостя.

Битабар уловил в голосе тамыра уважительные нотки и даже скрываемое внутреннее волнение, заключил, что незнакомец — большой человек, по чину выше Левенштерна. И не ошибся в своих предположениях. Незнакомец пожал корявую сильную руку Битабара и назвал себя Заманбеком Батталхановым, приехавшим из Алма-Аты.

— Давай знакомиться, батыр,— он говорил уверенно и уважительно, не отпуская из своих рук широкой тяжелой пятерни Битабара. — Давай знакомиться, знавший шахтер Караганды!

Битабар провел гостей во вторую комнату, усадил на почетное место, обложил подушками. На разостлан-

ном дастархане появилось много сахара, конфет, масла. Жена стала спешно варить мясо.

— Как живете на шахте? Не обижают Левенштерн? — допытывался приезжий, отхлебывая круто заваренный чай.

— Э-э, зачем такие слова говорить? Битабар ни на кого не жалуется! Пусть даже убьют его, он слова плохого не скажет.

Батталханов забеспокоился, остро взглянув в глаза батыра.

— Судя по таким словам, тебя, наверно, обижали, Биеке?

— А чем он может меня обидеть? У Битабара есть руки, есть ноги, есть и сила. Уголь Битабар рубает хорошо, пусть тамыр скажет.

Левенштерн смотрел на гостя из Алма-Аты, подтверждая слова Битабара.

— Он у нас первый чемпион.

— Вот так и живем,— Битабар подвинул тарелку с вареным мясом.— Битабар никого не обижает. И другие не должны обижать Битабара. Степь кругом большая, место для одной юрты всегда найдется. Битабар сам пришел на шахту, его не тянули на аркане.

— Я много слышал о тебе, батыр.— Батталханов взял кусок мяса.— Слышал еще много лет тому назад, как ты побеждал всех, теперь рад твоей победе на шахте. Поэтому хотел увидеть, посмотреть на тебя.

Битабару было приятно, что такой важный человек прибыл из главного казахского города Алма-Аты в далекую Караганду, чтобы познакомиться с ним. Он вспомнил, как в молодости прибывали люди из далеких аулов взглянуть на батыра, как незаметно они старались прикоснуться руками к его плечам, спине, чтобы ощутить мощь его железных мышц, как ему приходилось показывать «богатырскую игру», демонстрировать силу, поднимать верблюда...

Сейчас иное время, иная слава идет о Битабаре. Его портрет на самом видном месте доски Почета, о нем написано в газете.

— А некоторые все еще болтают, что из казахов не выйдут шахтеры, что их под землю ничем не заманишь.— Гость многозначительно взглянул на Левенштерна.— А вот он разве не настоящий шахтер?

Главный инженер хитро улыбнулся:

— В том, кажется, есть заслуга и Левенштерна.

— Конечно, есть!..

И вот сейчас, когда Битабар на цыпочках вошел в переполненный зал, Заманбек Батталханов порывисто встал, прерывая выступавшего Левенштерна, громко произнес:

— Товарищ Битабар Елбаев, пожалуйста, проходите сюда! Сюда, на сцену, в президиум. Здесь место знатному шахтеру!

Зал одобрительно зашумел, и Битабар, смущаясь и краснея, зашагал по узкому проходу к сцене. На ногах батыра казахские сапоги «саптама», сделанные местным сапожником из сыромятной кожи, с высокими и широкими голенищами. Войлочные чулки подбиты голубым бархатом. На плечах темно-зеленый чапан, подпоясан батыр широким ремнем с серебряными насечками.

В президиуме задвигали стульями, потеснились, освобождая место Битабару. Он поднялся по лесенке, шагнул к столу, покрытому красным ситцем. Заманбек протянул почтительно шахтеру обе руки, приветливо улыбнулся.

— Садись, садись, карагандинский батыр!

Битабар осторожно примостился на стуле, боясь как бы он не разломился под тяжестью тела. Потом успокоился, прислушался к словам Левенштерна, чья плавная речь лилась и лилась, словно речка по камешкам, приятно журча. Левенштерн говорил о достижениях

шахты, о перевыполнении планового задания, называл имена шахтеров.

Потом заговорил Заманбек Батталханов. В зале стало тихо, шахтеры внимательно слушали каждое слово начальника угольного треста. Битабар, подавшись вперед, не сводил глаз с Заманбека. Речь его была цветистой и яркой. Битабар понял самое главное, что раньше казахи только кочевали, пасли скот, немного обрабатывали землю. И сейчас они пасут скот и кочуют. Раньше у казахов не имелось своих рабочих, а сейчас они есть. В степных просторах много разного богатства лежит под землей, и взять его оттуда могут лишь рабочие руки. В казахских степях появился новый рабочий класс, и вся власть в руках рабочих.

— В ваших руках,— заговорил Заманбек,— в руках самого передового класса, рабочего класса!

Битабар положил на стол, покрытый красным ситцем, свои мозолистые ладони с въевшейся в них угольной пылью и в недоумении стал рассматривать: «Неужели в этих руках вся власть? А как же тогда нашандики, куда они денутся?»

— Рабочий класс — главная сила мирового пролетариата,— продолжал Заманбек,— так сказал наш вождь товарищ Ленин!

Битабар успокоился: раз сказал Ленин, значит, все правильно.

Вместе со всеми он горячо аплодировал, звучно хлопая в свои широкие ладони.

А Заманбек не собирался покидать трибуну. На сцену вынесли фанерный щит, на котором художники нарисовали план будущего города Караганды, центра казахского угольного бассейна. Заманбек Батталханов, двигая по плану длинной указкой, рассказывал, какой станет Караганда в ближайшем будущем, показывал, где вырастут новые жилые дома, где будут магазины, театр, кино, баня.

Баня заинтересовала Битабара. Он любил мыться, греть кости в сухой азиатской парилке, где топят под полом и нагревают камни, на которых можно расположиться и нежиться... Зал дружно аплодировал, и Битабар хлопал яростнее всех.

— Строительство нашей Караганды записано в государственный пятилетний план — план народа. Народ хочет лучше жить, народ принял решение выполнить пятилетку за четыре года. Для этого надо только трудиться от всей души, не жалея сил! Если мы будем больше давать стране угля, а металлургии дадут больше железа, а каменщики сделают больше кирпича, то наша Караганда станет красивым городом еще раньше. Все зависит от нас с вами, товарищи!

Заманбек сделал паузу, подождал, пока стихнет зал, и продолжал:

— Вот только что поступило сообщение, что в далеком шахтерском крае, который называется Донбасс, шахтер Алексей Стаханов за одну смену выдал семь норм и парубил отбойным молотком сто две тонны угля!

Битабар не знал, что такое отбойный молоток, он знал только кайло. Он потянул за рукав Галиева, и тот стал объяснять, какой из себя этот удивительный молоток, который сам, только нажимай, входит в угольный пласт, как нож в масло. «Волшебный какой-то молоток, — подумал с завистью Битабар. — Мне бы такой!»

— Алексей Стаханов применил новые методы труда, до конца использовал технику, — говорил Заманбек Батталханов. — У нас еще нет таких отбойных молотков, но они скоро появятся и на наших шахтах. Наши шахты получат в скором времени новое современное техническое оборудование. А люди, замечательные люди, у нас есть. Это гордость рабочего класса Казахстана. И я рад сегодня сообщить, товарищи, что наш Балуан Битабар,

знаменитый в прошлом борец, а сегодня знатный шахтер Битабар Елбаев тоже установил рекорд. Он выдал за свою смену пять норм!

Громко зааплодировали, и Битабар, смущаясь, поднялся со стула, неловко поклонился залу. Но аплодисменты не стихали. Галиев подтолкнул батыра в бок и показал на трибуну. Битабар понял — слово дается ему. Он засмущался еще больше: что он скажет такому важному собранию? Битабар привык выходить на круг для борьбы, смело глядя в лицо опасности, привык кайлом рубать уголь в своем забое, где он оставался один на один с черным камнем. А вот много и складно говорить он не привык. Грамоте с детства не был обучен, в состязаниях острословов не участвовал. А тут надо речь держать перед всей шахтой, сказать что-то умное, а то потом засмеют.

Битабар скользнул взглядом по рядам, увидел живые глаза коротышки Али, которому только попадись на язык...

— Давай выходи! — Галиев нетерпеливо подталкивал Битабара.

Битабар собрал все свое мужество и, тяжело ступая, шагнул к фанерной трибуне, словно к сопернику по борьбе. В зале сразу стало удивительно тихо.

— Мое слово будет такое, — начал он и, облизав пересохшие губы, продолжил громким голосом, — слово Битабара! Оказывается, если в почете шахта, то в почете и мы — шахтеры! А для этого мы должны работать. Так давайте, джигиты, покажем свою силу! Будем работать — рубить уголь!.. Много угля! Великий батыр Ленин дал нам власть. А мы дадим нашей власти много угля! — Он посмотрел, как улыбались и шумно били в ладоши шахтеры, приветствуя его, Битабара, и закончил: — Русский Балуан Алексей дал семь норм! Сегодня Битабар дал только пять.. Но Битабар тоже даст семь норм! Вот мое слово!..

Битабар выполнил свое обещание — выполнил за одну смену семь норм. Только не сразу, не на следующий день. Первые же попытки догнать неизвестного русского шахтерского богатыря кончались безуспешно. Более пяти норм за смену Битабар нарубить не мог. Он ходил хмурый и злой. Ни с кем не разговаривал, а дома, завалившись спать, часами лежал лицом к стене и думал. Как же так? Почему у русского получается, а у него не выходит семь норм?.. Неужели тот сильнее Битабара? Он принес домой вырезку из газеты, где был напечатан портрет Алексея Стаханова, и долго рассматривал улыбчивое, открытое лицо русского батыра. Ничего сверхъестественного в его облике не было, и силой особой не веяло. Простой, обычный человек. Только вот глаза выдавали в нем большую энергию, напористость: взгляды у Стаханова были обнажающе прямой, честный. «С таким приятно бороться, — думал Битабар, — наверно, и он в молодости занимался «богатырскими играми», много ездил по русским краям, боролся на русских тоях... Жаль, что с ним мне не пришлось встретиться. Великий батыр!»

В воскресенье к Битабару неожиданно пришел в гости десятник Николай. Он вошел в дом и, широко улыбаясь в усы, громко сказал:

— Принимай гостей, шахтер!

Николай уселся, поджав по-казахски ноги, и поставил на дастархан бутылку водки, которую вынул из кармана.

— Будем мозговать, шахтер!

Битабар отказался пить водку и велел сыну принести объемистый бурдюк с кумысом:

— От водки голова болит, плохо, плохо... А кумыс очень карошо, нашандик!

Николай не отказался от кумыса. Выпили, закусили, потом Слеусин подала бесбармак.

Мы решили тебе помочь,— начал Николай,— тебе одному не справиться с рекордом.

— Битабару помогай не надо! — нахмурился батыр, неприязненно оглядывая Николая. — Битабар будет рубить уголь сам!

— Не кипятись, ты не чайник,— Николай налил себе кумыса. — Я дело говорю.

И он передал Битабару, что бригада шахтеров хочет оказать ему помощь. Каждый думал, и вот сообщая пришли к мнению, что Битабар теряет много времени на подтаскивание и установку крепежных стоек.

— Понимаешь, Федька-рыжий принес газету, а там написано, что Стаханов сам не ставит крепежи, он только рубит уголек. Всю смену напропалую только рубает!

Битабар от удивления даже опустил руки с чашкой и пролил немного кумыса на брюки.

— Где газета? Покажи! — не поверил он словам десятника.

Николай вынул из кармана сложенную газету и медленно, четко выговаривая каждое слово, чтобы было понятно Битабару, стал читать статью, в которой описывался ударный труд Никиты Изотова.

— Э-э, это совсем не тот русский батыр,— сказал Битабар.

— Да, но он первым пошел на рекорд, а Стаханов за ним и обогнал своего учителя. Они соревновались, как вот ты с Ылгазом, понимаешь? Стаханов стал первым, понимаешь?

Теперь Битабару многое стало ясным. Он нашел резерв нужного времени, те драгоценные минуты, которых так не хватало ему в забое. Надо заранее подготовить крепежные стойки, подтащить их к забою, а еще лучше, если такую работу будет делать кто-то другой.

И, как бы читая мысли Битабара, десятник сообщил, что с завтрашнего дня к Битабару прикрепляется опытный крепильщик.

Битабар несколько мгновений смотрел на Николая, словно тот ему привел в подарок верблюда. Потом порывисто встал, схватил Николая в объятия, приподнял:

— Апырай!.. Какой ты есть кароший друг!

Битабар позвал Амантая и велел сыну сейчас же резать самого жирного барана, а потом звать всех членов бригады:

— Сегодня в моем доме будет той!

А через два дня, тщательно подготовившись, запасшись крепезным лесом, Битабар вышел на ударную смену и выдал, наконец, желанные семь норм.

Весть о победе разнеслась по шахте. О ней писали в местной газете, говорили по радио, и жена Битабара, утирая от радости концом платка слезы, слушала диктора и не замечала, как пригорает обед..

23

Кайло не отбойный молоток. Вырубленные Битабаром семь норм, конечно же, намного ниже были норм Алексея Стаханова, но карагандинцы гордились своим рекордсменом. Битабар и его друг и соперник по соревнованию Ылгаз участвовали в областной профсоюзной конференции, там их обоих избрали делегатами республиканского съезда.

Накануне отъезда в Алма-Ату Битабар спустился в шахту. Настроение у него было боевое, и он решил попытаться за смену дать больше, хоть немного больше семи норм, хоть восемь, чтобы ехать в столицу республики с победой.

Шахтеры и рабочие молодой Караганды, избранные делегатами на республиканский съезд профсоюзов, за-

благовременно прибыли на вокзал. Впрочем, это временное строение трудно назвать вокзалом — низкая бревенчатая избушка, на фасаде вывешен кумач со словами приветствия делегатам.

Поезд был уже подан, паровоз попыхивал дымком. Путь предстоял нелегкий, хотя по прямой до Алма-Аты не так и далеко. Однако еще не проложен железнодорожный путь, и ехать приходилось окружной дорогой через Акмолинск, Кокчетав, Кзылжар, Омск, Новосибирск, Семипалатинск...

Подкатил легкой автомобиль, и вышел Левенштерн. Лицо усталое, в глазах тревога. Он оглядел делегатов и сказал бесстрастным сухим голосом:

— Надо садиться... До отхода осталось пять минут.

— А как же Битабар? — слышались вопросы. — Почему опаздывает? Как же без него ехать?

— Садитесь в вагон, — повторил Левенштерн. — Надо ехать!

Ылгаз первым почуял беду в скупых словах Левенштерна, в его необычно бледном лице.

— Что с Биеке? Почему он не с нами?

— Он ехать не сможет, — Левенштерн обвел всех сухим грустным взглядом. — Произошло несчастье... Обвал... Мы его отправили в больницу... Не знаю, выживет или нет.

Раздался звон вокзального колокола.

Делегаты вслед за Левенштерном двинулись к вагону. Прозвучал гудок паровоза, и пассажирский поезд тронулся в дальний путь...

24

Битабар с трудом поднял тяжелые веки, открыл глаза. Необычная белизна поразила его. Все вокруг было снежно-белое: белый потолок, белые стены, белая пр...

стыня... Он закрыл глаза, пошевелил пальцами правой руки.

Вдруг до его слуха донеслись тихие всхлипывания и чей-то строгий голос:

— Нельзя, понимаете, нельзя к нему?..

— Я только одним глазком посмотрю, только одним глазком, дохтур!..

Битабар узнал голос жены. Слеусин здесь, это хорошо...

Он чуть улыбнулся. Снова открыл глаза, огляделся. Где он находится, в чьем доме? На чьей постели лежит?

— Где я... лежу? — Битабар напряг голос, казалось, что прокричал свой вопрос, а вышел чуть слышный шепот.

— В больнице,— вздохнув сказала жена.— Уже три дня...

— А-а, кароший больница...

Рядом с кроватью незнакомая женщина в белом наряде. Битабару показалось, что это пришла Мария. Он хотел закричать, прогнать ее от себя, но только тут заметил, что женщина другая, старая, у нее седые волосы. Она с ложечки что-то капает ему в рот и все время говорит:

— Пейте... Пейте... Это лекарство... Оно помогает вам.

— Пей, Биеке,— повторяет жена.— Пей, Биеке...

Битабар проглотил лекарство и спросил:

— Ты давно здесь?

— Да,— ответила Слеусин.— Сплю в коридоре.

— Как Амантай?

— Работает... Хорошо работает.

— А где наш тамыр?

— Говорят, что еще не вернулся из Алма-Аты.

— Да, да, понимаю... Он на съезде... А то бы пришел, конечно, пришел!..

Дни проходили один за другим... Кончалась зима, надвигалась весна. Она была еще далеко, но солнце уже растапливало сосульки над окном, и Битабар видел, как прозрачные капельки сбегали с остроконечных ледяных пальцев и падали вниз...

Битабар постепенно поправлялся. Железный организм борца выдержал и победил в борьбе со смертью. Переломы срастались, большое тело медленно наполнялось жизненной силой. Битабар уже чуть привставал, ворочался на кровати. Только его донимал кашель.

Здесь, в больнице, он понял, как его уважают шахтеры. К нему каждый день приходили многие люди, знакомые и незнакомые. Приносили еду, фрукты.

В палату ввалился рябой Ылгаз. Больничный халат, словно детская рубаша на взрослом джигите, еле-еле держался на его плечах. Ылгаз принес блюдо с горячей, дышащей ароматным паром вареной бараниной.

— Меня, понимаешь, тоже поставили в очередь,— с порога начал Ылгаз свои возмущенные слова.— Безобразие! К другу не попадешь, словно он начальник важный!..

Развязав платки, он поставил блюдо с мясом на тумбочку у изголовья батыра:

— На, поешь... Тут курдючное сало, самые вкусные кусочки мяса, почки... Я в детстве очень любил почки, они такие сладкие! Ешь, поправляйся!..

Битабар с удовольствием взял пальцами вкусное сочное мясо.

— Расскажи, как прошел съезд?

— Народу много, клуб большой... О тебе наши вспоминали. Заманбек говорил, в газетах тоже писали все

о тебе. Битабар, Битабар! Герой!.. Шахта наша в почете. Левенштерн деловой человек. Его хвалили.

— А где сейчас наш тамыр?

— Как где? На работе. Он вчера к нам приходил. Бодрый такой, все требует. Говорит, что цена шахтеру, который не оправдывает доверия партии, доверия Советской власти, не больше копейки...

У Битабара болезненно заныло под сердцем: «Почему он ко мне не пришел? Неужели ему легче было идти в тюрьму, чем в больницу?»

Чтобы избавиться от мучительного вопроса, перевел разговор на другую тему.

— А какой город Алма-Ата?

— Эй! Такой большой город, прямо как рай. Приехали мы, а там тепло, снега нет, бурана нет, совсем не чувствуется ветра... Люди ходят в легких чапанах, а мы приехали в сапогах с толстыми голенищами, в тяжелых овчинных тулупах, в малахаях... Скажу, батыр, что в забое я так не потел, как там... Люди на улице на нас смотрят, улыбаются, как будто бы мы из Сибири приехали...

Битабар повеселел, улыбнулся:

— И я тулуп тогда приготовил.

— А какие там яблоки, батыр! Мы таких не видали и не слышали. Пришли на базар, а там целые горы. Бери, выбирай!.. Горят, как тюльпаны, а сами крупные, как твои кулаки.

— Вкусные?

— Такие вкусные, что язык проглотишь!.. За один присест, понимаешь, можно целое ведро съесть. Но все равно не насытишься, только оскомину набьешь.

— Э-э, нет ничего лучше хрустящих на зубах казы и карта, сказал Битабар.

— Верно, что нет ничего вкуснее казы и карта. Что с ними сравнится?

Битабар и Ылгаз с удовольствием рассмеялись.

Недели проходили одна за другой...

Наступила весна. Битабар начал постепенно ходить, опираясь на костыли. Но радости было мало. Ноги не слушались его, были как чужие, и он с трудом передвигался по палате. У него часто першило в горле и душил кашель, от которого долго болело в груди. Руки и ноги крепили, тело обретало подвижность, однако боли в груди не проходили.

— Все от лекарств, они мне там портят все внутри,— ворчал Битабар.— Пьешь здесь всякую гадость... Хоть бы разрешили чашку кумыса.

Битабар подходил к окну и усаживался на табуретку.

Снег давно сошел. Видны камни, блестят на солнце лужицы, протянулись колеи от повозок... В грязи отпечатаны следы людей... Напротив больницы — дом, над крышей — шест со скворечником. Сидят два скворца. Битабар долго на них смотрел. Птицы о чем-то щебетали, взлетали, садились...

Битабар прислушался, приблизив ухо к стеклу. Ничего не слышно. Почему? Почему не слышно птичьих голосов?

Битабар так соскучился по птичьему пению...

Он ткнул в окно концом костыля. Стекло глухо звякнуло и рассыпалось мелкими осколками... В палату ворвался свежий ветер и звуки улицы.

Больные недовольно зашумели:

— Окно разбил! Окно!..

Прибежал доктор в белом халате:

— Что вы наделали, товарищ Елбаев?

— Надоело лежать в вашей больнице!... Надоело!.. Вот, сам могу ходить,— Битабар тяжело дышал.— Отпускайте домой!..

о тебе. Битабар, Битабар! Герой!.. Шахта наша в почете. Левенштерн деловой человек. Его хвалили,

— А где сейчас наш тамыр?

— Как где? На работе. Он вчера к нам приходил. Бодрый такой, все требует. Говорит, что цена шахтеру, который не оправдывает доверия партии, доверия Советской власти, не больше копейки...

У Битабара болезненно заняло под сердцем: «Почему он ко мне не пришел? Неужели ему легче было идти в тюрьму, чем в больницу?»

Чтобы избавиться от мучительного вопроса, перевел разговор на другую тему.

— А какой город Алма-Ата?

— Эй! Такой большой город, прямо как рай. Приехали мы, а там тепло, снега нет, бурана нет, совсем не чувствуется ветра... Люди ходят в легких чапанах, а мы приехали в сапогах с толстыми голенищами, в тяжелых овчинных тулупах, в малахаях... Скажу, батыр, что в забое я так не потел, как там... Люди на улице на нас смотрят, улыбаются, как будто бы мы из Сибири приехали...

Битабар повеселел, улыбнулся:

— И я тулуп тогда приготовил.

— А какие там яблоки, батыр! Мы таких не видали и не слышали. Пришли на базар, а там целые горы. Бери, выбирай!.. Горят, как тюльпаны, а сами крупные, как твои кулаки.

— Вкусные?

— Такие вкусные, что язык проглотишь!.. За один присест, понимаешь, можно целое ведро съесть. Но все равно не насытишься, только оскомину набьешь.

— Э-э, нет ничего лучше хрустящих на зубах казы и карта, сказал Битабар.

— Верно, что нет ничего вкуснее казы и карта. Что с ними сравнится?

Битабар и Ылгаз с удовольствием рассмеялись.

Недели проходили одна за другой...

Наступила весна. Битабар начал постепенно ходить, опираясь на костыли. Но радости было мало. Ноги не слушались его, были как чужие, и он с трудом передвигался по палате. У него часто першило в горле и душил кашель, от которого долго болело в груди. Руки и ноги крепили, тело обретало подвижность, однако боли в груди не проходили.

— Все от лекарств, они мне там портят все внутри,— ворчал Битабар.— Пьешь здесь всякую гадость... Хотя бы разрешили чашку кумыса.

Битабар подходил к окну и усаживался на табуретку.

Снег давно сошел. Видны камни, блестят на солнце лужицы, протянулись колеи от повозок... В грязи отпечатаны следы людей... Напротив больницы — дом, над крышей — шест со скворечником. Сидят два скворца. Битабар долго на них смотрел. Птицы о чем-то щебетали, взлетали, садились...

Битабар прислушался, приблизив ухо к стеклу. Ничего не слышно. Почему? Почему не слышно птичьих голосов?

Битабар так соскучился по птичьему пению...

Он ткнул в окно концом костыля. Стекло глухо звякнуло и рассыпалось мелкими осколками... В палату ворвался свежий ветер и звуки улицы.

Больные недовольно зашумели:

— Окно разбил! Окно!..

Прибежал доктор в белом халате:

— Что вы наделали, товарищ Елбаев?

— Надоело лежать в вашей больнице!... Надоело!.. Вот, сам могу ходить,— Битабар тяжело дышал.— Отпускайте домой!..

Через неделю его повели на медицинскую комиссию. Трое докторов и одна докторша внимательно осматривали его тело, выстукивали пальцами по ребрам, по спине, долго тыкали в грудь и спину черной трубкой и, приложив к ней ухо, выслушивали биение сердца и дыхание, заставляли дышать и не дышать, кашлять... Мучили долго, он слегка вспотел с непривычки.

— Все хорошо, дохтор... Битабар совсем здоровый, как паровоз!

Заключение медицинской комиссии прозвучало как приговор: «После перенесенных травм у Битабара Елбаева предрасположение к туберкулезу и потому ему категорически запрещается работать под землей...».

— Вам нужен чистый воздух,— пояснял седой длинноносый врач, смотря на Битабар снизу вверх,— нужна хорошая пища, свежее мясо, кумыс...

У Битабара пересохло во рту. Он неприязненно и зло смотрел на седого сморщенного доктора, который так безжалостно перечеркивал шахтерскую жизнь, шахтерскую славу батыра.

Битабар мог одной рукой схватить этого длинноносого очкастого человека, осмелившегося произнести такие тяжелые слова, и выкинуть в окно. Ему хотелось шагнуть к столу, схватить бумаги, в которых записывали что-то доктора, порвать их, бросить на пол, истоптать ногами...

Как же они осмелились говорить Битабару, что нельзя ему спускаться в шахту? Как он будет жить без шахты?!

— Апырай! — выдохнул Битабар, думая с болью и горечью, что маленькие люди не понимают сердца сокола.

Круто повернувшись, Битабар застучал костылями по полу, направляясь к выходу.

Дни проходили за днями. Битабара, наконец, выписали из больницы. Распрощался степняк и с костылями. Теперь его спутником стала палка. Он часто выходил из дому, усаживался на солнцепеке и сидел, прикрыв глаза...

К Битабару приходили шахтеры.

Расспрашивали о самочувствии, подбадривали, рассказывали о новостях.

Битабар постепенно входил в привычную колею жизни. Снова требовательно звучал его голос:

— Жена, вставай, ставь чай... Неси масло.

— Жена, наливай погуще, лучше...

Слеусин старалась угодить, она не возражала. Лишь ругала продавца.

— Э-э, жена, постой! Ты же еще недавно расхваливала его?

— Как ты заболел, он сразу изменился... Совсем маленький паек дает... Перестал правильно давать на талоны.

Битабар грустно усмехнулся. Он вспомнил давний разговор с Левенштерном, еще в первые дни приезда на шахту: «Зарплату получил?» — «Получил, тамыр». — «А пайки?» — «И пайки получаем...» — «Их я тебе побольше выписал». А сейчас, выходит, перестал выписывать. Потому и продавец в магазине стал меньше продуктов давать... Битабар решил сам пойти к Левенштерну.

Тяжело опираясь на палку, он с трудом добрался до конторы.

Поднялся на крыльцо, добрал до приемной.

Перед дверью кабинета, обитой клеенкой, за столом все та же молодая секретарша.

— Дочка, скажи, мол, пришел Битабар.

Девушка поднялась и скрылась за дверью. Она вернулась быстро:

— Иван Иванович примет вас. Подождите.

Битабар осторожно уселся на стул. На стене деловито тикали часы: «тик-тик... тик-тик...» Битабар долго смотрел на часы. И вдруг остро почувствовал свое одиночество. Все вокруг заняты делом. В соседней комнате склонились над столами, пишут, на шахте добывают уголь, а в степи пасут скот, сеют... Только он, Битабар, развлекается часами, слушает их мерное тиканье. Да сторожит дверь, которая не знает покоя. Люди входят, выходят...

А Битабар все сидит...

Никто его не гонит, никто не приглашает. Даже делают вид, что не замечают такого крупного человека. Проходят, не обращая внимания, как мимо вещи...

Секретарша иногда сочувственно улыбалась. Она добра, понимает затруднение Битабара.

— Иван Иванович очень занят... Может быть, он забыл о вас.— Она снова зашла в кабинет, вышла с приветливой улыбкой.— Проходите!

Битабар шагнул в кабинет. Увидел знакомый портрет вождя. Ленин протягивал к нему руку. Глядя на него, Битабар сделал несколько шагов и опустился на ближайший стул.

Левенштерн сидел далеко, отгороженный массивным письменным столом. Он, что-то писал, потом поднял голову:

— А-а, это ты... подходи, батыр, ближе...

В голосе равнодушие. Нет прежней теплоты. Говорит из вежливости и по должности.

— Для Битабара и это место хорошее. От долгого хождения нога болит.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Битабар не сдвинулся с места. Не поднялся навстречу и Левенштерн.

— Тебе назначили пенсию. Не слышал еще? Будешь получать деньги, талоны.

Битабар молча смотрел на Левенштерна, словно видел его впервые.

— Ни мой дед, ни мой отец не получали пенсии... И Битабару она не нужна! Совсем не нужна... а в степи найдется место для моей юрты.

Левенштерн ничего не возразил. Снова склонился над своими бумагами. Ни звука не произнес и Битабар. На стене в кабинете тоже висели часы. Они громко отсчитывали секунды. Ожидая ответа Левенштерна, Битабар слушал тиканье часов. Битабар повернул голову, и его взгляд остановился на портрете вождя.

Ленин смотрит прямо на Битабара.

Смотрит сочувственно и тепло, ободряя лучистым взглядом. Битабар как-то сразу почувствовал себя увереннее.

Левенштерн поднял голову, спросил:

— Слушаю... Какое дело у тебя?

— Э-э, есть один вопрос, тамыр.

— Говори.

— Битабар целых два месяца валялся в больнице. Ты так ни разу не навестил, тамыр.

— Много работы... Одна кампания за другой,— начал оправдываться Левенштерн.— Сверху все требуют добывать больше угля, угля... Если не дашь больше плана, грозят снять с работы...

Битабар слушал, понимал всю неискренность пустых оправданий.

— А что говорит Ленин, что стоит за твоей спиной?

— Ленин? — Левенштерн сначала удивленно расширил глаза, но тут же вспыхнул.— Он говорит: больше угля! Пусть каждая шахта выполнит свой план.

— Наверно, он еще говорит, что если передовой шахтер попал в больницу, не навещай его, не спрашивай о самочувствии?

Левенштерн растерянно заморгал, потом повернулся и стал снизу вверх рассматривать портрет.

— Э-э, тамыр! Если хочешь понять Ленина, подойди сюда. Из твоего кресла трудно увидеть лицо вождя.

Сказав это, Битабар встал и, опираясь на палку, зашагал к двери.

— Эй, батыр, стой!

— Нет, батыр больше здесь не станется.— Битабар с шумом захлопнул за собой дверь...

28

Битабар прошел через весь поселок. Позади остались шахта, дома... Вокруг, насколько мог охватить глаз, расстилалась степь.

Родная степь! Согретая солнцем и бесконечная, как сама жизнь... Смеющаяся, зеленая. Нежным ворсом пробивалась к солнцу молодая нежная трава. От земли шел пряный дух, запах пробуждающейся степи, первых цветов...

Битабар остановился. Ветерок прохладной ласковой ладонью провел по воспаленным щекам, по шее... Битабар с жадностью вдыхал воздух, пьянея от знакомых с детства запахов весны. Он лег на спину, раскинув руки и ноги. Небо над головой показалось бездонно синим, чистым...

Беззвучно в вышине кружил коршун, распластав свои крылья.

А еще выше черные точки составили живой треугольник. Он движется в сторону гор Иманак... Журавли! Такие далекие и такие родные... Битабар прислушался. Чуткое ухо степняка уловило еле слышный журавлиный клич:

— Тыр-рау! Тыр-рр-ау!..

У Битабара на глазах выступили слезы. Мир так хорош, так понятен... В груди стало жарко, и кровь толчками пошла по жилам, кинулась к лицу. Острая тоска по родной степи, по родному простору захлестнула сердце, затуманила...

Теплый день медленно угасал. Солнце, набрякшее и нежаркое, медленно опускалось к далекому краю степи...

Вдруг впереди промелькнули два силуэта. Большой и маленький. Битабар узнал их сразу — то шли Ылгаз и Али. Они шли прямо к нему.

— Эй, Битабар, это ты?.. Не намереваешься ли, как в молодости, охотиться за молодухами?

Ылгаз и Али громко захохотали.

Битабар привстал.

— Душа болит, словно у меня в груди змея поселилась.

Ылгаз и Али уселись рядом на траве.

— Хочу сказать вам одно слово, — начал неуверенно Битабар. — Как вы на это посмотрите...

— Говори, — произнес Али.

— Э-э, степняки! Разве наши предки зарывались и копали нутро земли? — Битабар показал на темный силуэт террикона. — Давайте возвращаться в родные края... И в степи жизнь идет хорошая, не только на шахте.

Слова Битабара были так неожиданны, что Ылгаз и Али примолкли. Не так просто ответить на такие слова.

— Говорят, что в родных краях дела поправляются... Сородичи объединились в колхозы, — продолжал Битабар.

Ылгаз смял в пальцах травинку, выкинул и глухо произнес:

— Нет, шахту я не брошу. Прирос к ней. Да и сын бесплатно в школе грамоте учится...

Жил в ауле, знаю. Что видел там? — Али говорил быстро, убежденно. — Нет, на шахте лучше!.. Разве сравнишь каменный дом с юртой?..

— Тогда наши пути расходятся... В шахту меня не пускают, а смотреть, как работают другие, не могу... Уйду в степь, — тихо и решительно произнес Битабар. — Прощайте, друзья!

Солнце красным шаром утонуло за краем земли. Быстро густели сумерки.

На потемневшем синем куполе неба вспыхнули звезды.

Их становилось все больше и больше. Стал отчетливее вырисовываться Млечный Путь.

Битабар смотрел на звездное небо, и ему вспомнилось старое поверье, услышанное еще в далеком детстве.

Млечный Путь — это птичья дорога. По ней птицы улетают в далекие края и весной, как только проснется степь, по ней же они возвращаются. И никогда не ошибаются, потому что звезды им указывают путь. Путь домой, в родную степь...

ЭПИЛОГ

1

Недавно с группой писателей мне пришлось побывать в Караганде. Это большой красивый промышленный город. Прямые улицы, покрытые асфальтом, многоэтажные дома, трамваи, троллейбусы, автобусы... Много магазинов, кинотеатров, рабочих клубов... В театре шла новая пьеса местного драматурга... Над городом, словно гигантские пирамиды, возвышались терриконы, и на некоторых из них ярко светились рубиновые звезды. Нам объяснили, что звезды горят над шахтами, которые перевыполняют задания.

Были мы и на шахте. Это мощное промышленное предприятие, оборудованное самыми новейшими механизмами. Спускались под землю, смотрели на работу шахтеров. По штреку, похожему на метро, двигались вагонетки, целый состав. Мы посторонились, пропуская вагонетки. Они двигались сами, с помощью электрического тока. Мощные насосы гнали свежий воздух. В забое работали угольные комбайны, и шахтер, молодой джигит, управлял сложной машиной... Уголь катился по транспортеру и сыпался прямо в вагонетки...

— Как фамилия шахтера? — поинтересовались мы.

— Джубан Ылгазов, — ответил начальник шахты, сопровождающий нас.

— Сын Балуан Ылгаса?

— Нет, внук. Он недавно пришел к нам на шахту.

— Долго ли надо учиться, чтобы управлять таким комбайном?

— Джубан окончил горный институт.

Потом мы поднялись наверх, выступали на читательской конференции, отвечали на многочисленные вопросы, а на следующий день посетили городской музей.

Нас встретил старый, опрятно одетый лысый человек с живыми глазами. Он называл себя Иваном Ивановичем, старожилом Караганды, персональным пенсионером.

Иван Иванович повел нас в просторный зал, где все стены увешаны старыми планами, выцветшими лозунгами, где под стеклом хранятся пожелтевшие страницы газет, блеклые любительские фотографии.

— Караганда начиналась так: посмотрите на эти снимки, — Иван Иванович показал на стенд.

Мы увидели землянки, низкие домики... Тут же пасутся коровы, овцы. По будущему проспекту важно вышагивает верблюд, таща по грязи телегу...

— Работали вручную, добывали уголек обычным дедовским способом, с помощью немудреного инструмента. — Иван Иванович показал кайло.

Старое, зазубренное кайло с железной рукояткой лежало на красном бархате, как дорогая вещь. Оно напоминало о тех далеких временах, о первых трудовых победах. И Иван Иванович подвел писателей к пожелтевшим портретам.

— Это герои наших первых пятилеток... Вот знатный горняк Ылгаз... Его внук управляет угольным комбайном... Это Али... А вот весьма колоритная личность,

борец Битабар, первый чемпион Караганды по добыче угля... Наш рекордсмен. О нем до сих пор рассказывают легенды...

— А где он сейчас?

— Не знаю... Прошло много лет с тех пор. Может быть, жив, может быть, и нет... Он был завален в заброс, его еле откопали. Долго лежал в больнице... Медкомиссия в шахту его больше не пустила. Он бушевал, просился в забой, требовал... Потом уехал в степь, и с тех пор нет о нем никаких вестей.

Судьба Битабара меня заинтересовала.

Удалось узнать, что Битабар из рода Арал-бая, который кочевал в предгорьях Иманак в долине реки Сарысу.

2

Горы Иманак — невысокие горы.

В зеленой долине расположилось село — более сотни добротных домов, большой механизированный скотный двор, здание правления совхоза, просторный клуб, магазин, поликлиника, школа... Вокруг села — обработанные поля.

Директор совхоза человек пожилой, степенный, на груди у него орденские планки и рядом с боевыми наградами ордена за мирный труд.

Он радушно меня встретил, начал рассказывать о богатствах совхоза, о людях...

Я долго слушал его не перебивая, обдумывая свой главный вопрос: как узнать о судьбе Битабара?

Наконец спросил.

— Балуан Битабар? — переспросил директор совхоза, и на его обветренном мужественном лице появилось довольное выражение. — Обязательно напишите о нем, о нашем аксакале. Он знатный животновод.. Недавно ему вручили орден Ленина.

— Его можно видеть?

— Конечно, можно! Завтра поедem к нему.

— А он разве не здесь живет?

— Дом у него есть, хороший дом. Но аксакал каждое лето перебирается на джайляу. Стадо у нас большое, молодые пастухи учатся у аксакала многому... Он знает, где сочная трава, когда и куда надо гнать скот, где есть вода.

У меня зародилось сомнение: а тот ли это Битабар, которого я разыскиваю? Может быть, совсем другой человек живет с именем героя первых пятилеток? Но вслух не стал высказывать своих мыслей.

Директор совхоза уже отдавал распоряжения на завтрашний день.

На рассвете, когда солнце золотистым шаром едва выкатило над степью, совхозный «газик» вез нас на джайляу.

Вокруг, сколько мог охватить человеческий глаз, простиралась необъятная степь. Зеленая, в ярких полевых цветах.

Свежий воздух невольно пьянил. А высоко в небе, чистом и бездонном, летели лебеди. Вытянув шеи, они плавно взмахивали своими сильными крыльями. Время от времени лебеди перекликались, и на землю долетали их голоса, протяжные и гортанные, чем-то похожие на далекое пение труб...

— Аксакал Битабар сильно переживал смерть сына, долго не верил похоронке, которая пришла из воинской части,— рассказывал по дороге директор совхоза.

— А как звали сына?

— Амантаем звали... Он был призван в армию в первый год войны. Воевал под Москвой, орден получил. А потом, в сорок третьем, погиб на Украине, когда наши войска подошли к Донбассу. Наш полк по соседству находился, тяжелые там бои были тогда. — Директор замолчал, мысленно переносясь в то время.

А я, услышав, что имя сына Амантай, как-то сразу ободрился.

Кажется, тот самый Битабар! У того сына тоже звали Амантаем...

— Весной сорок четвертого от наших краев погнали большое стадо на ограбленную фашистами Украину... Телки, коровы, быки... Двенадцать тысяч голов, — рассказывал директор совхоза, — впереди был долгий путь в четыре тысячи километров, впереди лежали реки Урал, Волга, Дон, Северский Донец... Вожак гуртовщиков был Балуан Битабар. Он взял с собой жену, она помогала ему в том великом кочевье. Долог был их путь. Возле Сталинграда случилась беда, когда переправлялись через Волгу. Неожиданно натолкнулись на минное поле. Надо было разминировать, сделать проходы, но никто не знал, как обращаться с минами. Несколько десятков коров подорвалось... Битабар вскочил на коня и помчался назад, к переправе. Нашел там сапера и чуть ли не силой привез к стаду. Сапер показал, как обнаруживать мины, как обезвреживать, извлекать из земли... Битабар и другие гуртовщики следили за каждым движением сапера... Тот проделал проходы в минном поле, научил их находить скрытые «сюрпризы». Зоркие глаза степняков все видели. Потом они еще трижды натыкались на минные поля, и Битабар первым ступал на опасную землю, полз на коленях, обезвреживал противотанковые мины... Однажды Битабар коснулся сухого куста перекати-поле, в котором запутались тонкие нити проволок. То была ловушка — прыгающая мина. Она подскочила прямо к груди батыра, но он не растерялся, в самый последний миг ударом кулака отбросил далеко свою верную смерть. Почти дюжина осколков впилась в тело батыра, но он остался жив. В Донбасс Битабар прибыл не верхом на коне, а лежа в повозке и весь в бинтах...

На джайляу мы приехали к вечеру, когда голубоватая дымка тумана стлалась по низинам и повеяло легкой прохладой. На поблекшем небе вспыхнула первая вечерняя звезда.

Нас поместили в просторной юрте.

Чабаны закололи молодого барана, стали спешно готовить сорпу.

— А где аксакал? — поинтересовался директор.

— Он скоро придет... Вы же знаете его, — начал жаловаться молодой чабан, — придирается к каждой мелочи, проверяет. На водопой сам скотину гонит. И что старику еще надо! Почет есть, уважение есть... Живи, радуйся!

— Битабару надо, чтобы из тебя вышел хороший, думающий чабан, — отрезал директор совхоза.

Пастух осекся и тут же вышел.

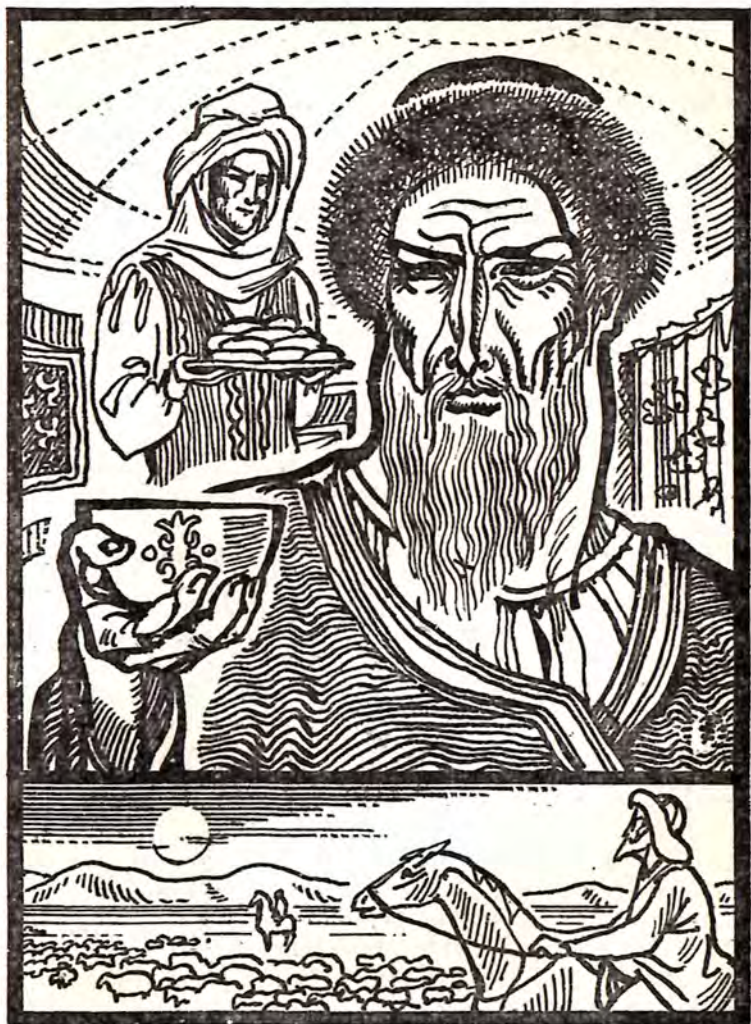
Вскоре послышался цокот копыт, гортанный властный голос, и в юрту ввалился крупный седобородый человек.

Он сразу как будто бы заполнил все свободное пространство.

— Э-э, нашандик директор! Ассалаумагалейкум, — он протянул свои корявые, но еще сильные, покрытые мозолями широкие ладони, похожие на лопаты, все в мелких черных крапинках, то ли от угольной пыли, ввевшейся в кожу, то или от земли.

— Где моя лампа? — проговорил аксакал, усаживаясь на кошке. — Где моя шахтерская лампа? Сегодня у нас гости, надо зажигать. Пусть будет светло.

Молодой чабан достал из походного сундука старую шахтерскую лампу, с которой Битабар спускался в забой, приподнял железную сетчатую решетку, зажег фитиль.

Неяркий ровный свет излучала лампа. Ее подвесили на проволочный крюк над дастарханом.

Я внимательно разглядел аксакала.

Смуглое, обветренное лицо Битабара было изрезано глубокими морщинами.

Кустистые брови нависали над слегка раскосыми глазами, которые смотрели остро и бодро, излучая спокойный ровный свет, и чем-то напоминали две маленькие шахтерские лампочки.

Седые усы, седая борода.

Широкие плечи, крепкие руки...

Он посмотрел на меня в упор и спросил, обращаясь к директору:

— Кем он будет?

— Корреспондент,— ответил тот Битабару,— из газеты. Написать хочет.

— Газета — хорошее дело,— сказал Битабар.— Но сначала надо покушать, потому что на пустой живот в голову придут плохие мысли.

Мы осушили бурдюк кумыса, съели наваристую сорпу, вареное мясо и потом пили крепкий чай.

Битабар стал рассказывать, как он в Донбассе искал на шахте русского богатыря Алексея Стаханова, но того там не оказалось, он находился в то время в Москве. Битабар хотел было спуститься в русскую шахту, но ни одна из них не действовала — фашисты затопили их водой.

— А в Караганде бывали? — поинтересовался я.

→ Нет, не бывал... Все некогда. Давно ушел оттуда, очень давно. Там, наверное, меня забыли.

Тогда я рассказал ему о городском музее, о газетных вырезках, фотографиях, портретах героев соревнования, о том, что даже кайло хранят.

— С железной ручкой? — насторожился Битабар, в глазах его заблестели огоньки.

— С железной ручкой, аксакал...

— Может быть, мое... Может, Ылгаза... Только у нас двоих были с железными ручками.

Мы проговорили до рассвета.

Много вспоминал Битабар, рассказывая о своей жизни.

— А как вы себя чувствуете сейчас, аксакал?

— Еще не ослаб. Только вот колени... Они не выдерживают, а то бы я и сейчас запросто поднял верблюда!

...Вот так я и встретился с Битабаром.

...Вот так и расстался я с Битабаром, рассказав о нем правдивую повесть жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	90
ЭПИЛОГ	167

ИБ № 851

Шаймерденов Сафуан

СТЕПНОЙ СОКОЛ (ПОВЕСТЬ О БИТАВАРЕ)

Зав. редакцией В. Е. Вучетич. Редактор А. Н. Панкова. Художник Р. М. Мусихина. Художественный редактор А. П. Ерасов. Технический редактор Л. И. Некрасова. Корректоры В. Н. Лаврухин, Л. И. Лосева

Сдано в набор 20.06.78. Подп. в печать 07.09.78. А14083. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,70. Уч.-изд. л. 7,84. Тираж 65 000 экз. Заказ 625. Цена 55 коп.

Издательство ВЦСПС Профиздат, Москва, ул. Кирова, 13.

1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18.